
ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки: бригадир полеводческой бригады колхоза «Красный Октябрь» Лево-Россошанского района, Воронежской области, Герой Социалистического Труда Екатерина Красикова.

Портрет работы художника А. Китаева

На последней странице обложки: «Речной порт на Днепре». Художник Д. Безуглый.

Так выглядит молодежное общежитие.

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ МОЛОДЕЖЬ

Фото А. Гостева

К новому трехэтажному дому на Красноуральской улице города Свердловска подъезжает на мотоцикле молодой стахановец Василий Воробьев. Вместе со своими друзьями Воробьев недавно переселился в это красивое, светлое здание.

170 человек разместилось в новом молодежном общежитии, выстроенном Верх-Исетским металлургическим заводом, одним из старейших на Урале.

Это общежитие можно было бы по праву назвать хорошей гостиницей, если б со словом «гостиница» не связывалось представление о временном жилище. Просторные комнаты обставлены просто и вместе с тем уютно. Живут в них по 3—4 человека. В комнатах радио, стенные шкафы. На подоконниках цветы. Полы застелены дорожками. На стенах картины уральских художников и копии с лучших произведений русской живописи. С потолка свешиваются тяжелые люстры.

Приятно оформлены вестибюль, коридоры, красный уголок. Все блещет чистотой и порядком.

Вестибюль. Здесь часто собираются молодые рабочие поговорить о делах, посоветоваться, услышать последние заводские новости.

Собираются в театр...

ОГОНЁК

№ 41 (1218) 8 ОКТЯБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Выборы делегата на Всесоюзную Конференцию сторонников мира от коллектива Московского электролампового завода. На снимках: вверху — общий вид собрания; внизу — работницы поздравляют своего делегата — руководителя цеха приемно-усилительных радиоламп З. Н. Кондрашову.

Фото Ф. Кислова

ВО ИМЯ МИРА И

Более года назад на Всесоюзной Конференции сторонников мира им была оказана высокая честь, большое доверие,— их избрали членами Советского Комитета защиты мира. Они первыми в нашей стране подписали историческое Стокгольмское Воззвание.

Сегодня мы рассказываем о том, как члены Советского Комитета защиты мира — рабочий и писатель, колхозник и актер — каждый по-своему, своим оружием борется за священное дело мира во всем мире.

Слово московского мастера

Абажур настольной лампы ограничивает световой круг. Мягкое зеленоватое пятно освещает небольшой письменный стол, листы исписанной бумаги, корешки книг и руку с короткими сильными пальцами, держащими вечное перо.

Лицо пишущего человека остается в тени. И оттого оно кажется более строгим, чем мы привыкли видеть его на многочисленных портретах в газетах и журналах.

Николай Алексеевич Российский набрасывает тезисы своего завтрашнего выступления. Ему хочется найти самые хорошие и верные слова. Потому так много перечеркнутых строк на лежащих перед ним листах.

— Завтра состоится заключение «пакта»,— шутливо говорит нам Российский. — Просили выступить от имени заводского коллектива. Вот и сижу, корплю...

Оказывается, «пакт» собираются заключить рабочие завода «Калибр» с «одним из подразделений Советской Армии» — так любят называть свой коллектив работники Центрального театра Красной Армии.

По примеру МХАТ и Большого театра Союза ССР, установивших тесное общение с рабочими и инженерами московских заводов, коллектив «Калибра» решил завязать творческую дружбу с Центральным театром Красной Армии.

Ну что ж, это вполне естественно. Там, за рубежами, где готовятся к войне, заводы вместо пылесосов и кастрюль начинают изготовление деталей пулеметов. А здесь, в стране, где все делается для мира, заботятся о духовном росте заводских людей, об их культуре и удовлетворении их интереса к искусству.

О многом мог бы поведать своим завтрашним слушателям — рабочим, артистам, инженерам и режиссерам — Николай Российский, советский рабочий, член Советского Комитета защиты мира. О том, как торжественна была в Финляндии эстафета мира, на финише которой он присутствовал в Хельсинки, и с каким горячим сочувствием воспринималось там труженикам каждое слово о мире и дружбе с СССР, о стране социализма. Или о том, с какой готовностью и верой подписывали Стокгольмское Воззвание в Румынии, где знаменитого московского мастера встречали как посланца мира.

Или лучше всего рассказать о том, как люди участка микрометров, которым он руководит, напряженным мирным трудом вносят и свою лепту в великое дело борьбы за мир?

Да, пожалуй, лучше всего посвятить свою речь борьбе заводского коллектива за мир и рассказать о том, что они поставили перед собой высокую задачу: уже в декабре выпускать каждый день столько отличной продукции, сколько давали за целый месяц в начале нынешней пятилетки.

Недаром же коллектив решил превратить свой «Калибр» в предприятие отличного качества. А выполнения этой задачи можно добиться лишь творческим трудом и воспитанием людей. Мирный строитель коммунизма должен быть всесторонне развитым человеком. Вот поэтому дружба с работниками искусства и науки так важна сегодня для советского рабочего...

На своем интересном и богатом жизненном пути Российскому довелось встретить многих простых людей — борцов за мир. В его рассказах они встают как живые. И среди них широкоплечий белокурый рабочий из Хельсинки, с радостью повторявший: «Значит, это правда, что в Советском Союзе почти все подписали Стокгольмское Воззвание. Ну, теперь-то мы заткнем рот нашим брехунам!».

И старый румынский крестьянин, сказавший: «Пусть Трумэн хоть лопнет, а мы не свернем с нашего пути!»

С особой теплотой звучат слова Российского о друзьях-товарищах с «Калибра», борющихся за мир своим трудом. Он говорит об Иване Прокопове — умельце и искуснике, которого слушается любой из многих станков цеха; о молодом станочнике Владимире Уткине, инициаторе похода за экономию; о старой работнице Ирине Николаевне Тарарышкиной, которая сказала незатейливо и верно: «Это только ироды хотят, чтоб война была. А каждый человек мира хочет. И я хочу. Подписала вот Воззвание, а теперь буду одна столько деталей давать, сколько на двоих положено,— это, чтоб крепче стояла наша держава. А коль крепка будет, то и враги поостерегутся да подумают, прежде чем на рожон лезть».

Об этом и о многом другом думал Николай Российский, готовясь к своему выступлению. Допоздна горел свет в его скромной квартире.

А. ЭРИВАНСКИЙ

Как посланца мира встречали мастера московского завода «Калибр» лауреата Сталинской премии Н. А. Российского в зарубежных странах, куда прославленный стахановец приезжал в составе советских делегаций. На снимке: Н. А. Российский на бухарестском заводе имени 23 августа. Он осматривает детали, изготовленные румынским мастером, работающим по методу советских стахановцев.

В степях Приазовья

Золотая осень стоит в степях Приазовья. На огромных массивах старейшего украинского колхоза имени Сталина давно окончен осенний сев, взмет зяби. После теплых дождей дружно поднялись озимые всходы. Ветер с моря колышет пожелтевшие листья деревьев защитных полос. Тихо в степи и безлюдно, только на одном поле еще мелькают разноцветные женские платки, слышен смех и веселый говор. Тут собирают хлопок.

У весов стоит загорелая Екатерина Требушная.

— Здравствуйте еще раз! — приветствует ее Нина Пирогова. — Ну, как показатели?

— Смотри на весы, там и показатели,— хитро подмигивает Екатерина.— Две нормы сегодня дам, это точно, а если будет две с половиной,— тоже неплохо. Не зря стали на вахту мира.

Разговор заходит о мире, о последних сообщениях из Кореи. Женщины живо обмениваются мнениями.

— Скоро наш Григорий Павлович поедет в Москву на конференцию сторонников мира. Он там за всех нас скажет,— убежденно говорит Екатерина Требушная.

...Григорий Павлович Литовченко — председатель ордена Ленина колхоза имени Сталина в Геническом районе на Херсонщине. Слава об этой артели вышла далеко за пределы Украины.

В прошлом году с трибуны первой Всесоюзной Конференции сторонников мира Г. П. Литовченко произнес страстную речь, обращенную ко всем простым людям земного шара. Он поведал о горестях, которые принесла минувшая война его землякам: общий ущерб, нанесенный оккупантами колхозу, выражается в сумме 45 миллионов рублей; война оставила в колхозе 417 детей сиротами и полусиротами. Он поведал и о первых радостях послевоенной мирной жизни, о захватывающих перспективах, в которых зримо ощущаешь коммунистическое завтра.

— У нас,— говорил он,— есть великий план преобразования природы, план развития общественного животноводства... Большое строительство развертывается в нашем колхозе... Мы уверены в своем счастливом будущем.

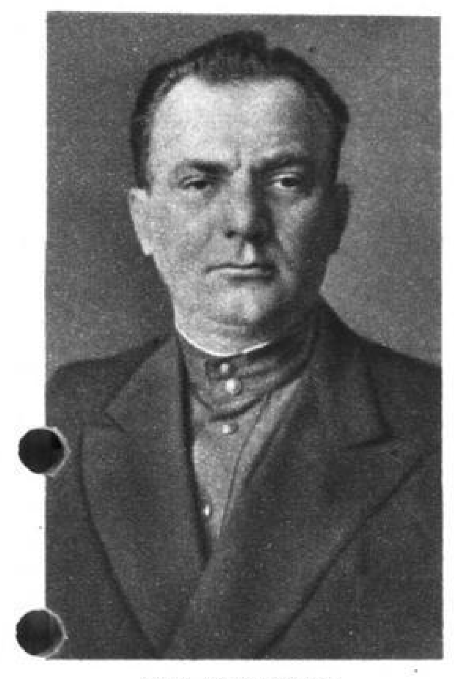
И вот сейчас, собираясь в Москву, Григорий Павлович мысленно прикидывает, что сделано за год. Вспоминаются факты, цифры, перед глазами встают Пирогова, Требушная, Сочин, Коляда, Нижмлинова и другие колхозники — передовые бойцы великой трудовой армии.

Во имя мира трудился весь минувший год и он, председатель артели, успевший после войны заочно получить высшее образование и стать агрономом.

Колхоз имени Сталина давно стал крупной фабрикой зерна, хлопка, животноводческих и других сельскохозяйственных продуктов. В артели ныне 8500 высокопродуктивных тонкорунных овец асканийской породы, 1300 голов крупного рогатого скота — столько, сколько предусмотрено планом на конец будущего года. На колхозных фермах полно свиней, птицы.

Григорий Павлович может уже рассказать в Москве, как воплощается в жизнь пятилетний план построения колхозного агрогорода в Приазовской степи.

СЧАСТЬЯ НАРОДОВ

Г. П. Литовченко.

Рядом с каменным зданием общежития и жилыми домами колхозников возвышаются стены больницы, амбулатории, аптеки. Возводится двухэтажное здание школы, строятся универмаг, столовая, дом связи, детские ясли, гараж. Проектируется колхозный санаторий на берегу моря. Каждый день прибывают вагоны с материалами для агрогорода.

В повседневных радостях, заботах и трудах Григорий Павлович не забывает о тяжкой участи братьев — рабочих и крестьян Кореи. Не в силах Литовченко спокойно говорить о бандитах, ворвавшихся в чужой дом и бесчинствующих там. Не может член Советского Комитета защиты мира колхозник Литовченко спокойно говорить о поджигателях новой войны.

...Рано вечереет в Приазовской степи. Над тихим и мирным селом Партизаны, над лесами строек зажигается море электрических огней. В колхозе имени Сталина 3 тысячи электроламп, 60 электромоторов. А что будет, когда сюда подадут электроэнергию с Каховки, когда воды Днепра утолят жажду здешних земель?

В. КУЧЕР, Е. КРИЖАНОВСКИЙ

Пески Туркмении цветущим станут краем!

Шел незабываемый 1919-й. В Туркмении еще полыхало пламя гражданской войны, изо всех сил раздуваемое английскими интервентами. Но уже чуяли свою неминуемую гибель белогвардейские своры. Матерые бандиты, наемники британского империализма, спешно переправляли через иранскую границу награбленное: драгоценный туркменский каракуль, редчайшие ковры, табуны ахалтекинских племенных коней...

На берегу Аму-Дарьи, любуясь ее широким, стремительным течением, стояли два старых друга: командующий фронтом, бывший железнодорожный рабочий Иван Тимофеевич Чернышев и Артык Бабалы, безземельный тедженский крестьянин, командир добровольческого туркменского кавалерийского полка. Завтра полк уходит на фронт. Житель маловодных степей Артык, впервые увидев могучий водный поток, о котором народ сложил столько легенд и песен, воскликнул:

— О могучая, великая река! Откажись от своего жестокосердия, брось в наши степи взор сострадания!

Иван Тимофеевич не сдержал невольной улыбки. Артык с укором взглянул на него:

— Чему ты смеешься, Иван?

— Аму-Дарья не имеет ушей, чтобы услышать твою просьбу, Артык.

Артык не нашел ответа. Иван Тимофеевич пояснил свою мысль:

— Чтобы повернуть воды Аму-Дарьи в туркменские степи, надо строить плотины, рыть каналы.

— У кого хватит на это сил?

— У советской власти хватит... Вот настанет мир, подымем хозяйство, разовьем технику — осилим и Аму-Дарью!

Таково содержание одной из заключительных глав широко известного романа туркменского писателя Берды Кербабаева «Решающий шаг», удостоенного за 1947 год Сталинской премии.

Этой теме — заветной мечте туркменского народа о преобразовании суровой природы Кара-Кумов — Берды Кербабаев посвятил многие свои произведения. Одна из первых его поэм, написанная в начале тридцатых годов, называется «Аму-Дарья». В эпиграфе — две строки:

Аму-Дарья! Когда тебя мы обуздаем,
Пески Туркмении цветущим станут краем!

В драматической переработке старинной народной легенды в уста ее героев поэт вкладывает свою взволнованную речь:

Вода идет, вода! Отраден шум
В поля бегущего потока...
Сколько дум
Рождает он в душе...

Ныне претворяются в жизнь заветные желания Артыка Бабалы, живой плотью облекается уверенность Ивана Тимофеевича Чернышева в том, что у советской власти хватит сил одолеть строптивую Аму-Дарью и направить ее воды на преобразование каракумских степей и песков.

Думы члена Советского Комитета защиты мира писателя Кербабаева обращены к мирным делам его республики. Он полон больших забот — и как писатель и как общественный деятель. Это заботы гражданина, помогающего разоблачать поджигателей войны, живым и ярким словом разъясняющего своему народу, что значит отстаивать дело мира.

Творчество писателя неразрывно связано с борьбой народов за мир.

Сейчас Б. Кербабаев собирает материал для нового произведения — о туркменских нефтяниках. Писатель хочет показать радость мирной жизни нефтяников Туркменистана, активных участников строительства коммунизма.

Г. ВЕСЕЛКОВ

Берды Кербабаев.

Пафос труда

Рабочий день директора, ведущего актера театра, большого общественного деятеля, необычайно насыщен. Его надо делить между творческой работой над новыми спектаклями и административно-хозяйственной деятельностью. Актер Хорава работает над образами Георгия Гигуари в «Его звезде» И. Мосашвили, матроса-большевика Шебуева в «Незабываемом 1919-м» Вс. Вишневского, он живет мечтой воплотить на сцене облик Маяковского. В Театральном институте, где Акакий Алексеевич заведует кафедрой актерского мастерства и режиссуры, он читает через день лекции. А почта депутата Верховного Совета СССР, письма и поручения из Советского Комитета защиты мира, из Комитета по Сталинским премиям, из ЦК союза работников искусств!..

Начало кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием застало театр в Зугдиди — красивом субтропическом городке. Перед началом первого спектакля член Советского Комитета защиты мира Акакий Алексеевич Хорава, приветствуемый переполненным залом, произнес пламенное слово. Он говорил о растущем движении сторонников мира, о нашей Родине, идущей в авангарде этого могучего движения. Он рассказал о своей поездке в Финляндию: несмотря на фашистские провокации, движение за мир в этой стране приобрело множество друзей и активистов...

Народный артист СССР А. Хорава выступает на торжественном собрании в Театре имени Руставели.

Словом о мире был начат новый сезон Театра имени Руставели. Он был открыт знаменательным спектаклем — «Во имя грядущего» («Падение Берлина») П. Павленко и М. Чиаурели. Взволнованно слушали люди, сидевшие в зале, заключительные слова пьесы. Это были слова творца великих побед советского народа, знаменосца мира во всем мире — Сталина, слова, призывающие беречь завоеванный мир.

Н. НОВИЦКИЙ

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Если говорить о том новом, что прочно вошло в быт советского народа за три последних десятилетия, то хочется прежде всего назвать авиацию. Огромная территория Советского Союза соткана густой сетью авиационных трасс. Они связали все столицы союзных республик, важнейшие промышленные и культурные центры, свыше 1200 населенных пунктов. Ежедневно из Москвы, крупнейшего узла воздушных дорог, улетают сотни комфортабельных пассажирских и тяжелых грузовых самолетов. Общая протяженность воздушных линий СССР уже в 1948 году значительно превысила длину внутренних авиационных линий США.

Никого теперь не удивишь полетами гражданских летчиков через завьюженные хребты Памира — «Крыши мира», через пустыни и горы.

Но даже самый обычный перелет по любой авиатрассе может представить немалый интерес: в типических его чертах раскрывается многообразие нашей жизни.

Читатели «Огонька» А. Кротков из Юрьевца, А. Каленова из Сталинграда, В. Пахомов из Владивостока просили редакцию журнала рассказать о величайшей в мире сухопутной авиационной трассе Москва — Владивосток. «Я читал о ежедневных полетах пассажирских самолетов на Дальний Восток, но хотелось бы знать подробности о них»,— пишет московский читатель «Огонька» В. Лисицын.

Редакция поручила нам совершить полет на рейсовом пассажирском самолете по великому воздушному пути.

Мы начали с того, что пришли в московское городское агентство Аэрофлота. В высоком зале собралось много людей, предпочитающих самолет вагону скорого поезда. Они рассматривали карту, исчерченную цветными линиями. В киоске продавали томики в мягкой голубой обложке: «Расписание движения самолетов». Полистаем эту книгу. На 120 ее страницах перечислены 979 воздушных рейсов — в Прагу и древний Самарканд, в Варшаву и Архангельск, в Берлин и Пензу, в Кабул и Ленинград, в Стокгольм и Южно-Сахалинск. Под номером первым значилась линия Москва — Владивосток. Протяженность этой трассы равна 7530 километрам по воздуху.

Мы получили два билета на самолет, отправлявшийся в ту же ночь к берегам Тихого океана. На глянцевитой голубоватой бумаге было написано: «Отлет из Москвы в 2 часа 55 минут ночи с Внуковского аэродрома на машине «Л-1745».

Нас заинтересовало: кто поведет самолет, кто займет места в пассажирской кабине?

В билетных кассах Аэрофлота записывают фамилии и адреса каждого пассажира. Мы ознакомились со списком будущих соседей по самолету. Возникло решение: найти их в Москве и узнать, чем они были заняты в течение дня, что побудило их предпринять столь дальний полет.

Первым в списке пассажиров значился Гараф Сафин. Мы встретили его. Он оказался худощавым, сильно загорелым, темноглазым юношей — трактористом с нефтяных промыслов Сахалина. Когда мы пришли к будущему спутнику, тот собирался на стадион «Динамо».

— В Москву я прилетел с Сахалина отдыхать,— рассказал нам Сафин. — Отпуск провел хорошо. Побывал в театрах и на выставках. Ходил в кино. Когда улетал с Сахалина, товарищи мои, Саша Фирсов и Петр Пузоверов, наказали мне «поболеть» на стадионе «Динамо». «Поболею», потом расскажу ребятам о матче.

Вторым в списке пассажиров самолета «Л-1745» был Алексей Дмитриевич Семенов, депутат Верховного Совета СССР, председатель Приморского крайисполкома. Алексея Дмитриевича мы встретили в гостинице «Москва». Он спешил в правительственные учреждения. Мы вышли с ним в Охотный ряд. А. Д. Семенов говорил:

— Люди советского Дальнего Востока трудолюбивы и гостеприимны. Американская пропаганда старается изобразить Приморье и весь советский Дальний Восток в виде какого-то вооруженного лагеря и договаривается до того, будто... по Владивостоку ходят танки. Глупая и грязная клевета! В этом году у нас заложены новые сады, каменщики возвели новые школы, трактористы подымают отвоеванную у тайги землю, рыбаки успешно ловят рыбу. Дальневосточники много и упорно трудятся. Повседневно мы ощущаем заботу партии, правительства, лично товарища Сталина.

Следующий пассажир, техник Иван Тимофеевич Прокудин, получил отпуск и решил провести его на берегу Японского моря.

— В бухте Большой Улис, под Владивостоком, живет мой родной брат. Работает он директором подсобного хозяйства. Давно мы с ним не виделись...

Иван Тимофеевич достает из кармана письмо:

— Зовет меня, пишет, что в Большом Улисе будет не хуже, чем в Сочи. Займемся ловлей осьминогов, будем купаться в Японском море.

В течение дня мы встретились и с другими пассажирами самолета «Л-1745». Одесский врач Михаил Давыдович Давнер летел из Одессы в Комсомольск-на-Амуре к брату-инженеру. Диспетчер Владивостокского морского порта Екатерина Александровна Обертас с сыном Витей путешествовала по Волге и теперь возвращалась к месту работы. Анастасия Николаевна Вдовиченко с дочкой Наташей ехала из Киева во Владивосток. Электрослесарь Николай Савельевич Незамутдинов прилетал в Москву с Курильских островов. Закончив служебные дела, он держал путь на далекий остров Парамушири.

...Близилась полночь. Утихали проспекты и площади великого города. Алели звезды на кремлевских башнях. В тридцати километрах от московской городской черты сиял огнями центральный аэропорт столицы.

Когда Москва спит, жизнь не затихает в ее аэропортах. Прибывали пассажирские, почтовые и грузовые самолеты из Адлера, Баку, Иркутска, Праги, Будапешта. Улетали самолеты в Харьков, Ленинград, Казань, Тбилиси. В мраморных залах эхо повторяло голос диктора, объявляющего о прибытии и отправлении самолетов.

2 часа 50 минут. Двухмоторный комфортабельный «Л-1745» подрулил к перрону. Прожекторы вырывали из ночной тьмы очертания крылатой машины. Пассажиры поднялись по лесенке в кабину. В их распоряжении удобные, мягкие кресла, буфет, библиотека, туалетная комната. Матовые плафоны освещали ковровые дорожки, на окнах желтые шелко-

Гараф Сафин отправился «поболеть» на стадион «Динамо».

И. Т. Прокудин в Москве, на площади Свердлова.

Путевые заметки

Е. РЯБЧИКОВ Фото В. Евграфова

Специальные корреспонденты «Огонька»

вые занавеси, над каждым креслом никелированный цилиндр вентилятора.

Дежурный по аэровокзалу пожелал нам счастливого пути. Самолет отрулил по бетонной дорожке на освещенный электрическими огнями ночной старт. Взревели моторы, и в 2 часа 55 минут, точно по расписанию, мы покинули землю.

Ночная Москва... Не забыть ее в золотом убранстве огней. Куда ни кинь глазом,— всюду огни, огни, огни... Они горели на стальных каркасах высотных зданий, рассыпались по асфальтированным площадям, купались в реке, сияли над осенними парками. Ночные светильники окаймляли просторные набережные. В их свете висячие мосты казались воздушными. Звезды земли сливались со звездами неба. Полыхающий океан медленно таял в чернильной тьме горизонта.

Из пилотской кабины вышла борт-проводница Антонина Клементьевна Каразас. Высокая любезная женщина, налетавшая уже миллион километров, объявила пассажирам маршрут предстоящего полета, места посадок и показала, как пользоваться личными вентиляторами. Затем она помогла откинуть перед сном высокие спинки мягких кресел и сообщила: в буфете есть закуски, вина, фрукты, какао, горячий чай и нарзан.

— Чувствуйте себя, как дома,— улыбаясь, сказала борт-проводница. — Рекомендую отдохнуть.

Утренняя мглистая заря встретила самолет далеко от Москвы. Вишневым соком наливалось раздолье полей. Пассажиры спали...

Кабина пилотов — «святое святых» воздушного корабля. Мы попросили разрешения пройти в кабину. Множество приборов, рычагов, кнопок, бронированных кабелей, цветных проводов, резиновых и металлических трубок...

Воздушный корабль приводится в движение двумя моторами, по нескольку тысяч лошадиных сил каждый. Помимо сложного моторного хозяйства на корабле есть своя радиостанция, отопительная система и система вентиляции, электрическая станция, хранилища горючего и масла. В распоряжении летчиков различные аэронавигационные приборы.

Можно было подумать, что все пять человек, занимающие места в пилотской кабине, работают без малейшего напряжения. Но такая непринужденность свидетельствует лишь о мастерстве. Штурман Николай Силин сидел слева, за маленьким столиком. Перед ним лежали многоцветные карты, потертая от частого пользования логарифмическая линейка. Он мельком поглядывал на приборы, иногда через окошко — на черную ночную землю и снова занимался бесконечными расчетами. Цифры, математические формулы столбцами заполняли узкие листы бумаги. Сделав какой-то расчет, Силин развертывал авиационную карту маршрута и отмечал на ней пройденные участки пути.

— Где мы сейчас находимся?

Силин посмотрел на свои расчеты и сказал:

— Через три минуты подойдем к Оке.

Чувствуйте себя, как дома,— улыбаясь, сказала борт-проводница Антонина Клементьевна Каразас.

Экипаж самолета «Л-1745» (слева направо): штурман Н. И. Силин, борт-проводница А. К. Каразас, командир корабля В. И. Болдырев, борт-радист В. Г. Полагутин, второй пилот И. С. Булкин, борт-механик Г. В. Давыдкин.

Пассажиры в Новосибирском аэропорту. Впереди — А. Н. Вдовиченко с дочкой Наташей, сзади — Е. А. Обертас с сыном Витей.

Через три минуты мы увидели звезды, отраженные гладью окских вод.

Рядом со штурманом, перед радиостанцией, сидел борт-радист Василий Полагутин. У радиста в полете нет ни минуты покоя, ни на секунду он не может отлучиться от своей станции. Полагутин передавал на землю то сведения о погоде на трассе, то сообщения о местонахождении самолета. Записав сводку погоды и распоряжения диспетчера, Силин передал записку командиру корабля и снова приступил к передачам.

В проходе пилотской кабины стоял рослый борт-механик Григорий Давыдкин. У него настороженное лицо чуткого, все время прислушивающегося человека. Однообразный гул моторов был для него приятной симфонией. Иногда, не довольствуясь слуховыми впечатлениями, Давыдкин выходил в пассажирскую кабину и поглядывал через окна на моторы.

Вернувшись на свое место в кабину, механик переключал какой-то рычажок, нажимал кнопку, проверял работу вентиляции и снова слушал, слушал...

На пилотских местах — в носовой части кабины — сидели командир воздушного корабля капитан гражданской авиации Владимир Болдырев и второй пилот, капитан гражданской авиации Иосиф Булкин. Болдырев бросил взгляд на какой-то прибор и тотчас едва приметным движением штурвала изменил направление полета.

— Вас интересует наш корабль? — обратился к нам Болдырев. — Советую познакомиться с ним!

Передав на время штурвал второму пилоту, Владимир Иванович Болдырев поднялся со своего места и сказал нам:

— Самолет наш двухмоторный, целиком отечественного производства. Полетный вес его значительно более десяти тонн. Это настоящий воздушный корабль. Вас удивляет большое количество приборов? Приборы очень облегчают труд летчика. За границей авиационные компании делают «бизнес» и потому уменьшают на самолетах количество дорогостоящих приборов. У нас же партия и правительство постоянно заботятся о летчиках, создают для нас совершенно исключительные условия. Летчик не устает. Значит, он более внимателен, бдителен, а это гарантия безопасности полета.

Болдырев помолчал, не то собираясь с мыслями, не то прислушиваясь к работе моторов.

— Мне приходилось летать за границей,— продолжил рассказ Болдырев.— Когда иностранные летчики узнают, что наши самолеты и трассы отлично оснащены, что каждый советский летчик, прилетев в порт, помещается в «профилакторий», где его бесплатно кормят, что экипажу дают хороший номер, предоставляют возможность принять ванну или душ, провести досуг в комнате отдыха, клубе, читальне,— короче говоря, создают подлинно санаторные условия,— они поражаются. Больше всего удивляет их, что все это мы получаем бесплатно.

Должен сказать, что нас, летчиков, до глубины души волнует сталинская забота. Мы счастливы и горды, что наш вождь проявляет такое внимание к авиации.

Болдырев извинился: он не мог больше заниматься нами — и вернулся к штурвалу.

Наступило утро. Над горизонтом медленно показался огненный шар. Ничто не может сравниться с картиной восхода солнца, которую видишь на высоте двух тысяч метров. Земля еще скрывалась в ночной тени. Там, внизу, утро еще не наступило, там еще не видели солнца, а здесь, в высоте, мы уже приветствовали его появление. Облака причудливой формы становились то янтарно-золотыми, то розовыми, то багровыми. И вдруг все померкло: мы влетели в тучи, и они как бы залепили окна. Тяжелый рокот возвестил о приближении осенней грозы.

Хлынул дождь. В астрономический стеклянный люк, вделанный в потолок кабины, ударили крупные капли. Разбиваясь о сферическую поверхность люка, они растекались тонкими блестящими струйками. Летчик включил «дворники» — щетки на длинных стержнях. Эта деталь сделала наш самолет удивительно похожим на автобус.

— Через шесть минут Казань,— сообщил штурман.

Белесая мгла... В тумане исчезли крылья. Диспетчер аэропорта передает по радио указания летчику, который, ничего не видя, продолжает полет. Выслушав новый приказ диспетчера, Болдырев пошел на посадку.

— Вы у земли... — послышался в наушниках голос диспетчера. — Садитесь...

Толчок. Сквозь туман можно было рассмотреть примятую дождями, блеклую траву летного поля.

К дверям подкатили металлическую лесенку, к ней вплотную подошел автобус. Не замочив ног, пассажиры перешли из самолета в автобус и поехали в аэропорт.

Дождь не стихал. Ветер усиливался. Тучный пассажир в зеленой шляпе и роговых очках подошел к окну аэропорта. Он хмуро сказал соседу:

— В двенадцать часов мне нужно докладывать в главке, в Москве. Из-за этой проклятой погоды опоздаю...

— Доклад могут перенести,— перебил его сосед, худощавый, нервный человек в резиновом плаще, инженер с Уралмашзавода. — А я хотел сегодня побывать на футбольном матче в Ленинграде... Мне уже и билет заказан. Пойду выяснять у диспетчеров...

— Объявляется посадка на самолет «Л-4816», отбывающий в Ленинград через Москву,— сообщили по радио.

— Летим! — «болельщик» подхватил под руку соседа и увлек его к выходу.

— Прошу к самолету,— сказал нам проходивший мимо летчик Болдырев. — Через десять минут улетаем.

Через десять минут взревели моторы, и мы снова очутились в многоярусной облачности.

Подлетели к Уралу.

Антонина Клементьевна объявила:

— Граждане пассажиры, мы перелетаем из Европы в Азию.

— Ура! — воскликнул Иван Тимофеевич. — Предлагаю поднять тост за нашу Сибирь. Тем более, что я сам родом с Алтая.

— И за Дальний Восток! — добавил Гараф Сафин.

Тучи разверзлись. Под крылом, в бездне, густо темнели вершины Уральского хребта.

— Переведите стрелки ваших часов,— посо-

Командир корабля В. И. Болдырев.

Капитан гражданской авиации, командир воздушного корабля Н. Я. Шелёва.

[со]ветовал Сафину А. Д. Семенов. — Мы летим навстречу солнцу и пересекаем различные пояса времени. Как известно, Москва находится во втором поясе, а Свердловск — в четвертом.

— Устанешь переводить,— вздохнул Гараф. — На Сахалине уже отобедали, а здесь [и] девяти часов нет...

— Давно живете на Сахалине? — заинтересовался председатель крайисполкома.

— Уехали всей семьей из Татарии в сороковом году. Родом мы из деревни Агайбаш. Отец у меня — плотник, брат — тракторист, и я работаю трактористом на буровых.

Депутата Верховного Совета СССР интересовали условия работы тракториста, его заработки, планы на будущее.

— В городе Оха я окончил школу, там и в комсомол вступил и курсы трактористов окончил,— рассказывал Сафин. — Денег зарабатываю много: две тысячи пятьсот, две шестьсот. Как мы работаем? Водим трактор по тайге. Случается, задует пурга, ударят морозцы градусов в сорок — пятьдесят, а мы едем: на буровых ждут цемента, труб, машин, вертлюгов. Забавные случаи бывают. Ехали как-то [м]ы за сто пятьдесят километров в тайгу. Ви[ж]у, на дороге валяются бочки из-под солидола. Один бочонок вдруг покатился, перевернулся... Вот чертовщина! Оказывается, медвежонок залез в бочку и забавляется. Медведица услыхала рев моторов, вытащила сынка из бочки за шиворот и увела в тайгу.

Гараф замолчал. В задумчивости глядел он [в] окно. Морозные вензеля на стеклах скрывали землю и небо.

— Был еще такой случай,— вспомнил Гараф. — Ехали мы с Сашей Фирсовым и Петром Пузоверовым на трех тракторах по берегу залива. Нужно было подвезти цистерны к пароходу. Время было осеннее — под зиму. Пока ехали, начался шторм. Большая волна ударила. Проехали немного, а волна стала заливать гусеницы. Попрыгали с сидений, заглушили моторы и полезли на скалы. Просидели там сутки. Ни поспать, ни поесть... Я боялся, как бы ребята не замерзли. Прибоем затопило тракторы. Потом волна ушла, ветер спал, мы спустились к берегу, завели тракторы и поехали к пароходу...

— Свердловск! — объявила борт-проводница. — Стоянка — полтора часа. В аэропорту есть ресторан, почта, междугородний телефон, книжный киоск, зал для отдыха, парикмахерская. Все к вашим услугам. Отдыхайте.

В зале для пассажиров Свердловского аэровокзала людно. Почтенный уральский металлург Прокопий Васильевич Грязнов прощался с женой и товарищами: старик улетал на курорт в Минеральные Воды. Широколицый кареглазый председатель колхоза Иннокентий Петрович Бабушкин сидел в кругу молодых колхозников и рассказывал им о событиях в Корее. На сундучке лежала карта Кореи, вырезанная из газеты. Бабушкин говорил о боевых действиях со знанием дела: во время Великой Отечественной войны он командовал ротой. В другом конце зала ходил об руку с товарищем краевой хирург Приморья, седовласый Семен Иванович Борисенко. Он летел в Ростов-на-Дону знакомиться с опытами врача-новатора Румянцева.

В комнате для пилотов царило не меньшее оживление. Летчики, штурманы и механики обменивались впечатлениями о погоде, делились новостями, шутили.

Владимиру Болдыреву мил и приятен этот бивуачный час в аэропорту. Он привык к неожиданным встречам с друзьями то в Свердловске, то во Владивостоке, к веселым, торопливым разговорам, мелькающим лицам, калейдоскопу событий.

— Сегодня у нас своеобразный юбилей,— сказал летчик,— мы совершаем сотый рейс на Дальний Восток. Каждый член нашего экипажа налетал более миллиона километров. Иосиф Семенович Булкин, второй пилот, имеет на своем счету два миллиона километров. Заметьте: еще два года назад летчиков-миллионеров можно было пересчитать по пальцам, а теперь их так много, что все командиры воздушных кораблей — миллионеры.

В это время в комнату пилотов вошла степенным шагом женщина-летчик в темносинем кителе, с золотыми погонами капитана гражданской авиации. У нее энергичное, умное, волевое лицо. Темные, гладко зачесанные волосы, стянутые сзади в крепкий узел, придавали лицу выражение подчеркнутой скромности. Отдав общий поклон, летчица подошла к Болдыреву.

— Знакомьтесь,— представили нас летчице. — Наталья Яковлевна Шелёва, женщина — командир большого самолета. Наталья Яковлевна тоже налетала миллион километров.

В Вичуге, на ткацкой фабрике, и сейчас помнят потомственную ткачиху Шелёву. Она работала за станком и готовилась до конца дней своих продолжать традиции рода. Но однажды, побывав в одном городе на аэродроме, почувствовала неодолимое влечение к полетам. Комсомол послал Шелёву в авиашколу, и ткачиха стала замечательным летчиком.

— Куда вы сейчас летите? — спросили мы Шелёву.

— Везу матрицы «Правды» в Новосибирск и Хабаровск.

— Значит, вы вылетели позже нас из Москвы?

— И догнала! — улыбнулась Шелёва. — Ну, мне пора: матрицы доставляются с курьерской скоростью, вне всякой очереди. На Востоке ждут свежий номер «Правды». До свиданья! Встретимся, когда буду возвращаться с Дальнего Востока.

Мы вышли из аэровокзала. Дождя не было. Горизонт очистился от туч и просветлел.

...Тайга редела. Начались широкие степи Сибири.

До горизонта, куда ни кинь глазом,— всюду раскинулись степи золотой Барабы. По дорогам пылили обозы с хлебом нового урожая. Под ветром гнулись камыши на топях. Высились монументальные хлебные элеваторы. Белели здания маслозаводов... Сибирская житница проплывала под крылом, поражая размахом и простором.

— Подлетаем к Иртышу,— объявила проводница.

Показался свинцово-темный, по-осеннему хмурый Иртыш, и на его берегах — белокаменный Омск. За десять часов, включая все стоянки в пути, самолет покрыл расстояние в 2320 километров и обогнал за это время четыре скорых поезда, вышедших задолго до нашего отлета из Москвы. Лет пятнадцать назад такой полет считался бы рекордным.

...Через два часа десять минут после вылета из Омска мы были уже над полноводной Обью. Новосибирск открылся во всей красе и величии столицы Западной Сибири. Самолет описал большой круг. С воздуха мы рассмотрели серебристо-чешуйчатый купол самого большого театра в стране, башни и кровли великолепного железнодорожного вокзала, утонувшую в зелени главную магистраль Новосибирска — Красный проспект.

— Опять переводить стрелку? — смеясь, спросил Сафин Алексея Дмитриевича.

— Да, да! Приплюсуйте еще два часа. Теперь мы находимся в шестом поясе времени. — Семенов выразительно постучал пальцами по часовому стеклу и перевел стрелки. — Часы напоминают, как велика наша страна. Прошло всего тринадцать часов, а мы уже в трех тысячах километров от Москвы и пересекли четыре пояса времени.

Новосибирский аэропорт — воздушные ворота Сибири. Здесь встретишь золотоискателей с Алдана и полярников с Диксона, лесорубов Ангары и хлеборобов Алтая. В ресторане сидят пассажиры: за одним столиком в летнем платье, а за соседним — в оленьих унтах. Одни ведут разговор о жаре в Кулундинских степях, другие — о ледовой обстановке в море Лаптевых.

В ресторан вошла бригада коногонов. Они летели из Бодайбо за Урал принимать лошадей для приисков и рудников Якутии. За коногонами вбежала шумная ватага черноглазых, скуластых ребятишек в сопровождении степенной женщины-якутки и мужчины с нервным худым лицом. Мы узнали, что заслуженная артистка Якутской республики Матрена Васильевна Слепцова и преподаватель Якутского музыкально-художественного училища Поль Михайлович Ходырев сопровождают малышей в Ленинград.

В Якутии был проведен отбор самых талантливых ребят, и республика послала их учиться за государственный счет в Ленинградское хореографическое училище и в музыкальную школу при Ленинградской консерватории. Восьмилетний Коля Попов с сестренкой Шурой, девятилетний Андрюша Никифоров и их друзья совершали первое в своей жизни воздушное путешествие. Дети устали. Пришлось все же задержать их на минутку, чтобы сфотографировать юных путешественников.

На сибирскую землю опустилась ночь. Зажглись фонари на башнях и мачтах. Длинной цепочкой разбежались огни вдоль посадочной полосы аэродрома.

(Окончание следует)

Юные пассажиры из далекой Якутии.

СТРОЙКИ КОММУНИЗМА

Невиданной силы эхо разносится по всему миру, когда советское правительство оглашает исторические планы сталинских новостроек. Ни грохот бомб, сбрасываемых американскими пиратами, ни атомная истерия, беснующаяся на всех волнах трумэновских раций, ни визгливое подвыванье из капиталистических подворотен — ничто не в силах заглушить спокойный, уверенный голос Москвы. Четыре документа, опубликованные в августе и сентябре,— это красноречивая программа, рассчитанная на длительный мир, основанная на убежденности в том, что мир может и должен быть сохранен.

Население тех частей света, которые волей империализма все более превращаются в вооруженный лагерь, привыкло к оглушительным цифрам — это цифры военного бюджета, военного производства, растущих прибылей картелей и синдикатов. И чем цифры эти выше, тем ощутимей угроза для человеческой жизни — расплачиваться за них придется народам. Свидетельство тому — страшные жертвы в Корее.

Иные цифры заключены в советских планах. Они вселяют надежду и бодрость. Это миллиарды киловатт-часов, миллионы орошаемых гектаров, тысячи километров новых каналов! И чем они выше, тем бо́льшую безопасность сулят человечеству, тем больше жизненных благ обещают они на будущее.

Если бы даже не было иных доказательств существования двух лагерей — лагеря войны и лагеря мира,— одно лишь сопоставление планов наглядно показывает водораздел между двумя мирами. Там — изуверская мечта о сверхатомных бомбах, садистские планы уничтожения людей. Здесь — уже воплощаемая мечта о том, как могучие электростанции зальют ослепительным светом чудесно преображенную землю и сделают еще полнее людское счастье.

Капиталистический строй губит все, к чему прикасается. Можно подумать, что он замыслил чудовищный заговор против самой земли. Как самум, опустошает он плодородные поля. Как пожар, испепеляет он вековые леса, не заботясь об их охране. Он иссушает водные потоки, оставляя их на произвол судьбы. И, совершив это подлое дело уничтожения, устами своих оракулов капитализм говорит: земля не может прокормить всех людей, на земле их слишком много...

Такова «философия» современных людоедов: сначала ограбить природу, а затем, ссылаясь на ее «скудость», доказывать необходимость истребительных войн.

Но вся эта «философия» терпит крах, как только взоры обращаются в сторону советской державы. Социалистический строй каждым своим шагом опровергает утверждения зарубежных лжеученых. Не убывающим, а возрастающим плодородием отвечает почва, когда к ней приложен разумный человеческий труд. Молодая поросль пополняет вековые леса. В благодатной тени зеленой листвы оживают степи. Реки насыщают своей живительной влагой истомленные жаждой равнины.

Опубликованные ныне планы великого строительства продолжают и увенчивают трудовой подвиг, совершенный нашим народом за годы советской власти. От первых «лампочек Ильича», рассеявших мрак в старых российских селах, до великого ленинского замысла электрификации, давно уже осуществленного; от первенцев — Волхова, Свири и Шатуры — до гигантской Днепровской ГЭС; от Днепрогэса до Куйбышевской и Сталинградской электростанций, каждая из которых превышает Днепровскую,— таков блистательный путь нашей энергетики. Главный Туркменский канал, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы также имеют своих предшественников. Ирригационная сеть Узбекистана, Туркмении, Азербайджана и других республик давно уже безотказно служит земледелию. Сталинский план лесонасаждений входит составной частью в великое дело преобразования нашей земли.

Крепнет Советский Союз, растет его индустриальное могущество, все величественней становится и «планов наших громадьё». Возможность их осуществления обеспечили пятилетки — детище созидательного гения Сталина,— под сталинским руководством успешно выполненные народом. Так велики жизнетворные силы социализма, что даже кровопролитнейшая война, которая была навязана империалистическим лагерем, лишь задержала, но не остановила нашего движения вперед. Победоносно завершает Советская страна первую послевоенную пятилетку и в промышленности и в сельском хозяйстве, оставив позади довоенный уровень.

Социалистический строй — единственный строй, который в силах обеспечить такие невиданные в истории темпы. Ленинско-сталинская коммунистическая партия вдохновляет народ на титанический труд, приближающий час окончательного торжества коммунизма. К этой заветной цели всего трудящегося человечества уверенно ведет нашу страну великий Сталин.

Поэтому советский народ, наши друзья в народно-демократических странах и все прогрессивное человечество убеждены в закономерности новых советских планов, в их полной осуществимости.

Чудесной музыкой звучат эти цифры: свыше 25 миллионов гектаров земли будет орошено и обводнено на территории Советского Союза, из них около 14 миллионов в Поволжье, до 8 миллионов 300 тысяч в Туркмении и Кара-Калпакии, около 3 миллионов 200 тысяч на юге Украины и в северных районах Крыма.

Энергетические ресурсы нашей страны пополняются мощным вкладом, превышающим 4 миллиона киловатт. Около 2 миллионов киловатт — мощность крупнейшей в мире Куйбышевской гидроэлектростанции, не менее 1700 тысяч киловатт — Сталинградской, 100 тысяч киловатт — трех туркменских станций, 250 тысяч киловатт Каховской ГЭС.

1100 километров — такова протяженность одного только Главного Туркменского канала! 550 километров составит длина Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов.

Образуются водохранилища, которые превзойдут своей емкостью многие из крупнейших естественных озер. Емкость двух водохранилищ — у Каховки и в долине реки Молочной — составит 20 миллиардов кубометров.

Необозримые пространства покрываются молодыми лесами. Лишь в районе Главного Туркменского канала леса раскинутся на площади около 500 тысяч гектаров!

Взгляните на карту нашей страны! Какими могучими крыльями должны обладать наши планы, чтобы осенять ее просторы: от Тахиа-Таша на Аму-Дарье до днепровских районов — Каховки и Молочной!

Энергия новых гидростанций потечет по артериям народного хозяйства, придаст еще больший размах промышленности, поставит на индустриальные рельсы сельское хозяйство прилегающих районов, озарит светом города и села. Волга превратится в непрерывный каскад озер. Непокорный Джейхун — Аму-Дарья — обретет постоянное русло. Нижнее течение Днепра станет судоходным.

Сгинут в прошлое заволжские засухи. Белым ковром хлопчатника покроются каракумские барханы. Будут вызваны к жизни подспудные силы северо-крымских и южно-украинских земель. Исполнится то, о чем мечталось в песнях и сказках русского, украинского и туркменского народов. Неукротимая эта мечта всегда волновала и верных своему народу певцов. Ею были порождены проникновенные строки Некрасова, провидевшего начало «иных времен, иных картин»: когда народ заселит прибрежные пустыни, когда «наука воды углубит»

И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Русскому поэту как бы вторил великий украинский кобзарь Тарас Шевченко:

...И ширь пустыни неполитой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут...

О том же слагал песню и современный туркменский поэт Берды Кербабаев:

Поток,
Стремящийся в пески, в иссохшую пустыню,
Чтоб жизнь в ней пробудить, чтоб там, где тлеет ныне
Лишь мертвый прах,— расцвел благоуханный край.

Поэту, живущему в советские годы, довелось присутствовать при осуществлении своей мечты. Недалек день, когда благоуханный край расцветет там, где тлел лишь мертвый прах.

Потому что коммунизм — это жизнь. Потому что стройки коммунизма возводятся величайшим зодчим жизни - гениальным Сталиным.

Экспедиция вышла для изучения трассы Главного Туркменского канала в Кара-Кумах, в районе древнего русла реки Узбой.

Фото Б. Кудоярова

Сергеюс Порфильевич Тарнаускас — начальник отдела технического контроля завода «Металас» в городе Каунас, депутат Верховного Совета Литовской ССР.

Фото Я. Халипа.

Мастер высоких урожаев, бригадир колхоза имени Л. М. Кагановича Ярского района, Удмуртской АССР, Августа Трефилова.
Фото М. Савина

ВЕДУЩАЯ СИЛА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

1

Огненные змеи металла выскальзывают, вырываются из клещей. Вальцовщик Семенов нервничает, суетливо переворачивает болванки и снова схватывает их клещами. Пышущие жаром, они кажутся ему сегодня очень тяжелыми.

— Эх, пропал кусок! — вздыхает работающий в паре с Семеновым крючочник, когда Семенов неверным движением подает болванку мимо прохода между валами.

— За собой смотри! — раздраженно бросает Семенов. Худощавое, небритое лицо его выражает недовольство всем окружающим. Крючочник, нагревальщик, бригадир — все виноваты в его неудачах.

Неподалеку от Семенова у рабочей клети стоит партгруппорг стана Иван Семенович Яковлев, высокий, смуглый, с проседью в черных волосах человек. Клещи послушны его мускулистым рукам. Они безошибочно направляют раскаленную заготовку в железные объятия стана — раз, другой, третий — и вот уже квадратная болванка превратилась в круглую, вытянулась, легла на ленту рольганга, поплыла к дисковой пиле.

Яковлев с тревогой поглядывает на соседа. Из-за Семенова могут сегодня отстать, а ведь бригада стоит на вахте мира: обязались прокатать за смену две тонны металла сверх задания.

Улучив минуту, Яковлев подходит к Семенову:

— Клещи смени. Возьми запасные...

От этого негромкого, спокойного голоса у Семенова пропадает все раздражение. Верно, не ладится из-за клещей. Надо было вчера их нагреть и поправить, а он поленился.

Семенов сменил инструмент. Теперь будто и болванки стали податливее и валы завертелись быстрей.

— Спокойней бери ее, — советует Яковлев, наблюдая, как Семенов принимает заготовку.— Сразу... Вот так... Главное, ритм выдерживай, следи за крючочником.

Семенов появился в бригаде среднесортного стана два месяца назад: перешел сюда из другого цеха Кировского завода. Знал Семенов, что труд в старой прокатке, где механизация еще не была завершена, тяжел, но в глубине души рассчитывал, что ему, как бывшему фронтовику, будут делать снисхождение, избавят его от утомительных обязанностей.

Особенно неприятна была Семенову «коза». Издавна у прокатчиков «козой» называется последняя партия болванок — ею заканчивается смена. Кто делает «козу», тот должен убирать стан. Семенов же терпеть не мог уборки. Он пускался на разные хитрости: затягивал подачу заготовок в клеть или, наоборот, начинал вдруг штурмовать — лишь бы избежать «козы».

Нового вальцовщика предупредили раз, другой — он продолжал свое. Тогда в цеховой стенгазете «Вилы в бок» появилась карикатура на Семенова и заметка о нем: «Роняет звание кировца».

Оскорбленный Семенов побежал с жалобой к мастеру, в цеховое партбюро. На него клевещут, его дискредитируют!

Решили заметку обсудить на собрании партгруппы.

— Почему я должен набивать мозоли? — оправдывался Семенов. — Пусть другие на «козу» остаются. Я на фронте здоровье потерял...

Яковлев дал Семенову выговориться, потом хмуро сказал:

— Вот сидит Цветков — три ранения имел. Алексеев, Сучков, Сергеев — все были солдатами, кровь проливали... А кто-нибудь требовал себе поблажек?

Светловолосый голубоглазый вальцовщик Алексеев — он вернулся из армии с орденом Александра Невского — сказал, обращаясь к Семенову:

— Ты все жалуешься на других, а сам хочешь на дармовщинку проехать. Люди спешат в цех пораньше, готовят себе рабочее место, заботятся об инструменте. Ты вспомни, когда сегодня пришел?

Снова взял слово Яковлев:

— Раз вступил в нашу семью — шагай со всеми в ногу. Не тяни партгруппу назад. Это мы тебе предупреждение делаем.

Следующую неделю бригада трудилась в ночную смену. Семенов явился за полчаса до начала работы, придирчиво осмотрел инструмент, запасные части, шаблоны. Он был молчалив, лицо его выражало скрытую обиду, но Яковлев заметил, что Семенов сегодня не переругивался, как обычно, с крючочником, вальцовщик старался согласовать свои движения с напарником. Едва крючочник поднимал болванку, как Семенов без промедления двигал ее в проход между валами.

В эту ночь бригада боролась уже не за две, а за четыре тонны сверх плана.

Под утро Семенов с трудом превозмогал сонливую усталость, цепко охватившую спину, грудь, руки. Подбежал к водопроводному крану...

— Голову мочить нельзя, — раздался за спиной Семенова предупреждающий голос Яковлева.— Еще хуже устанешь... Давай, браток, я тебе маленько побрызгаю на лицо. Вот так. Ну, ничего, скоро закончим...

Семенову вдруг вспомнились фронт, окопы, широкоплечий сержант-сибиряк — парторг стрелковой роты. Сержант был такой же, как Яковлев, неторопливый, выносливый, строгий и добрый одновременно. Не он ли, парторг роты, показывал молодому солдату, как заворачивать портянки, и как ползти под огнем, и как сподручнее отрывать ячейку малой саперной лопаткой?..

2

Цехи осажденного Ленинграда были тем участком фронта, где воевал Яковлев, где возмужала и закалилась его душа.

В один из первых дней сентября 1941 года на заводской территории разорвались снаряды: немецкие позиции находились всего в трех—четырех километрах от Кировского завода.

Беспартийный вальцовщик Яковлев в минуты самых жестоких артиллерийских налетов оставался на своем посту рядом с коммунистами.

Завод лил сталь и прокатывал металл до середины ноября. К этому времени вражеские снаряды вывели из строя краны и машины, изранили темные кирпичные стены прокатного цеха, на одной из которых висела мемориальная доска в память приезда на завод В. И. Ленина.

Они стояли вдвоем перед зияющим проломом в стене — Яковлев и седой мастер Байков.

— Что с тобой, Алексей Кондратьич? — растерянно спросил вальцовщик.

Мелкая, как дробинка, слеза медленно катилась по сухой щеке Байкова.

— Владимир Ильич Ленин тут выступал, — строго сказал Байков.— Двенадцатого мая тысяча девятьсот семнадцатого года. Был бы ты в партии, Иван Семеныч, ты бы меня лучше понял.

Что-то похожее на упрек почудилось Яковлеву в этих словах Байкова.

У этого прокатного стана несет вахту мира лучшая бригада прокатчиков трижды орденоносного Кировского завода. На снимке: коммунисты среднесортного стана — вальцовщики М. А. Алексеев, П. В. Игонькин, машинист Н. Д. Сергеев, вальцовщик М. И. Иванов, нагревальщик Д. В. Пугачев, старший сварщик В. С. Цветков, вальцовщик И. М. Семенов, старший вальцовщик партгруппорг И. С. Яковлев, старший мастер сортовых участков А. К. Байков.

С Байковым в жизни Яковлева было связано многое. Это он, мастер-коммунист Байков, в 1930 году поставил его, приехавшего из деревни, малограмотного и неумелого, к рабочей клети прокатного стана, научил приемам вальцовщика. Это он поругивал его за мешковатость, медлительность, за узость интересов. Это он приохотил Яковлева к чтению газет, говоря с насмешкой: «Какой же ты путиловец, ежели не интересуешься политикой?»

От Байкова перенял Яковлев ту особую, благородную рабочую гордость, то сознание собственного достоинства, которые всегда отличали путиловцев-кировцев. И вот сейчас, в горький и крутой час, когда фашисты стояли у стен города Ленина, слова мастера о партии заставили Ивана Семеновича глубоко призадуматься...

Замирали цехи Кировского. Только среди ослепших корпусов, на припушенном гарью снегу прокатчики и сталевары расчищали подъездные пути.

Лучших вальцовщиков перебросили за Невскую заставу — на завод «Большевик». Яковлев возглавил бригаду кировцев. Трудную задачу поставили им: катать сорок тонн в смену.

Далеко ли от Невской заставы до Нарвской, где Кировский? А теперь Яковлеву и его товарищам, пятидесятые сутки не выходившим из цеха, казалось, что между «Большевиком» и родным их Кировским пролегла огромная каменная пустыня.

— Что в прокатке? Как там Алексей Кондратьич? — настойчиво расспрашивал Яковлев представителя Кировского завода, изредка приезжавшего на «Большевик».

— Стоит прокатка. Пустой цех... Видел Кондратьича: ослабел, с палочкой ходит. Через пробоины снег в цех намело, так он, понимаешь, беспокоится за оборудование. Натаскал откуда-то фанеры, станы накрыл.

— Передай ты ему,— доверительно говорил Яковлев,— что мы тут катаем шестьдесят тонн вместо сорока. Одним словом, марку кировцев не роняем. И еще скажи: в партию я буду подавать.

Враг еще обстреливал город, когда кировцы начали заделывать в стенах цехов пробоины от снарядов и бомб, ремонтировать станы, машины, печи, восстанавливать производство.

Едва разомкнулось кольцо блокады, как прокатный уже работал на полную мощность. Вернулись на Кировский вальцовщики, посланные на «Большевик». Но людей не хватало: цех получил большую программу. Надо было обучать нелегким профессиям прокатного производства женщин, молодежь, солдат, демобилизованных из армии после ранений.

Алексей Кондратьевич Байков отдавал этому трудному делу все свои душевные силы.

В своем неизменном рыжем пиджаке, к лацкану которого был прикреплен значок почетного металлурга, в темной кепке, плотно сидевшей на посеребренной голове, он обходил станы и печи, зорко присматриваясь к новичкам. Нередко он становился на место новичка, брал клещи и наглядно показывал приемы работы. Когда кто-то из заводоуправления заметил, что, мол, не годится старшему мастеру подменять инструктора производственного обучения, Байков с сердцем ответил:

— Вы так думаете? А я это считаю своей партийной обязанностью — учить людей...

Одним из лучших помощников Байкова стал молодой член партии Яковлев, избранный коммунистами среднесортного стана групповым партийным организатором.

— Что происходит с Игонькиным? — спрашивал Байков у Яковлева.— Почему на третьем разряде застрял? Почему техминимум не сдает? Ивановым тоже поинтересуйся. Давеча жена его заходила, жаловалась — много денег на вино тратит, а у него шестеро ребят.

У Яковлева не было навыков организатора. Начал он с того, что стал наведываться на квартиры товарищей, приглядываться к их быту. Вел простые, житейские разговоры: куда деньги идут, как дети учатся, как свободное время используешь.

Радостно было потом узнавать партгруппоргу, что разговоры эти не оставались безрезультатными.

Разве не изменился после одной такой задушевной беседы Игонькин? Отлично сдал технический минимум и получил пятый разряд. А Иванов? Разве не стал он больше заботиться о семье?

— Детей без внимания не смеешь оставлять. Это твой долг не только отца, но и гражданина.

За «движением звезд» на доске соревнования внимательно следит садчица металла профгруппорг М. А. Байкова. На снимке: М. А. Байкова и бригадир среднесортного стана А. В. Сучков.

Иной раз нельзя было ограничиться беседой.

Коммунист Орлов явился на работу под хмельком. В тот же день в обеденный перерыв Яковлев собрал партийную группу.

Коммунисты сгрудились возле стана. Кто стоял, опираясь локтями на длинные клещи, кто присел на ящик. Через час надо было продолжать трудовую вахту — вахту во имя мира, во имя счастья Родины. И потому люди говорили коротко и сурово. Запятнал Орлов честь коммуниста. Бросил тень на всю партийную группу. Нельзя этого прощать...

Байков, обладавший удивительной памятью, как-то процитировал Яковлеву слова Сергея Мироновича Кирова. Смысл этих слов был такой:

«Если мы наказали, записали выговор, надо, чтобы человек понял, за что ему этот выговор дали, и надо научить этого человека, чтобы он в следующий раз выговора не получал, чтобы он поправился в работе».

В этом была мудрость большевистского воспитания. И Яковлев, вспоминая кировские слова, ощущал удовлетворение, когда видел, как коммунист, о котором резко говорили на партгруппе, глубоко переживал критику, ломал в себе дурное, отсталое и горячо стремился вернуть уважение и доверие товарищей...

3

Посреди цеха к железной колонне прикреплена разграфленная доска с фамилиями бригадиров. Против каждой фамилии — звездочка. Чем дальше уходит звездочка по клеткам экономических показателей, тем веселее на душе у каждого бригадира.

Самые свежие новости о «движении звезд» партгруппорг и бригадир узнавали от Марии Байковой, садчицы металла, профсоюзного организатора.

Мария — дочь Алексея Кондратьевича.

...Перед началом смены Мария обеспокоенно сообщает бригадиру и партгруппоргу:

— Романов нас обогнал.

Романов возглавляет бригаду, вызвавшую их на соревнование.

— Брака у нас еще много,— добавляет Мария,— давайте позовем технологов, разберемся...

Это было необычное собрание партгруппы. Рядом с вальцовщиками и сварщиками сидели инженеры и технологи. Беспартийные выступали так же горячо и деловито, как и коммунисты. Почему брак? Почему царапины на прокате? Да потому, что чугунные «пропуска» никуда не годятся. Грубая поверхность. Надо изменить модели по отливке «пропусков»...

Рождались новые мысли, предложения. Пусть ремонтники поставят дополнительный рольганг от печи к стану. Насколько это повысит производительность! Не пора ли заменить примитивный пневматический кран электрическим?

Прошла еще одна неделя вахты мира. На «стыках» смен, на коротких «пятиминутках» светловолосый, голубоглазый Алексеев рассказывал о событиях в Корее. Потом Яковлев в скупых словах подводил итоги трудового дня...

Звездочки на доске соревнования двигались, перемещались. В ночную смену романовцы прокатали 59 тонн. Днем люди среднесортного стана почти приблизились к этой цифре — они сдали 58,87 тонны. Назавтра Романов снова заставил о себе говорить — 61 тонна! В этот день на среднесортном стане сменили негодные «пропуска» на новые, и бригада шагнула к 63 тоннам! И все рабочие цеха взволнованно читали «молнию», вывешенную возле среднесортного стана:

За два дня прокатано 31,97 тонны сверх плана. Слава стахановцам среднесортного стана, своими трудовыми успехами укрепляющим могущество нашей социалистической Родины!

На 6 часов вечера было назначено совещание партгруппоргов и секретарей цеховых партбюро.

Свыше двухсот партийных групп на Кировском заводе. В этих маленьких звеньях великой большевистской армии беспрерывно рождается творческая энергия!

Говорили на совещании не об успехах — о недостатках и задачах.

Кировцы вместе со всеми ленинградцами обещали товарищу Сталину сделать свой город передовым борцом за технический прогресс. Новые грандиозные стройки коммунизма потребуют еще больше и турбин, и трелевочных тракторов, и другого разного оборудования. Старейший и славнейший завод Ленинграда — в будущем году ему исполнится сто пятьдесят лет — может и должен работать неизмеримо лучше по всем экономическим показателям.

...Поздно вечером Яковлев и Байков возвращаются с совещания в парткоме.

Ночная прохлада ложится на цветники, газоны и асфальтированные дороги заводского двора. Мастер и вальцовщик проходят мимо маленького обелиска из розового гранита, окруженного кустами флоксов и нежнобелого табака. Здесь, где стоит обелиск, осенью сорок первого года прокатчики строили оборонительное сооружение передней линии обороны Ленинграда. Теперь кругом сверкают огнями огромные заводские корпуса. Там проходит один из важных участков всемирной линии защиты мира...

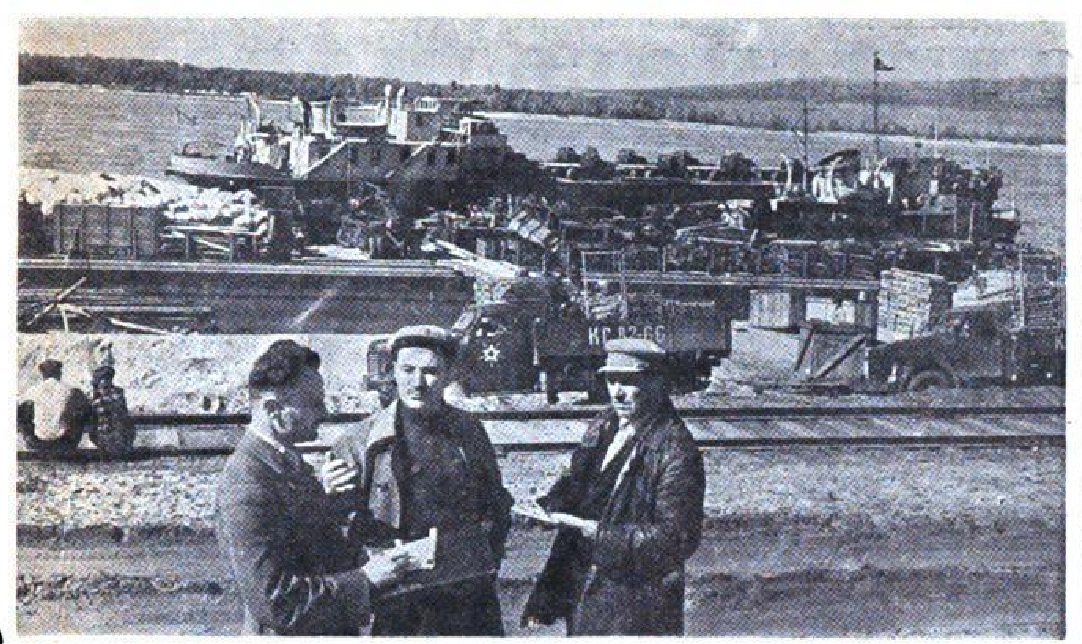
— Как ты считаешь, Алексей Кондратьич,— обдумывает вслух свою мысль Яковлев,— если организовать нам проверочный техминимум? Для каждого прокатчика, а?

— Толково,— откликается Байков.— Всех надо научить стахановским приемам. Вот Семенов у тебя все еще отстает...

— А то я послушал, послушал,— продолжает Яковлев,— и как-то тревожно мне стало. Мало мы еще сделали...

— А что же ты думал? — усмехается, тепло посмотрев на партгруппорга, Алексей Кондратьевич.— Что же ты ожидал, Иван Семеныч, что только хвалить нас будут? У большевиков это не принято. Знаешь, как Сталин сказал? Без критики нет движения вперед... Нет движения вперед!

Ленинград. Кировский завод.

Оживленно у причалов «Куйбышевгидростроя». Для великой стройки на Волге — Куйбышевской гидроэлектростанции — прибывают всевозможные грузы: машины, строительный лес, оборудование, различные товары.

Фото М. Клименкова (ТАСС)

В район Каховки!

Знатная колхозница Украины, Герой Социалистического Труда Елена Семеновна Хоота живет и работает теперь у Днепра, возле знаменитого Переяслава-Хмельницкого. Но она хорошо знает страшные засухи, черные бури и проклятые суховеи, которые повторялись в степях Южной Украины каждые три — четыре года. Внезапно меркло солнце, и день становился ночью. В засуху приднепровские пески раскалялись до 65 градусов, и земля тщетно просила хоть капли воды.

Большую радость вызвала весть о том, что этому горю в южной степи придет конец, что вырастет мощная гидроэлектростанция у Каховки, и по родной земле пролягут невиданные оросительные каналы.

— Чем мне, старой колхознице, — говорила на митинге Елена Семеновна, — ответить нашему советскому правительству, большевистской партии, дорогому Сталину за отеческую заботу об украинском народе? Мой ответ будет такой: в будущем году я обязуюсь вырастить чумизы по 40 центнеров, картофеля — по 600 центнеров, лука — по 700 центнеров и мяты по 18 центнеров с каждого гектара.

Земной поклон мудрому учителю и вождю нашему товарищу Сталину!

...Каховка!

Многолюдно в эти дни на всех дорогах, ведущих в прославленный город. В ровной степи, по обоим берегам Днепра, словно сторожевые посты, раскинулись буровые вышки геологов-разведчиков. Они уходят все далее и далее в степь, по направлению на Мелитополь, Перекоп, Ногайск. Вот одна из таких вышек, установленная у скважины № 36. На поверхность поднимаются образцы породы. Техник-фильтратор Николай Лагно склонился над ними.

Здесь, в районе Каховки, будет воздвигнута плотина

Техник-фильтратор Н. К. Лагно и коллектор Н. А. Самодина отбирают образцы почвы.

— Нам легко работать в этой степи, — говорит он. — Не успеем окончить бурение в одном месте, как уже бегут из колхоза посланцы, спрашивают, куда дальше поедем, что надо нам приготовить для этого. Так что мы не чувствуем себя одиноко в этой засушливой степи.

В Запорожской области работают две экспедиции по трассировке Южно-Украинского канала. Перед ними поставлена задача — в полуторамесячный срок установить трассу канала на участке Запорожье — Мелитополь.

В Каховку переехал основной коллектив строителей и монтажников Днепростроя. Установкой и эксплуатацией механизмов будет руководить старейший днепростроевец тов. Иванов, награжденный двумя орденами Ленина: одним — за строительство Днепрогэса, другим — за его восстановление. В новой грандиозной стройке примет участие и прославленная бригада монтажников Днепростроя, возглавляемая Михаилом Дерипкало.

— Мы едем в Каховку, — заявляет М. Дерипкало, — обогащенные огромным опытом скоростного монтажа конструкций. Наша бригада может выполнить любые гидромонтажные работы.

Украинская степь наполнилась рокотом моторов.

Слышны стали на ее просторах голоса изыскателей и строителей. С ними перекликаются колхозные бригадиры, собирающие богатый урожай хлопка.

Оживут степи, зашумят сады и дубравы, засияет электричество, загудят тысячи машин и электромоторов. Земли Украины и Крыма будут пить воду из седого Днепра.

Сегодня на берегу Нижнего Днепра

— Каховка на проводе!..

К аппарату подошла Виолетта Петровна Багарсукова, геолог Украинского отделения треста «Гидроэнергопроект» («Укргидэп»). Она сообщила в Харьков о том, что делает сейчас ее геологическая партия на берегу Нижнего Днепра. Затем говорили из Каховки геолог В. С. Мартынов и топограф И. В. Кравцов.

— Работы идут полным ходом! — заявили они.

Геологи, топографы, гидротехники, все рабочие изыскательских партий трудятся с небывалым воодушевлением, гордые и счастливые тем, что выполняют сталинское задание.

Там, где через несколько лет днепровская вода зашумит в турбинах и зажгутся огни Каховской гидроэлектростанции, сегодня работают изыскательские партии треста «Укргидэпа». Штаб их находится в Харькове.

Коллективу «Укргидэп» поручены разработка проблемы использования водоэнергетических ресурсов Нижнего Днепра, проведение изысканий на месте и составление проектных заданий для Каховского гидроузла.

...На стенах многочисленных комнат треста развешаны топографические и геологические карты, схемы района Каховки. Здесь отмечается каждое изменение на фронте работ.

Украинское отделение «Гидроэнергопроект» приступило к проектированию Каховской ГЭС. На снимке (слева направо): заместитель начальника бюро Днепра Д. Смирнов, инженеры А. Стогова и А. Жуковский рассматривают генеральную схему ирригации из Нижнего Днепра.

Фото Н. Гурова

Чем сегодня заняты изыскательские партии? Главный инженер управления изысканий Петр Николаевич Кривцов рассказывает:

— Прежде чем начать строительство Каховского гидроузла, нужно точно выяснить режимы подземных вод в районе будущего водохранилища. Мы должны детально исследовать грунт, предупредить возможность утечки воды. Мы соорудили много колодцев. Изыскатели следят здесь за режимом воды. После того, как окончательно определится территория будущего водохранилища, мы сосредоточим все внимание на выбранном участке. Здесь объем работ будет выполнен в три — четыре раза быстрее обычного.

В том же направлении ведут свои изыскания и топографы. Вслед за первыми маленькими отрядами разведчиков в район Каховки из Харькова выезжает большая комплексная партия геологов и топографов в количестве нескольких сотен человек. Эта экспедиция оснащается мощными компрессорами и насосами, передвижной электростанцией, современными станками для бурения грунтов, электрозондировочной аппаратурой для геофизических исследований. Данные изысканий послужат обоснованием проекта Каховского гидроузла.

Прежде чем на площадке стройки появятся экскаваторщики, взрывники, бетонщики, арматурщики и монтажники, должны закончить свою разведку геологи и топографы. Они прокладывают тропы, по которым придет сюда огромная армия строителей.

А. КАШТАНЬЕР

Продукция киевского завода «Укркабель» отправляется на стройку Сталинградской ГЭС.

Фото М. Михайлова

ПОСЛАНЦЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Алый вымпел

Девушка так и сказала:

— Обуздайте, Полина Павловна, этих поджигателей, не дайте им затеять новую войну. Скажите, как нам мир важен.

Суховерхова — она сидела в президиуме — посмотрела на девушку. Девушка была в белой кофточке, аккуратно причесанная, какая-то светлая и очень мирная. Полина Павловна подумала, что такой очень необходима мирная жизнь. Да и тем, кто заполнял зал — пестрой и, как всегда, шумной семье работниц, — это было очень и очень важно. Достаточно было видеть их лица, когда говорила девушка в белой кофточке.

После митинга к Суховерховой, избранной делегатом на Всесоюзную конференцию сторонников мира, подходили еще и еще люди, и все говорили примерно те же слова: «Скажите на конференции все, что мы думаем. За тем вас и посылаем».

А как она может обуздать поджигателей войны? Она, простая женщина, бригадир с «Красной швеи»? Суховерхова ходила вдоль рядов, где, согнувшись над работой, сидели женщины, ее подруги, — те, кто учил ее и кого учила она, те, с которыми перенесла она тяготы войны, с которыми мысли и дела ее давно слились воедино. Моторы швейных машин ровно гудели, и в их шуме ей почудился дальний рокот самолета. И, может быть, это вернуло ее к мыслям о войне.

Да, та война ей дорого далась. Уже никогда вечером не войдет к ней в комнату брат Михаил, токарь с завода имени 1905 года, не потреплет ее волосы и не спросит: «Что у тебя с арифметикой, опять задача не выходит?» И Семен, младший, тоже не войдет, и не будут братья спорить, отодвигая в сторону чашки с чаем, о своих делах. Оба не вернулись с войны, и некому рассказать Полине о ее сегодняшних заботах, и похвалиться по-хорошему некому.

А сколько было бы радости, если б узнали Михаил и Семен об этом замечательном событии в жизни «их Полинки»! Суховерхова представила, как Михаил вынимает газету и на ней красным карандашом отчеркнуто: «Суховерхова Полина Павловна удостоена звания лауреата Сталинской премии за важное усовершенствование процессов труда». Михаил был бы горд, он умел гордиться настоящим. Он погиб, отстаивая великое право Полины, советских людей трудиться творчески, думать, созидать новое.

Суховерхова всегда ощущала свою ответственность перед теми, кто не вернулся с войны. И тогда, когда в 1942 году в холодном помещении по двенадцать часов не отходила от машины, склоняясь над работой, и теперь, когда обдумывала свой метод общественного контроля. За организацию общественного контроля на производстве ей и была присвоена Сталинская премия. Когда после войны развернулось движение за улучшение качества продукции, Суховерхова решила в своей бригаде на каждые пять работниц

— Ну, как дневное задание, Софья Владимировна? — спросила Суховерхова.
— 175 процентов! — сказала Давыдова. — На вахте мира стоим!

избрать общественного контролера, который следил бы за тем, чтобы в ОТК сдавались только первосортные изделия.

На фабрику пришла она совсем молодой девушкой в 1932 году. Здесь научили ее мастерству, здесь она стала думающим, передовым человеком. Конечно же, ни в каких других условиях немыслимы были бы ни сегодняшний почет, ни вдохновение труда. Именно это — существо ее страны, именно этим вдохновением замечательна ее страна. А свободное, творческое вдохновение и война несовместимы. Поэтому война, разрушения всегда были чужды самому духу ее Родины. Обуздать агрессоров! Что же она, Суховерхова, должна сделать? Да, наверно, рассказать о своей жизни, о жизни ее подруг — и молодых, Маши Зуевой и Тани Ануровой, которым важно так же счастливо продолжать жизнь, как они ее начали, и пожилых, таких, как Софья Владимировна Давыдова, которая 29 лет трудится и хочет дальше трудиться спокойно. Разве все люди в мире, услышав этот рассказ, не поймут, как не нужна война Суховерховой и ее друзьям?..

Проходя по цеху, Полина Павловна остановилась у станка Давыдовой. Та бегло взглянула на нее и снова опустила глаза к шитью.

— Ну, как дневное задание, Софья Владимировна? — спросила Суховерхова.

— 175 процентов! — сказала Давыдова. — На вахте мира стоим!

Суховерхова вспомнила, как горячо говорила Давыдова на собрании. «Каждый из нас и по два раза подписался бы под Стокгольмским Воззванием, только бы войны не было. Но ведь мало этого — подписаться. Работать нам нужно, работать не покладая рук, для мирной жизни работать». Да, главное — это работать. Поэтому и цех выступил с призывом закончить годовой план к 7 ноября, дать 8900 изделий сверх плана в одном лишь октябре. Поэтому и весь коллектив фабрики обязался к концу года выпустить сотни тысяч сверхплановых изделий. Они сойдут с машин, над которыми висят сейчас плакаты: «Цех стал на стахановскую вахту мира». Их будут изготовлять и в бригаде Полины Суховерховой — там, где развевается маленький алый вымпел, на котором золотятся буквы: «За лучшую работу в дни вахты мира!»

Е. ТАРХАНОВА

Словом, мыслью, трудом

В коридорах и фойе Московского театра драмы царило необычное для этого часа оживление.

Актеры, режиссеры, рабочие сцены — все пришли сюда, чтобы принять участие в собрании, посвященном избранию делегата на Вторую Всесоюзную конференцию сторонников мира.

Высокая честь — послать делегата на Всесоюзную конференцию сторонников мира, посланца, который выразит мысли и чувства, волнующие всех в эти дни: гнев и возмущение против англо-американских империалистов, уничтожающих мирное население Кореи, солидарность с мужественными борцами за мир во всем мире.

Подлинное искусство должно служить делу мира!

И словно в подтверждение этой мысли в зрительном зале, где репетируется пьеса И. Штока «Победители ночи» (о великом русском изобретателе электрической лампочки Яблочкове), звучит со сцены речь ученого:

— Огонь. Вот слово, которое внушало всегда страх людям во всем мире. Огонь — это война, горе, смерть. Русские ученые отдали свои жизни для того, чтобы огонь стал светом и теплом.

...Репетиция заканчивается. Двери зрительного зала гостеприимно распахиваются. И хотя коллектив театра не велик — он едва заполняет несколько рядов партера, — зал выглядит празднично.

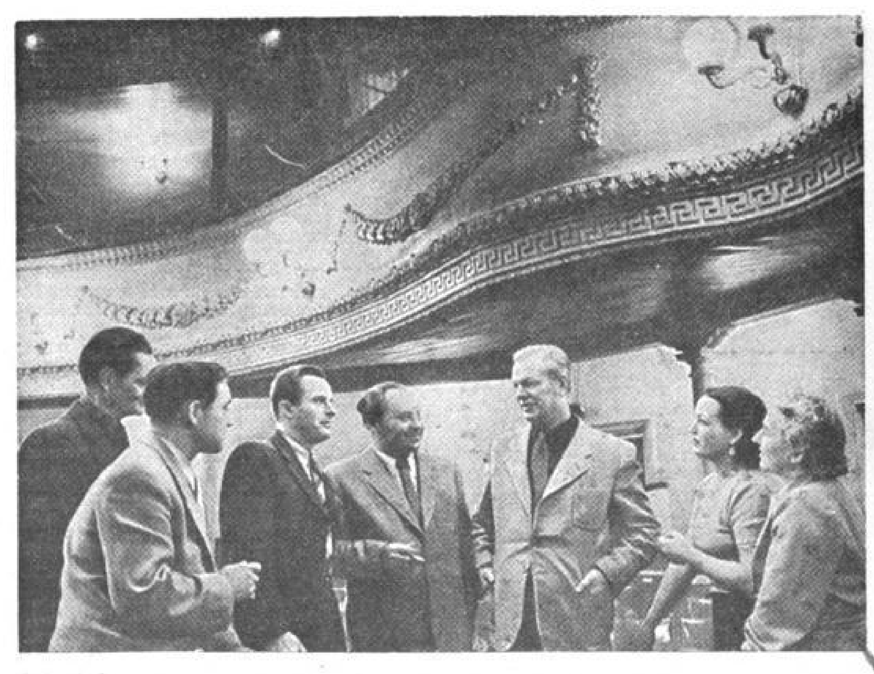
Слово просит Б. Толмазов. Он предлагает послать делегатом на конференцию лауреата Сталинской премии, народного артиста Союза ССР, главного режиссера театра Николая Павловича Охлопкова — талантливого художника, активного общественного деятеля.

Выступающие горячо поддерживают кандидатуру Н. П. Охлопкова, всем своим творчеством утверждающего идеи советского народа — знаменосца мира во всем мире.

— Мой долг, — говорит Н. П. Охлопков, — рассказать делегатам конференции о воле к миру, наполняющей наши сердца и умы. Искусство социалистического общества несет на своих знаменах самые светлые идеалы, за которые борются сейчас простые люди на всем земном шаре. Мы, работники искусства, вместе со своим народом участвуем в построении светлого здания коммунизма. Коммунизм — это мир для всего человечества. Наше искусство должно стать глашатаем его идей.

Советские люди не раз доказывали, что они умеют отстаивать интересы своей Родины, интересы всего прогрессивного человечества. Сейчас мы обязаны отстоять волю народов всего мира к миру, мы обязаны отстоять её словом, мыслью, повседневным творческим трудом — всем, что присуще советскому человеку.

И. СЕМЕНОВ

Слева направо: артисты Театра драмы В. Ганшин, А. Морозов, Е. Самойлов, Л. Свердлин, главный режиссер театра Н. Охлопков, Г. Григорьева А. Москалева.

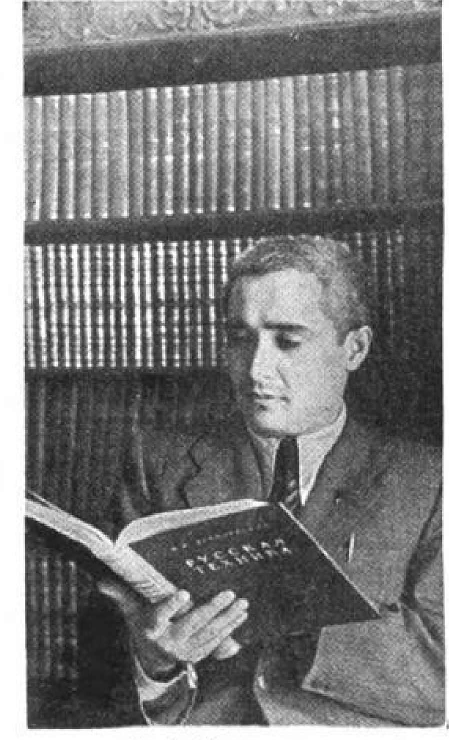
Открытия науки—для счастья народа

Идет собрание ученых Ташкента. В зале представители различных отраслей знаний. Каждый из них своим творческим трудом служит делу строительства еще более богатой и счастливой жизни нашего народа.

Ораторы говорят горячо, взволнованно. Речь идет о наших мирных делах, великих стройках коммунизма, о людях, которых узбекский народ пошлет в столицу на Всесоюзную конференцию сторонников мира.

Когда собравшиеся назвали имя президента Узбекской Академии наук Ташмухамеда Алиевича Сарымсакова, вспомнилась недавняя беседа с ним. Президент показывал нам письмо, полученное им из колхоза имени Сталина, что в Чартакском районе, Наманганской области, Узбекистана.

Хлопкоробы благодарили ученых Академии наук за оказанную им помощь. Они рассказывали, как старший научный сотрудник Института сельского хозяйства Р. А. Ахмедов помог артели освоить новую агротехнику и вырастить богатый урожай хлопка. В заключение колхозники сообщали президенту, что с каждого гектара соберут не меньше 40 центнеров сырца.

Т. А. Сарымсаков.

Доктор математических наук лауреат Сталинской премии Т. А. Сарымсаков работает сейчас над большой монографией «Основы теории процессов Маркова». За стройными колонками формул ученый видит прежде всего возможность практического применения их в различных отраслях науки. Как ученый-патриот и как член Советского Комитета защиты мира, Т. А. Сарымсаков считает своей основной задачей максимальное приближение работы институтов к практическим задачам, стоящим перед народным хозяйством республики.

Три ферганских колхоза — имени Сталина (Бувайдинского района), имени Фрунзе (Кировского) и имени Сталина (Ахунбабаевского района) расположены в различных зонах области. Ученые на их примере решили показать, как нужно планировать хозяйство колхоза. Изучение почв, мелиорации, состояния хозяйства артелей дало материалы для 15-летних перспективных планов развития артелей.

— Мы смотрим далеко вперед. Так учит нас Сталин, — говорит Ташмухамед Алиевич. — И мы хотим, чтобы никто не мешал нам строить светлое здание коммунизма. На знамени нашего лагеря, лагеря сторонников мира, ярко сияют слова о счастье человека, о силе созидающего труда. Под этим знаменем идут истинные ученые всех стран, ибо все великие открытия в истории науки должны служить благу, а не уничтожению человека.

Н. СОЛОВЬЕВА

Делегат Ленинграда

Ираида Платоновна Савичева.

Ираида Платоновна Савичева находится сейчас в отпуску, но, узнав про собрание, решила пойти в этот день на завод.

Вот и литейная. Собрались люди всего цеха, явились и из других цехов.

К столу подошел председатель цехового комитета разметчик Арсений Ложечников.

— Собрание, посвященное созыву 2-й Всесоюзной конференции сторонников мира, считаю открытым, — сказал он.

То, о чем говорили на этом собрании, перекликалось с чувствами, которые испытывала Савичева. Люди говорили о мире, к которому стремятся все народы и который хотят нарушить американские поджигатели войны и их пособники; о многих прекрасных планах, к выполнению которых приступил советский народ; о черных силах, стремящихся сорвать эти планы.

— Обожгутся! — воскликнул мастер Василий Широков. — Обожгутся о пламя народного гнева!..

Савичева знала, что каждое слово этого человека идет из глубины души. Ему хорошо известно, что такое война: фашисты тяжело ранили его в бою под Воронежем.

Вперед вышла формовщица Анна Евсеева. Она опиралась на лопату, с которой только что работала у опоки. Глядя на Анну, Савичева вспомнила блокаду. Они тогда вместе пришли на завод. Евсеева была ткачихой, Савичева — чертежницей. Но в ту пору женщины стали формовщицами. Они работали под бомбежками. Их сроднило горе. У обеих погибли на фронте братья. Брат Савичевой окончил горный институт, собирался строить шахты, но началась война, и он ушел защищать Ленинград.

После выступлений председатель завкома сообщил, что собранию предстоит теперь выбрать делегата на 2-ю Всесоюзную конференцию сторонников мира.

И вдруг стоявшая неподалеку от Савичевой бригадир Анна Лифанова подняла руку и вышла к столу. Она посмотрела на Савичеву и громко произнесла:

— Я предлагаю послать нашим делегатом в Москву лучшую стахановку-формовщицу Ираиду Платоновну Савичеву. Вы знаете, что она выполнила уже две пятилетки, что у нее на формовке деталей для прядильных машин не бывает брака. Отлично работает коммунистка Савичева, и я думаю, что она так же отлично выразит на конференции наши думы и мысли.

Это было неожиданно. Ираида Платоновна оглянулась и увидела рядом с собой и вокруг себя много-много поднятых рук. Все голосовали за нее. Все голосовали за то, чтобы она поехала в Москву и там по поручению коллектива Ленинградского завода имени Карла Маркса сказала слово в защиту мира.

А. ЛЬВОВ

Самое дорогое—жизнь человека

В широкие окна клиники заглядывают лучи осеннего бакинского солнца, теплыми бликами ложась на пол и стены. Мягкие диваны и кресла, картины, цветы в вестибюле создают обстановку мирного, домашнего уюта.

Хирургическая клиника Азербайджанского медицинского института занимает два корпуса в больнице имени С. Шаумяна, одной из крупнейших в Баку. Расположенная в центре большого промышленного района, она обслуживает главным образом бакинских нефтяников. Но нередко сюда привозят больных из отдаленных городов и сел республики, так как клиника завоевала себе заслуженную популярность.

Профессор М. А. Топчибашев у постели выздоровевшего инвалида Отечественной войны.

Фото Ф. Кушнерова

Руководит клиникой член Советского Комитета защиты мира, действительный член Академии наук Азербайджана профессор Мустафабек Ага оглы Топчибашев, ныне избранный делегатом на 2-ю Всесоюзную конференцию сторонников мира.

...Профессор Топчибашев производит сегодня особенно сложную операцию. В 1944 году Петр Доценко был на войне ранен. Осколок снаряда проник в черепную коробку. В госпитале не удалось его извлечь. Выписавшись из госпиталя, Доценко несколько лет ходил с осколком в голове. В клинику Топчибашева он поступил почти в безнадежном состоянии. Вокруг осколка образовался гнойник.

При помощи специального аппарата, изобретенного Топчибашевым для отыскания инородных тел в организме, профессор безошибочно определил расположение осколка и, не откладывая, приступил к операции. Операция длилась два с половиной часа и была произведена блестяще.

Спустя некоторое время выздоровевший Доценко, улыбаясь, благодарно жал Топчибашеву руку.

...Мы рассказали об одной из многих сложных операций, которые успешно производятся в хирургической клинике медицинского института города Баку.

— Самое дорогое — жизнь человека. И великое счастье — вернуть к жизни обреченного на смерть, — говорит профессор М. А. Топчибашев. — Нет предела нашему негодованию, когда мы думаем о заправилах разбойничьего капитализма, готовых бросить все человечество в новую кровопролитную войну. Я знаю, что таким же негодованием охвачен весь советский народ. И я рад, что скоро с трибуны 2-й Всесоюзной конференции сторонников мира вновь раздастся могучий голос советских людей в защиту мира.

А. АВРУСКИНА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ЖУРНАЛИСТОВ

Делегаты Нигерии, Алжира и Южной Африки на Международном конгрессе журналистов.

В Хельсинки в сентябре происходил третий конгресс Международной организации журналистов. Как известно, англо-американские реакционные журналисты в угоду своим хозяевам, монополистам капиталистической печати, пытались сорвать этот конгресс и вообще ликвидировать Международную организацию журналистов (МОЖ), добившись выхода американской гильдии журналистов и английского профсоюза журналистов из Международной организации.

Однако эта раскольническая политика не имела успеха. Третий конгресс показал продолжающийся рост рядов МОЖ. Если на первом конгрессе в Копенгагене были представлены журналисты 21 страны, почти исключительно Европы, то в Хельсинках было свыше 60 делегатов из Европы, Азии, Африки, Америки. Власти США отказали в паспорте известному публицисту Альберу Кану, а французские колониальные власти заключили в тюрьму делегата африканских журналистов, редактора дакарской газеты «Ревейль», смелого трибуна Дуду Гейе. Передовая финская общественность устроила сердечный прием делегатам конгресса.

В делегацию советских журналистов входили товарищи Заславский, Бурков, Стрепухов, Черданцев.

Конгресс горячо приветствовал журналистов Кореи и Вьетнама, прибывших в Хельсинки непосредственно с фронта.

Конгресс прошел в обстановке большого политического подъема и тесного сплочения демократической журналистики. Был одобрен отчет генерального секретаря МОЖ Гронена, а сам он был переизбран на новый двухгодичный срок.

В центре внимания конгресса был вопрос об участии печати в борьбе за мир. Участники прений разоблачали и клеймили позором капиталистическую печать, пропагандирующую агрессию и новую мировую войну. Исполнительному комитету МОЖ поручено опубликовать в ближайшем времени «черный лист» журналистов — поджигателей войны.

Выступления журналистов капиталистических стран развернули картину свирепого преследования демократической журналистики в США и особенно в колониальных странах. Вместе с тем конгресс мог констатировать огромные успехи демократической печати в странах народной демократии, в Китае, в африканских колониях. Журналисты этих стран единодушно говорили о том, что советская печать является для них школой опыта, примером борьбы за передовые идеи, за подлинную свободу печати.

Конгресс исключил из рядов МОЖ титовский союз журналистов Югославии, который всей своей деятельностью показал, что он осуществляет политику империалистических поджигателей войны.

Председателем Международной организации журналистов избран французский журналист Жан Эрман. Среди шести вице-председателей — тов. К. Симонов.

Новая кисловодская здравница

Кисловодск обогатился новой здравницей — санаторием для строителей предприятий тяжелой индустрии. Здесь ежемесячно будет отдыхать 170 человек.

К услугам курортников лечебный корпус, оборудованный отличной медицинской аппаратурой отечественного производства, один из лучших в Кисловодске ингаляториев; водолечебница с нарзанными ваннами.

Высокогорное расположение санатория, аэросолярий, оборудованный на плоской крыше, и дорожки «терренкура», проложенные среди цветников и парковых аллей, позволяют с большим успехом применить здесь климатолечение.

Санаторий принял первую группу отдыхающих — лучших людей новостроек Урала и Поволжья, Украины и Дальнего Востока.

Г. ПОХВИСНЕВ

Внутренний дворик санатория Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии.
Фото П. Алексеева

Смелая женщина

Александре Вичневне Джапаридзе, заслуженному мастеру спорта СССР, 55 лет. Это худощавая, подвижная женщина с седыми волосами. У нее спокойное, сосредоточенное лицо, юношеские, живые глаза, уверенные, ловкие движения.

Двадцать семь лет Александра Джапаридзе занимается альпинистским спортом. В 1923 году она, метеоролог, наблюдатель геофизической обсерватории, была в составе совершившей первое восхождение на Казбек группы А. И. Дидебулидзе.

С тех пор альпинизм — дело жизни Александры Джапаридзе. Уроженка горного села, в детстве лучше сверстников лазавшая на деревья и скалы, она стала мастером труднейших горных восхождений. Шестнадцать раз Александра Джапаридзе поднималась на Казбеги, большей частью в качестве руководителя экспедиций. Вместе с братом Александром, имя которого носит сейчас Грузинский альпинистский клуб, совершила она первые в советское время восхождения на Тетнульд и затем на Ушбу — в Верхней Сванетии. В Грузии существовала легенда о пещере Бетлеми на склонах Казбеги. Александра Джапаридзе пошла по следам легенды и в действительности отыскала эту пещеру, составив подробное ее научное описание.

Александра Джапаридзе.

В начале сентября нынешнего года неутомимая Александра Джапаридзе снова была в походе. Она вела группу мужчин-альпинистов на штурм Дых-Тау, третьей по высоте, после Эльбруса и Шхары, вершины Центрального Кавказского хребта (5198 метров). Грузинские альпинисты — в основном молодежь — впервые шли на Дых-Тау.

Четвертого сентября вся группа достигла наконец главной вершины Дых-Тау. Здесь тбилисцы обнаружили записку, оставленную альпинистами добровольного спортивного общества «Спартак», которые совершили в августе прошлого года под руководством заслуженного мастера спорта СССР В. Абалакова восхождение на Дых-Тау в честь 70-летия товарища Сталина.

...Александра Джапаридзе, отдохнувшая после трудного похода, сидит среди юных альпинистов Тбилисского дворца пионеров и школьников. Сейчас, в строгом темном платье, с гладко зачесанными волосами, она напоминает старую, опытную учительницу. Трудно поверить, что эта 55-летняя женщина несколько дней назад шла впереди отряда, покорившего Дых-Тау.

А. МАРКОВ

Замечания по поводу...

«СОЦИАЛИСТ» ЭТТЛИ

Лидер лейбористов британский премьер-министр Эттли в своей очередной речи заявил, что «учение Маркса устарело».
(Из газет.)

Ушедшей молодости прыть
Ему вернул не Новый Свет ли!
Решил марксизм омолодить
Помолодевший мистер Эттли!

Он говорит, что «Маркс отстал»,
Он славит «план» заокеанский
И хает марксов «Капитал»,
Чтоб... получить американский!..

Эмиль КРОТКИЙ

Культурный центр Лодзи

Рабочий Дом культуры при текстильном комбинате имени И. В. Сталина в Лодзи поставил пьесу Н. Вирты «Заговор обреченных» (перевод Г. Иохимека).

Спектакль идет с большим успехом по нескольку раз в неделю при переполненном зале.

Состоялись специальные представления для передовых людей лодзинских предприятий, для стахановцев текстильной промышленности. Ряд спектаклей будет показан в зале Лодзинского областного совета профсоюзов, а также на клубных сценах предприятий города.

При обсуждении постановки рабочие, учителя, солдаты, офицеры говорили о значении этого спектакля в борьбе за мир и указывали на необходимость показать пьесу возможно большему числу трудящихся.

Успех «Заговора обреченных» — еще одно свидетельство огромной популярности, которой в Польше пользуется советская литература и драматургия.

Исполнители «Заговора обреченных» — трудящиеся комбината. Прямо от своих станков приходят они в Дом культуры для занятий в драматическом кружке.

Руководил постановкой инструктор по художественной самодеятельности Довгирд. Оформлял спектакль художник Брезинский. Костюмы и декорации были выполнены в мастерских, специально созданных при Доме культуры.

Рабочий Дом культуры имени И. В. Сталина в Лодзи — подлинный центр культурной жизни города. В Доме культуры организованы литературный клуб, кружок любителей кинематографии, балетная группа, хоры, кружки самообразования.

Сцена из спектакля «Заговор обреченных» Н. Вирты в Доме культуры города Лодзи. В центре — Ганна Лихта (артистка Станислава Сабелева).

КОРОТКО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ в таганрогской школе имени А. П. Чехова организован в классной комнате, где учился великий русский писатель. Экспонаты, поступившие в музей не только от таганрожцев, но и из Москвы, Ленинграда, Ялты, Ростова и Харькова, отражают детские и гимназические годы А. П. Чехова, состояние просвещения в старом и новом Таганроге. Сестра писателя Мария Павловна прислала фотографии и рисунки, связанные с жизнью и литературной деятельностью Чехова.

ВЫСТАВКА РИСУНКОВ И. Е. Репина открывается в залах Русского музея (Ленинград). Кроме работ, входящих в постоянную экспозицию репинских залов, представлены рисунки, до сих пор хранившиеся в фондах музея. Всего показывается 150 рисунков, сделанных карандашом, углем, тушью и акварелью.

ЮНОСТЬ БЕЗ ПРОСВЕТА

Ральф ПАРКЕР

Никогда еще не было в Англии такого изобилия проектов «всеобщего благоденствия», как в эти послевоенные годы, когда у кормила власти стоят лейбористы. Досужие утописты всех мастей стараются поддерживать иллюзию, будто лейбористское правительство и впрямь в состоянии планировать экономическую и социальную жизнь страны. И они наперебой расписывают сказочную жизнь, которая, если верить их словам, ожидает английских рабочих в самом ближайшем будущем, чуть ли не за первым поворотом той тяжелой дороги, по которой вынужден идти сегодня английский народ.

Писатель Пристли уверяет, например, англичан, что правительство Эттли, Моррисона и Бевина собирается осуществить «нечто столь же выдающееся и чудесное, сколь и трудное: революцию без насилия!» Правду сказать, это — плохое утешение для сотен тысяч англичан, внесенных в списки чающих новых жилищ, для домашних хозяек, замученных ростом цен на рынке, для рабочих, которых заставляют повышать производительность без сколько-нибудь справедливого возмещения их труда!

Среди таких дутых планов, которые никто не собирается выполнять всерьез, есть и план «облагодетельствования» английской молодежи.

В Англии и Уэльсе насчитывается более двух с четвертью миллионов молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет. Из каждого десятка восемь вынуждены были бросить школу без надежды продолжать учебу в какой бы то ни было форме. По почину военного ведомства, наиболее влиятельных работодателей и некоторых общественных деятелей, обеспокоенных ростом детской преступности, родился проект — создать особую Национальную службу по делам молодежи. Это один из тех проектов, которые были положены под сукно, как только в Британии началось осуществление программы вооружений.

Говорят, что зеркало веры нации в свое будущее — это забота о физическом и духовном развитии молодежи. Перед нами лежит книга, в которой собраны материалы обследования положения молодежи в городе Бирмингаме [1]. Этот отчет позволяет нам бросить взгляд на условия жизни юношей и девушек во втором по величине городе Англии.

* * *

Перенесемся в Бирмингам с его населением в миллион сто тысяч человек. Он лежит в самом сердце большой промышленной области, известной под именем Черной страны. Более трети трудящихся города заняты в металлургии, где многие крупные предприятия насчитывают до 20 тысяч рабочих. Впрочем, в том же Бирмингаме и теперь еще наберется свыше 10 тысяч мелких фабрик и тысячи полторы торговых предприятий, где число работающих не превышает двух десятков. Некогда среди товаров, качеством которых славился Бирмингам, фигурировали стальные наручники и веревки для палачей. В наши дни в народе больше связывают Бирмингам с производством разных видов современного оружия.

Бирмингам отмечен контрастами, свойственными любому современному капиталистическому городу. В центральных районах, где «дома-туннели» выстроились длинными мрачными рядами или громоздятся в тесноте, окруженные грязными дворами, население составляет 155 человек на гектар. Плохо проветриваемые, пропитанные сыростью, двухэтажные здания насчитывают здесь подчас сотню лет. Из 6800 домов в одном из центральных районов Бирмингама 5 тысяч еще в 1937 году были признаны негодными для жилья; но люди живут в них до сих пор. Другое дело — так называемое "Внешнее кольцо" города, где живут люди с достатком; там плотность населения не превышает 40 человек на гектар.

Число рабочих семей в Бирмингаме, которые дожидаются очереди на квартиры, превышает 50 тысяч и увеличивается на 700 каждую неделю. Новое строительство полностью прекращено; причина все в той же программе вооружений, принятой лейбористским правительством.

Органы народного образования Бирмингама объявили недавно, что они не в состоянии будут подготовить 24 тысячи новых школьных мест, которые потребуются в ближайшие годы. В городе с миллионным населением только один театр с постоянной труппой, три мюзик-холла, зато 80 кинотеатров...

Эти цифры мы приводим не случайно. Они имеют прямое отношение к вопросу о бирмингамской молодежи. Они объясняют, почему число подростков, прошедших перед городским уголовным судом, возрастало ежегодно в течение последних лет на 10—12 процентов. Наиболее крупную группу среди привлеченных за воровство составляют дети одиннадцатилетнего возраста. Ежегодно более 5 тысяч уличных фонарей разбивается камнями.

Как же живут 80 тысяч юношей и девушек Бирмингама?

Ответ на этот вопрос можно найти в уже названной книге, недавно опубликованной в Лондоне.

Участники обследования — в большинстве своем деятели церкви и студенты геологических факультетов. Их трудно заподозрить в том, что они могли нарисовать более мрачную картину, чем она есть на самом деле. Наоборот, они сами дают понять, что действительное положение значительно более трагично, чем то, о чем рассказано в книге.

* * *

Вопросник был распространен среди очень широкого круга юношей и девушек.

Рабочие от станка, служащие транспортных фирм, официантки, монтеры, водопроводчики — таковы категории труда молодежи, которые были охвачены обследованием.

Когда заполненные листки вернулись обратно, выяснилось прежде всего, что молодежь в возрасте от 14 до 20 лет не может похвалиться хорошей грамотностью. Многие не смогли даже толком назвать газету, которую они, по их уверению, читают время от времени. Другие не в состоянии были точно определить свою профессию или выполняемую работу...

Почти все с грехом пополам прошли 6—7-летнее школьное обучение. Правда, две трети опрошенных заявляют, что рады были разделаться со школой и что у них не было никакого желания сидеть дальше за классной партой. Не приходится поэтому удивляться, что едва 5 процентов юношей и девушек, из заполнивших анкетные листки, посещает в течение рабочей недели библиотеку, какую-нибудь лекцию или собрание.

Печальную картину показывают ответы на вопросы, связанные с духовными интересами бирмингамской рабочей молодежи. Ее интеллектуальная жизнь ограничивается очередным голливудским фильмом или чтением известного сорта воскресных иллюстрированных приложений к газетам, которые специализируются на уголовных происшествиях и рекламных картинах. Иногда перелистываются журналы, которые печатают авантюрные или сентиментальные рассказы.

Но все это в «лучшем» случае. Один из вопросов анкеты был сформулирован так: «Как называется последняя книга, прочтенная вами?» Из ответов видно, что около четверти опрошенных вообще не читало книг за последние шесть месяцев. Многие ответили: «Не читаю» или «Не интересуюсь книгами».

Влияние американизированного кино ясно проступает из заголовков книг, о которых упоминают некоторые из молодых бирмингамцев. Все это «книги», представляющие «киновариант» какого-либо романа или повести. И хотя в ответах мелькнет иногда имя английского писателя-классика, например, «Большие ожидания» или «Давид Копперфильд» Диккенса, ясно, что читатель «открыл» для себя это произведение в изуродованной, спрессованной форме.

Менее 2 процентов ответов упоминают книги на технические темы. Характерно, что особенно низкий процент показывают в этом отношении юноши.

Радиопередачи, которые слушает молодежь, состоят главным образом из мюзик-холльного варева и джазовых концертов. Лишь один из тысячи опрошенных слушает по радио серьезную музыку.

Общее впечатление, которое получаешь от внимательного изучения ответов,— это невероятная духовная бедность, на которую осуждена молодежь тем обществом, в котором она живет.

Процитируем подлинные слова бирмингамского отчета:

«Многие из 15 или 18-летних граждан нашего города могут быть названы почти безграмотными. Очень многие из них совершенно не интересуются текущими событиями... Мало кто из этой молодежи умеет играть на каком-либо музыкальном инструменте или проявлять свои способности в чем-либо другом, кроме футбола, настольного тенниса и воскресных танцев».

* * *

Едва ли найдется из двух десятков молодых рабочих Бирмингама хоть один, который мог бы похвалиться, что работает на одном месте после того, как ушел из школы.

Вот девушка — упаковщица чая. Ей всего 15 лет, но она успела уже 6 раз сменить профессию, начав с ремесла парикмахерши. Две 17-летних картонажницы работали уже у 7 разных хозяев.

Среди юношей мы встречаем еще более разительные примеры. Маляр — ему отроду 18 лет — 10 раз менял место работы; паяльщик того же возраста — 8 раз, и так в тысячах случаев. «Рекорд» принадлежит одному 19-летнему водопроводчику: 17 раз пробовал он свои способности на разных работах, причем мечтой его всегда было стать строителем, каменщиком.

Кстати, насчет мечтаний и поисков профессии по душе. Почти половина заполнивших опросные листки девушек и около трети юношей не питает интереса к нынешней своей профессии и считает ее «тупиком». Очень многие готовы были бы сменить работу. Но если вы спросите, к чему же эти юноши и девушки стремятся, то натолкнетесь на какую-то глубокую безнадежность. Молодежь словно потеряла вкус к жизни, и, собственно говоря, любая работа представляется ей нудной и скучной. Желаемым «идеалом» служит для юноши или девушки, в конце концов, нечто мало отличающееся от нынешней их профессии.

Некоторые, впрочем, склонны к «колоритным» занятиям: одни пишут, что непрочь стать профессиональными футболистами, другие — пианистами в джаз-оркестре, один юнец желает работать бойцом на бойне, еще один — букмекером на скачках, а 18-летний водитель автобуса, неизвестно почему, хотел бы сделаться... египтологом. Ясно, что здесь больше глухого, безотчетного недовольства настоящим, чем сознательного стремления к более достойному будущему...

Обследователи собрали данные о молодых ребятах, только что поступивших на машиностроительный завод. Как отнеслись к ним старые рабочие?

«Все окружающие,— читаем мы в отчете,— сразу начинают учить молодых работать с прохладцей. Если ты работаешь прилежно день,— значит, ты чужак, прихвостень масте-

[1] «80 000 молодых. Опыт обследования жизни молодежи в Бирмингаме». Изд-во Аллен и Энвин, Лондон, 1950 год.

ра, прихлебатель и лизоблюд у хозяина. Не может быть и речи, чтобы ты работал хоть одну лишнюю минуту после гудка...»

«Многие молодые рабочие и работницы,— продолжают авторы анкеты,— только и делают на заводе, что просверливают дыру в какой-нибудь пластинке, навинчивают гайку на стержень или выполняют другие, монотонно повторяющиеся операции... Ничего удивительного, что они просто отбывают рабочее время, не спуская глаз с циферблата часов...

Отношение этой молодежи к работе выразил один паренек. Когда мы его спросили, не хотел ли бы он работать немного продуктивнее, он сказал в ответ: «Чтобы положить еще несколько шиллингов в карман хозяину? Пусть ищет дураков в другом месте!»

Мы разговаривали с одним молодым токарем; он не мог сказать, для чего предназначена деталь, которую он вытачивает: для автомобиля, самолета или радиоприемника...»

Да, ничего или почти ничего не делается на английском заводе, чтобы приободрить молодого рабочего-новичка, чтобы внушить ему хотя бы элементарное уважение к труду. Наоборот, часты случаи, когда над новичком разыгрывают издевательские шутки.

Среди вопросов, поставленных обследователями, был один, который может показаться молодому советскому читателю невероятным: «Подвергались ли вы неприятным издевательствам, когда впервые поступили на работу?» И каждый шестой из опрошенных ответил: «Да!»

Уже в 1948 году занятия на вечерних профессиональных курсах были сокращены в Бирмингаме с 3 до 2 вечеров в неделю. Но дело даже не в этом: из 80 тысяч молодых трудящихся бирмингамцев только 4500 юношей и 153 девушки получили разрешение от хозяев посещать эти курсы! На самом же предприятии «обучение» ведется по старинке: поверхностный показ приемов работы продолжительностью от одного дня до двух недель, и на этом кончается для молодого рабочего его заводской «университет».

Владельцы многих фирм откровенно высказываются вообще против технического обучения молодежи. Особенно это касается девушек, ибо, как говорится в отчете, «считается, что производственный век девушки недолог и расходы на ее техническое обучение поэтому не продуктивны...»

* * *

Так живут они, молодые бирмингамцы, плохо обученные, лишенные возможности развиваться, ненавидящие хозяина, не уважающие собственного подневольного труда. Как же проводят они свое свободное время, каков круг их интересов вне предприятия?

Картина, которая вырисовывается перед нами на страницах отчета, крайне неприглядна. Более половины юношей и две трети девушек вообще не состоят ни в каких юношеских организациях. А те организации, которые существуют, созданы не столько для того, чтобы приобщить молодежь к культуре, сколько для того, чтобы прививать ей дух военной дисциплины, безоговорочного подчинения и т. п. Другими словами, если и имеется организованная работа с молодежью, то она сводится к «организованному» ее оглуплению, к отравлению сознания молодежи антидемократическими, милитаристическими, фашистскими идеями.

Попробуем разобраться в том, каков образ жизни тех 47 тысяч молодых бирмингамцев, которые не принадлежат к тем или иным юношеским организациям.

Сорок процентов всей этой массы юношей и девушек играют в азартные карточные игры или заключают денежные пари: на скачках, на собачьих бегах, на футболе. Каждый седьмой — привычный посетитель питейных заведений. Только в 1948 году в Бирмингаме было осуждено свыше 120 юношей в возрасте от 16 до 20 лет за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Много случаев, когда напиваются до бесчувствия в кабаках 14—15-летние девушки.

Некоторые бирмингамские «покровители» молодежи делают вид, что хотят помочь ей проводить свободное время с пользой. Для этой цели создаются молодежные клубы под покровительством всяких филантропических обществ. На практике, однако, вся деятельность Бирмингамской службы молодежи контролируется либо теми, кто заинтересован больше в труде молодежи, приносящем прибыль, чем в ее разумном отдыхе, либо теми, кто видит в молодежи пушечное мясо для будущих войн.

Всячески поощряется все, что способно посеять в душе юноши или девушки семена милитаризма, антидемократические идеи. Вот что провозглашает в своей программе так называемый «Молодежный женский авиационный корпус»: «Достигнуть возможно полного развития девушка может только в рядах дисциплинированного, одетого в форму соединения».

Молодежь более старших возрастов стараются воспитать в духе формулы: «Религия и дисциплина — вот главное, что необходимо молодежи». Отсюда обязательные уроки ветхого завета и столь же обязательная военная муштра.

«Идеал», к которому стремятся эти военизированные организации, изложен в книге некоего А. Моргана «Нужды юношества». Автор пишет: «Только на военных строевых занятиях, доводимых до высшего класса точности, когда четкость движений становится привычкой, молодой человек может обрести нужную дисциплинированность».

Так обстоит дело с военизированными молодежными «клубами». Нельзя сказать, чтобы другие, «штатские», клубы предлагали молодежи что-либо путное взамен военных парадов. Из 140 обследованных помещений, именуемых клубами, только в 9 оказались библиотеки, впрочем, плохо подобранные и безнадзорные. В 22 «клубах» вся культурно-просветительная программа сводится к настольному теннису, чашке чаю и наспех организованным танцам под патефон или расстроенное пианино. Кое-где устраиваются любительские концерты за особую плату; они состоят из сольных музыкальных номеров и акробатических упражнений; никаких групповых выступлений, свидетельствующих о каком-либо коллективном начале в работе клуба.

Многие «клубы», как бы ни слабо теплился в них огонек культуры, сопротивляются включению их в систему военизированных молодежных организаций. Поэтому они обречены на постоянные финансовые трудности. Новых зданий для молодежных клубов в Бирмингаме, конечно, никто не строит. Некоторые из этих «очагов культуры» приютились при гостиницах, другие — в бывших гаражах. Один «клуб» находится в здании, которое буквально расползается на части и освещается свечами и керосиновыми лампами; отопление вышло из строя еще год тому назад.

Но чтобы иметь даже такое жалкое пристанище для своего клуба, наиболее инициативные из его членов отправляются на улицы продавать разноцветные бумажные флажки и таким способом сколачивают нужную сумму на оплату помещения...

* * *

И все же, как бы ни была трудна жизнь юношей и девушек в Англии, каким бы тяжелым грузом ни давила на них материальная нужда и буржуазная «культура», есть признаки, которые показывают, что чувство гражданского долга и понимания своего положения пробуждается все больше среди английской молодежи. Она начинает сопротивляться реакционной идеологической отраве. Молодежь в возрасте 16—17 лет начинает покидать военизированные организации, и это тревожит покровителей организаций.

Даже в ответах на тенденциозно составленный вопросник бирмингамских обследователей можно уловить растущую тоску молодежи по полезной общественной деятельности, тягу к здоровой и разумной жизни. И сколько ни прилагалось усилий увлечь молодежь на путь милитаризма, молодые англичане не проявили никакого энтузиазма, когда лейбористское правительство объявило вербовку в армию.

В 1945 году, тотчас же по окончании войны, Шотландский молодежный комитет провозгласил: «Молодежи нужны знамена, приключения, крестовые походы, и война все это дала ей». Период лейбористского господства до сих пор не сумел создать никакого более достойного стимула для английской молодежи. Можно быть уверенным, что и нынешняя открытая идеология агрессии и войны не найдет приверженцев среди молодого поколения трудящихся Англии.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ДОБРОСЕРДЕЧИЕ МИСТЕРА ВИЛЬСОНА

Мистер Вильсон — председатель известной промышленной корпорации в США «Дженерал моторс», загребающей бешеные прибыли на военных заказах (485 миллионов долларов чистой прибыли за первую половину текущего года). Естественно, что у господина Вильсона, возглавляющего столь высоко человеколюбивое дело, сердце, как эолова арфа, чувствительно к страданиям ближнего.

Ближним оказался породистый бык, принадлежащий ему же, то есть господину Вильсону. Бык захворал, и созванный его хозяином консилиум ветеринарных знаменитостей пришел к заключению, что больному требуется рентгенотерапия. Тотчас же Вильсон заказал самолет, и быка доставили в лучшую рентгенолабораторию «Дженерал моторс». Пациенту, однако, процедуры не помогли, и он издох.

Печальная развязка вызвала поток письменных соболезнований в адрес потрясенного мистера Вильсона. Не могли пройти мимо события печать и радио, особо отметившие благородство и душевную чуткость президента «Дженерал моторс».

Но к этому хору славословящих вряд ли мог бы присоединиться рабочий-негр Кинов Уайлек, служивший на одном из заводов, которыми ведает мистер Вильсон. Об Уайлеке его начальники всегда отзывались, как о весьма добросовестном и старательном труженике. Но пришло время (в США оно приходит очень рано), и Уайлек, отдавший «Дженерал моторс» все силы и здоровье, надорвался и заболел.

Врач посоветовал Уайлеку рентгенотерапию — ту самую, которую... (см. выше). Но у Уайлека не было средств на дорогое лечение, и он рискнул обратиться к администрации с просьбой о пособии.

Разве можно было сомневаться в быстром ответе со стороны фирмы, во главе которой стоит чувствительный г. Вильсон? Ответ, действительно, последовал незамедлительно.

Был он короток: Уайлек увольняется, так как фирме «Дженерал моторс» нетрудоспособные люди не нужны.

Само собой, что ни печать, ни радио об этом случае не сообщали. Ибо совершенно очевидно, что сердце господина Вильсона не всеобъемлюще, и бык стоимостью в 16 тысяч долларов всегда ему ближе, чем человек, жизнь которого в США ни в грош не ценится.

А. Лактионов.

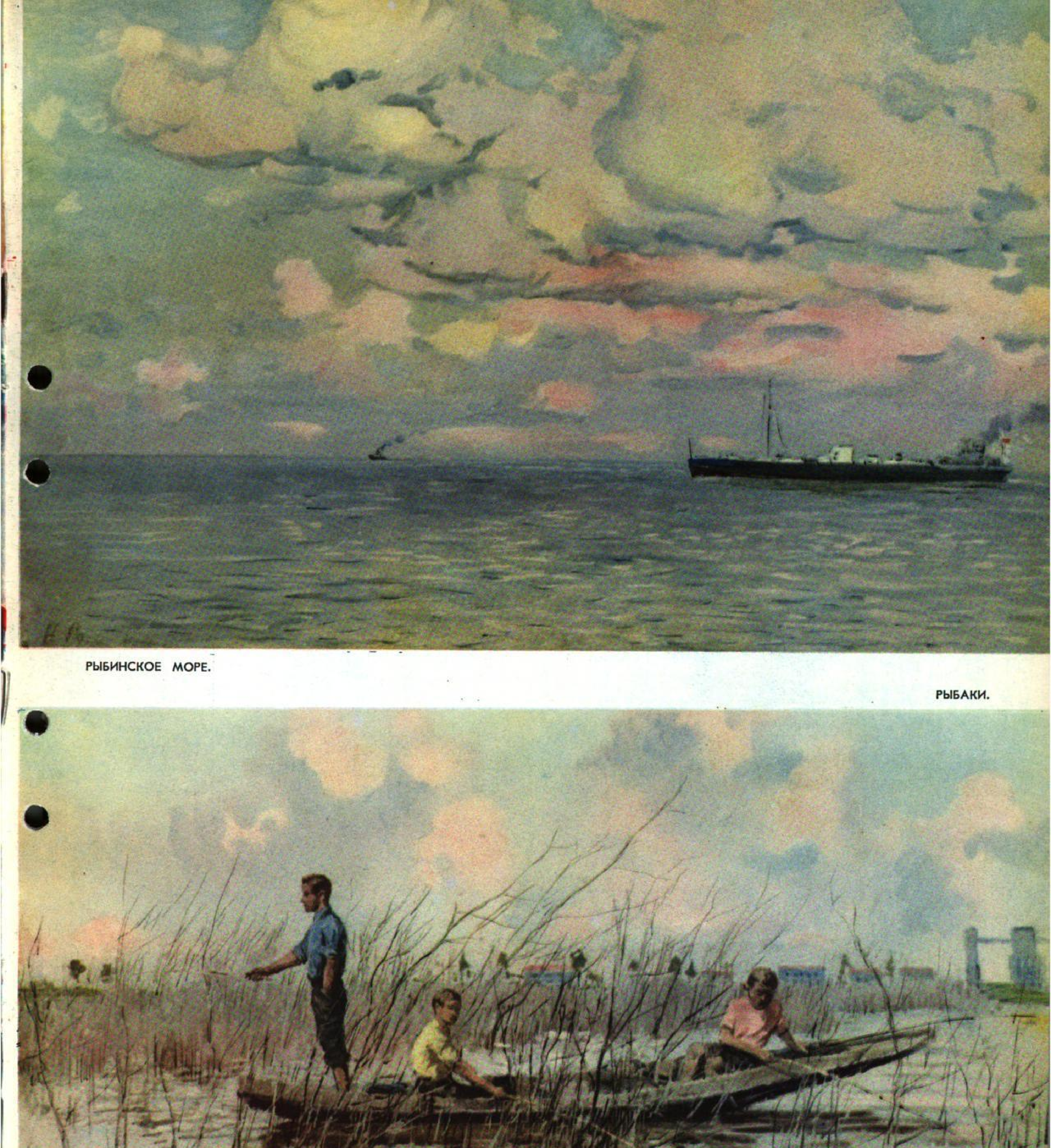
ГЛАВНЫЙ ТЕХНОЛОГ ЗАВОДА МЕДИЦИНСКИХ ПРЕПАРАТОВ
В РИГЕ, ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ ЭРНА ДАУГОВЕТ.

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ *(Из альбома художника)*

Н. Ромадин. Специальный корреспондент «Огонька».

В ПОРТУ.

УГЛИЧ.

РЫБИНСКОЕ МОРЕ.

РЫБАКИ.

П. Баранов. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ПАНОРАМЫ.

ПОДДУБЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

(Из записок землеустроителя)[1]

Сергей АНТОНОВ

Рисунки В. Климашина

9

В тот день, когда должны были приехать чехословацкие делегаты, работа в колхозе шла спокойным, привычным порядком.

Как только вдоль дороги скользнули первые лучи солнца, на пастьбу погнали коров. Коровы шли, забредая во все проулки, и долго после них стоял розовый, пыльный туман. Потом неведомо откуда, словно рождаясь в студеном утреннем воздухе, на дорогу стали слетаться воробьи. Потом с ночного вернулись лошади, мокрые от росы, с блестящими в солнечных лучах медными крупами. Из МТС по радио передали в тракторную бригаду, что можно приезжать за дизельным топливом. Люба записала в своей тетрадке, что художник из города вчера вечером съел один ужин, а я собирался на поезд, с трудом пытаясь запереть свой портфель, набитый бумагами, бельем и полотенцем.

В Синегорье в маленьком кабинете Василия Степановича собралось необычно много народа. Здесь были и Феня, и свежевыбритый Семен, и Федор Игнатович, и жена председателя Катерина Петровна, в белой, только что выглаженной косынке, и мальчик в пионерском галстуке, с мокрыми, приглаженными волосами, и эмтээсовский агроном. Прижав колено к колену, на диване тесно сидели бригадиры.

Семен читал речь, которую должен был произнести вечером. Читал он внушительно и хорошо, как-то со звоном, с размаху перелистывая страницы, но Василий Степанович, не дослушав, попросил начать сначала, потому что излишняя выразительность оратора мешала ему ловить смысл. Семен обиделся и начал читать значительно хуже. На этот раз ему никто не мешал. Только перед самым концом моя вчерашняя знакомая, старушка, приоткрыла дверь в кабинет и заглянула в щелку.

Распорядок встречи гостей был точно определен.

Секретарь райкома Данила Иванович позвонит, когда гости выедут из Д... В колхозе их встретит делегация в составе председателя колхоза, Семена, Федора Игнатовича, Героя Социалистического Труда Лены Дементьевой и мальчика с мокрыми волосами. После завтрака гостей пригласят осматривать хозяйство, причем объяснения будет давать Семен, один из самых крепких бригадиров, красноречивый парень, немного знающий к тому же чешский язык. У него уже была приготовлена записная книжка со всеми справочными материалами, касающимися развития и истории колхоза. Вечером в Синегорьевском саду состоится ужин, рассчитанный человек на двести, и там же выступит колхозная самодеятельность. В саду уже расставлялись столы, развешивались на яблонях электрические лампочки, в клубе проверялась радиола, приезжий художник заканчивал раскрашивать плакаты на русском и чешском языках, и Люба целый час уговаривала скупую свою подругу, чтобы та дала под любой залог пластинку «Словно замерло все до рассвета». Кроме Любы, подготовкой ужина занималась Феня, и ее раскрасневшееся от огня печи лицо и куриный пух, налипший на подол ее платья, показывали, что дело идет у нее полным ходом.

На ночь гостям был приготовлен ночлег: двум человекам — в Поддубках, у Гусевых и у Дементьевых, и одному, чтобы не обидно было синегорцам,— у отца Гриши, в Синегорье.

Как это часто бывает, долго обсуждали, что делать с водкой: подавать ли ее за ужином или не подавать, и если подавать, то в каком количестве. Пока обсуждался этот с виду несложный вопрос, на лицах у всех было грустное выражение. Наконец было решено водку к столу не подавать, но на всякий случай держать два ящика в запасе.

В общем, подготовка к встрече проходила нормально. Только мелкий дождик, заладивший с утра, так и не переставал, несмотря на то, что барометр Василия Степановича настойчиво показывал «ясно». Речь, составленную Семеном, одобрили, вскоре позвонил Данила Иванович и сообщил, что гости выезжают минут через пятнадцать.

Василий Степанович подозвал мальчика с мокрыми волосами и стал растолковывать ему, чтобы он сейчас же бежал на дорогу сторожить «Победу» Данилы Ивановича. Мальчик бросился было к двери, но Катерина Петровна остановила его и сказала, чтобы он на дорогу не выбегал, что с дороги ничего не видно, а чтобы бежал к крайней избе, да встал бы не с той стороны, где палисадник, а на горушке, возле огорода, да по сторонам бы не глядел, да ни с кем бы не разговаривал.

Наконец мальчик убежал, а Василий Степанович положил на стол часы и затеял спор с эмтээсовским агрономом. Агроном вежливо требовал, чтобы с завтрашнего утра колхоз начал вывозить солому, лежащую мелкими копнами после прохода комбайна, потому что она мешает пахать под зябь поперек прошлогоднего пласта. Эта работа предусмотрена договором, а договор подписывал председатель колхоза, так вот, будьте любезны... Василий Степанович говорил, что у него не кавалерийский полк и тягла не хватает даже на другие неотложные работы, а Федор Игнатович добавил, что лошади и так больше месяца работают без выходных дней, чем очень рассмешил агронома. Федор Игнатович хотел добавить еще что-то, но его вызвали на скотный двор, и, как только он ушел, в кабинете появилась маленькая старушка и стала просить, чтобы ей завезли дровец. Василий Степанович объяснил ей, что дрова ей завезены так же, как и другим, сколько положено, что у него не кавалерийский полк, чтобы отрывать тягло в такое время на посторонние работы, а плакать лучше в стороне и не заслонять свет, а то и так столько народу, что ничего не видать.

Насчет уборки соломы с агрономом вскоре договорились, а потом Василий Степанович достал из папки заявление Гриши. Гриша писал, чтобы ему разрешили эксплуатировать комбайн («Ишь ты, эксплуатировать!» — произнес Василий Степанович и покачал головой) напрямик по поддубенской и синегорской пшенице, потому что поля смежные, и после объединения колхозов крутиться по отдельности на каждом поле агрегату («Смотри-ка ты, агрегату!» — снова удивленно произнес Василий Степанович) нет никакого смысла.

Эмтээсовский агроном одобрил предложение Гриши и заявил, что раз колхозы слились и поля общие, так будьте любезны... Тут снова вмешалась Катерина Петровна и сказала, что это пустая затея, что если так работать, то нельзя будет определить урожайность в отдельности на синегорском и поддубенском полях, и Гришка всегда что-нибудь выдумает. Василий Степанович внимательно выслушал ее и, поджав губы, написал в углу гришиного заявления красным карандашом «Разрешбор», что означало «Разрешаю. Боровой». И тут же он вспомнил насчет лущения стерни и посоветовал агроному побыстрей подбросить лущители, а то будет доложено Даниле Ивановичу, и тогда он покажет МТС — «будьте любезны»... Агроном обещал уточнить этот вопрос и попрощался. Как только он ушел, старушка стала просить, чтобы ее корову взяли в колхозное стадо. Василий Степанович ответил, что нельзя об одном и том же говорить пять раз, что корова не ее, а брата и пусть брат платит за пастьбу, сколько положено. Старушка заплакала, а Василий Степанович посмотрел на часы. С того момента, как звонил Данила Иванович, прошло много времени, а гостей все не было. И от мальчика ни слуху, ни духу. Василий Степанович надел кепку и вышел проверить, в чем дело. Погода была такая, что приходилось долго вглядываться, чтобы понять, идет ли дождь или уже кончился. Дорога виднелась плохо, но была, кажется, пустынна. Мальчик куда-то исчез. Промочив свой праздничный костюм, Василий Степанович вернулся и стал звонить в райком: может быть, гости из-за плохой погоды решили отложить поездку? До райкома было трудно дозвониться, а когда Василий Степанович наконец дозвонился, ему сказали, что чехословацкие делегаты давно выехали, не меньше чем час тому назад. Теряясь в догадках, председатель долго стоял у стола и молча смотрел на старушку, которая снова принялась просить его завезти хоть возок дровец.

[1] Окончание. См. «Огонек» №№ 38, 39, 40.

Он уже собрался снова звонить в район, но в это время увидел Данилу Ивановича. Секретарь райкома, запахивая плащ, чтобы не задеть людей мокрым брезентом, осторожно пробирался к столу.

— Один? — изумленно проговорил Василий Степанович.

— Один,— секретарь райкома привычно повесил плащ на дальний незаметный гвоздик. Это был высокий, быстрый в движениях молодой человек с головой, остриженной под машинку, и с улыбчивым загорелым лицом.

— А где же гости? — спросил Семен.

— У вас. В колхозе. На электростанции, наверное,— ответил Данила Иванович. Он достал пачку «Норда» и вытянул папироску зубами, чтобы не мочить ее влажными от дождя пальцами. — Им там Наташа Голубева рассказывает.

— Кто? — воскликнул Семен. — Наташа? Да что вы, Данила Иванович! Где же она их перехватила?

— Возле Хвалова. Еду я к вам. Сидим с чехословацкой учительницей... Между прочим, Василий Степанович, я тебе наказание придумал. Посажу тебя на машину и стану возить по твоим дорогам. До тех пор буду возить, пока не поймешь, что людей надо ставить на ремонт мостовой.

— А где их взять, людей? — вставил Семен.

— В твоей, в строительной бригаде... Так вот, едем. Смотрю, кто-то идет обочиной. Подъехали ближе: Голубева Наташа. Полны руки пакетов. Подбородком пакеты придерживает. Остановил машину. «Садись,— говорю,— с водителем». А она церемонится. Не садится. Ноги, видишь ли, у нее грязные...

Данила Иванович подошел к окну и посмотрел на небо, и Семен вслед за ним тоже посмотрел на небо.

— Наконец все втроем ее уговорили. Села. Учительница спрашивает: «Что, мол, девушка, у тебя за покупки?» «А это,— говорит,— для хорового кружка. Вечером выступать будем. К нам,— говорит,— сегодня гости из Чехословакии приедут. Ей богу,— говорит,— правда! Прямо,— говорит,— беда, сколько у нас из-за этого хлопот. Семен полную ночь речь составлял».

— Ну, а вы что? — с укором произнес Семен.

— А что я? Люди разговаривают, зачем мне вмешиваться? Тем более, моя соседка не хуже нас с тобой говорит по-русски. Разговорились они, словно из одной деревни. Наташа свертки стала разворачивать, покупки показывать. Всякие бусы там, платки, ленты. Наряды, в общем, для артистов. В машине до сих пор галантерейным магазином пахнет... Между прочим, Василий Степанович, почему ты комсомольцам на культработу средств не выделяешь? Или колхоз обеднел?

— Какая же это культработа, Данила Иванович, платки да бусы? — заметил председатель.

— Смотри. Тебе не только хлеб сеять. Тебе и культуру поднимать... Повернула Наташа к себе зеркальце, которое перед шофером, и стала платки примерять. Все подряд. Сперва на себя надевала, потом учительнице предложила померить. Мой Борис смеется, аж на баранку ложится. Перемеряли они все, что было, и совсем подружились. Наташа спрашивает: «Что это я вас ни разу не видала? Вы в Д... живете?» «Нет,— говорит учительница,— много дальше». «Не в Москве ли?» «Еще дальше. В селе, возле города Шахи». «Где же такой город? На Украине?». «Нет, не на Украине. В Чехословакии». Тут Наташа обернулась к ней, встала коленями на сиденье и говорит: «А ну, дайте честное слово».

— Ой! — сказал Василий Степанович.

— Так они хорошо разговорились, что Борис заслушался — чуть курицу не задавил. Учительница про своих ребят, про то, как они с малых лет на карте Москву ищут, а Наташа, конечно,— про уборочную кампанию. Все сообщила: что работает на копнителе, что комбайнер ее отпустил за покупками, пока идет дождь, и что когда дождь кончится, надо бежать на поле. «Ну,— говорит,— пока до свиданья. Вон он, мой комбайн, стоит». И вижу я по глазам учительницы, жалко ей с Наташей расставаться. «Может быть, вы хотите на комбайнера посмотреть?» — спрашиваю я гостью. «Конечно, конечно!» Ну, раз такое дело — вышли мы все. А тут догоняет нас исполкомовская машина, подходят еще два чехословацких делегата. Учительница знакомит их с Наташей. Подошли к комбайну. Строгий комбайнер лежал под машиной и что-то писал. Увидел меня, сразу начал жаловаться. «До сих пор,— говорит,— буккера не доставили. Вчера ездили без буккеров, и сегодня стерня нелущеванная». Наташа говорит: «Сейчас, Гриша, я сбегаю в тракторную бригаду, узнаю, в чем дело». Пошла в тракторную бригаду. А мы все за ней. Пришли в тракторную бригаду. Включили рацию. Наташа вызывает контору МТС, просит директора. «А кто это говорит?» — спрашивает диспетчер. «Рядовой колхозник говорит»,— сказала Наташа, да так сказала, что диспетчер, видно, сильно испугался. Побежал искать директора. Минут через пять возвратился, докладывает рядовому колхознику: «Директора нет, уехал в Синегорье проверить, как установили ролики для канатной дороги на скотном дворе». «Что же, придется идти в Синегорье»,— сказала Наташа. Вижу, делегаты перешептываются. Сели мы на машины и поехали в Синегорье. По пути ненадолго остановились, и Наташа показала ветвистую пшеницу.

— Безобразие,— проговорил Семен, у которого ветвистая пшеница была припасена для заключения экскурсии.

Впрочем, он успокоился, вспомнив, что в конце гостям можно показать синегорские ясли.

— Приехали на скотный двор,— продолжал Данила Иванович.— Наташа наступает перед дверью в лунку с известью и объясняет, чтобы и мы тоже, прежде чем войти, продезинфицировали обувь. Мне что, я сапогами в известь, да и на порог. А когда учительница направилась, так сказать, по моим стопам, я подмигнул Наташе, чтобы пощадила гостей. Туфельки-то у них модельные. Наташа в момент достала где-то три пары резиновых сапог, и мы благополучно посмотрели ваших коровушек. А директора снова не нашли. Ребята, которые монтировали ролики, сказали, что он пошел на электростанцию определять, как вести проводку на канатную передачу. Хотел я посмотреть ваших свиней, да Наташа не пустила. Говорит, у них после еды час отдыха. Потом гости и Наташа отправились на электростанцию, к директору МТС, а я — к тебе, Василий Степанович...

Шлепая босыми ногами, вбежал мальчик в пионерском галстуке.

— Дядя Вася, дядя Вася,— торопливо заговорил он,— «Победа» едет. Совсем с другой стороны.

— Молодец,— сказал Василий Степанович, посмотрел на Семена, на мальчика с приглаженными волосами и вдруг рассмеялся.— Что ты приуныл, Семен? — продолжал председатель колхоза. — Выходит, из всех наших с тобой чудес самое большое чудо — Наташка.

10

Дождь кончился. Небо просветлело, и между Синегорьем и Поддубками встала большая нежная радуга.

Мы пошли на электростанцию и застали там только директора МТС и механика.

Директор сказал, что Наташа торопилась на работу и, кажется, повела гостей показывать ясли. Семен нахмурился и снова проговорил:

— Безобразие.

Ясли были расположены почти в середине деревни, в кирпичном доме, выкрашенном прямо по кирпичу голубой краской. Как только мы вошли в раздевалку, сразу стало ясно, что гости здесь: возле вешалки стояли кирзовые сапоги Наташи и рядом с ними три пары резиновых сапог.

— Часто товарищам приходится переобуваться,— заметил Василий Степанович.

Перед тем как войти в комнаты, полагалось надеть халат и туфли. Туфель было сколько угодно, а халат остался только один, да и то какой-то коротенький, в ржавых пятнах. Пока Семен затягивал тесемки на рукавах единственного халата, а мы с Данилой Ивановичем упрашивали дежурную сестру пропустить нас в собственной одежде, нетерпеливый Василий Степанович дернул дверь.

Как только дверь распахнулась, с порога на ноги председателя колхоза упал рыжий толстощекий мальчик. К счастью, Василий Степанович успел подхватить его. Он поднял мальчика на руки и стал цокать языком, опасаясь рева. Но маленький житель Синегорья и не думал плакать. Сильно откинувшись назад, он внимательно осмотрел лицо Василия Степановича и сказал:

— Татути.

Председатель озадаченно молчал.

— Здравствуйте,— ответил за него Данила Иванович.

Мальчик так же внимательно осмотрел секретаря райкома и проговорил:

— Мама поетата на патутоте.

— Неужели! — удивился Данила Иванович.

Мы вошли в первую комнату. По полу был разостлан ковер, на котором изображалось единоборство Геракла со львом. На стенах, настолько высоко, чтобы до них не дотянулись ребята, висели картонные зайчики в штанишках. Человек тридцать длинноволосых, стриженых, кудрявых, белокурых и чернявых мальчиков и девочек ползали и ходили по комнате. На полу валялись кубики, пирамидки из разноцветных колец, целлулоидовые звери и куклы.

Все ребята были заняты делом.

Карапуз с черными, как арбузные семечки, глазами сосредоточенно выкладывал из кубиков столбик, а его приятель сосредоточенно, почти не дыша, следил за его работой. Девочка с мягкими, мягкими льняными волосами, вьющимися в колечки, сидела на ковре, тыкала пальчиком в глаз Геракла и радостно твердила: «Дядя! Дядя!» Впервые за много дней пребывания в этой комнате она увидела, что на ковре изображен именно дядя, и в восторге от того, что никто еще во всем мире не знает этого, она смотрела вокруг своими удивленно-восторженными ясными глазенками и искала кого-нибудь, кто порадовался бы вместе с ней этому открытию. Но никто не обращал на нее внимания. Взрослые на цыпочках прошли вдоль стены, стараясь ничего не задеть, и ушли в другую комнату.

В другой комнате находилась спальня.

Здесь царил полумрак. Тонкие полоски света проникали сквозь неплотно закрытые ставни, изображая на стене неясные, призрачные отражения деревьев, домов, проплывающих по улице людей. Четыре человека, казавшиеся возле непривычно маленьких детских кроваток очень высокими, стояли в дальнем углу.

Спиной к нам молча, опустив голову, стоял широкоплечий мужчина с блестящими даже в сумраке волосами, в халате, надетом задом наперед. Худощавая женщина с подвижным лицом быстро и беспокойно говорила что-то на незнакомом языке своей подруге. А ее подруга плакала. Она плакала, сжав кулак правой руки, и по кулаку было видно, с какой силой она старается сдержать слезы.

Почему-то я сразу догадался, что это и есть учительница, с которой Наташа познакомилась в машине. Ей было лет сорок — сорок пять, но по ее лицу с высоким, чистым лбом, по тонким темным бровям и широкому подбородку легко угадывалось, какой была эта женщина в двадцать лет.

Наташа смотрела на нее растерянно и испуганно.

Все они стояли возле маленькой кроватки, в которой спала девочка. Остальные кроватки были пусты, и только одна девочка спала в этой темной комнате. Девочка лежала, раскинувшись, и была такая полненькая и плотненькая, что казалось, ножки у нее составлены из нескольких отдельных частей, как у целлулоидовых кукол, которых мы видели в соседней комнате. Девочка спала, чуть высунув язычок и тихонько посасывая во сне.

Василий Степанович открыл рот, чтобы позвать Наташу, но Данила Иванович предостерегающе положил на его плечо руку.

Увидев нас, Наташа еще больше растерялась.

— А вот... здесь кроватки для тех, кто побольше...— проговорила она, и плачущая женщина, все так же сжимая кулак, кивнула головой.

Мужчина стоял неподвижно, опустив голову, и мне была видна его жилистая шея и черные, блестящие волосы.

— Эти кроватки для двухлеток, для трехлеток,— говорила Наташа растерянно поглядывая на нас,— а вон те, на той стороне, с полозками,— для грудных, чтобы качать можно было... Вот так: а-а-а-а...

Наташа начала качать пустую колыбельку, женщина снова кивнула, но рыдания стали сильнее рваться из ее груди.

— Вот так вот... — говорила Наташа дрожащим голосом. — А-а-а... И вдруг она тоже заплакала.

— Откройте хоть ставни,— сказал Василий Степанович, не зная, что делать. — Наташа, что ты?

Наташа посмотрела на него мокрыми глазами и выбежала из комнаты.

11

Вечером я собрал вещи и в последний раз окинул взглядом комнату для приезжающих, которая давно перестала казаться мне скучной и неуютной. Поезд отходил в двадцать один час пять минут, а мне надо было еще найти в Поддубках председателя, отметить в командировке число выезда и километров двадцать ехать до станции.

Вот так всегда: поживешь недели две — три, увидишь кусок незнакомой жизни, наполненной трудом и любовью, радостями и горестями, интересной в самых малых мелочах, и только начнешь в чем-нибудь разбираться — надо уезжать на новое место. Как будто прочитал несколько выхваченных из середины страниц интересной книжки, а так ничего и не знаешь — ни конца, ни начала...

По пути я встретил Семена. Он предложил мне помочь нести вещи и, сколько я ни упирался, все-таки отобрал треногу теодолита. В шелковой рубашке с отложным воротником и в брюках в полоску он был похож на дачника. Ему все-таки удалось показать гостям хозяйство колхоза как следует, в том порядке, который он выработал, но, несмотря на это, бригадир строительной бригады был не в духе. Полного впечатления гости от экскурсии не получили, потому что многое смотрели во второй раз, а на участок ветвистой пшеницы и вовсе не захотели идти. К тому же учительница все время была печальна, и развлечь ее ничем не смогли. Прямо с поля все они поехали в Поддубки, а Семен решил пройтись пешком.

Мы молча спускались с холма. Внизу, на самом дне оврага, была устроена запруда, и там, с низких, дощатых мостков, поддубенские женщины по утрам полоскали белье. У запруды я заметил Наташу. Только что кончилась ее смена, и она умывалась, засучив почти по плечи рукава блузки.

Через ручей можно было перейти или по мосткам, на которых стояла Наташа, или по камню, лежащему посреди ручья, значительно выше по течению. Семен повернул к камню. Когда мы сошли к самой подошве откоса, он спросил:

— Наташа нас видела?

— Конечно.

— Тогда пойдем к ней. А то и так она теперь думает, что на нее весь свет злой. Пойдем запрудой.

Мы пошли вдоль говорливого ручейка и вскоре снова увидели Наташу. Она умылась и сидела теперь, крепко упираясь о доски ладонями. Красивые руки ее с шершавой кожицей на локтях дочерна загорели, и на правой руке виднелась длинная белая царапина. Задумавшись, Наташа тихонько шевелила погруженными почти по колено в воду ногами, и от полукруглых волн разбегались в сторону черные водяные жучки.

Наши тени легли на воду. Наташа перестала болтать ногами.

— До свидания, Наташа,— сказал я. — Уезжаю.

— Счастливо,— ответила она, не поднимая головы.

Я не стал продолжать разговор. Семен молча следил за солнечными зайчиками, от которых дно запруды казалось цинковым. Вода сливалась поверх прогнивших в торцах, заляпанных зеленой плесенью досок, тонкими, осторожными струйками, словно процеживаясь. В маленькой заводи скапливались сонные соломинки, веточки, семечная скорлупа, и на дне ее отчетливо виднелась оброненная кем-то шпилька.

— Комбайн работал? — спросил наконец Семен.

— А как же.

— Много наработали?

— Еще не мерили.

— Больше вчерашнего?

— Не знаю.

Помолчав немного, Семен спросил:

— Почему ты на меня сердишься?

— Надо было гостей принимать, раз тебе поручено.

— Вот так здравствуйте!

— Конечно,— Наташа взглянула на него снизу вверх. — Надо было выйти на дорогу и ждать. Я ведь им ничего и не показывала. Я директора МТС искала, а они со мной ходили. И больше ничего... А уже потом вижу — нет никого, я и повела их в ясли. Я хотела как лучше, Сеня, чтобы им веселей было...

— Ну, ну, ну,— сказал Семен, увидев по ее подбородку, что она собирается плакать.

— А чем я эту женщину расстроила, убей, не знаю. Хочешь, верь, хочешь, не верь. Такая хорошая женщина. Чем я ее обидела? Стою на копнителе, солому ворошу, а сама реву да реву. Теперь хоть домой не ходить...

— Ничем ты ее не обижала,— Семен погладил Наташу по плечу.— У нее мужа убили. И ребенка убили.

— Где?

— Мужа в гестапо. В сорок втором. А ребенка... ребенка, считай, в кроватке. В сорок пятом. В таких же вот, как у нас, яслях. Когда она мне это рассказала, я рот раскрыл. Ведь это я, Наташа, своими глазами видел. Наша дивизия через тот городок проходила. Иду по улице со своими солдатами, думаю: что такое? Домик стоит — видно, ясли. Женщины бегают, хватают из зыбок кто что: кто простынку, кто подушку маленькую. На память, что ли, не знаю... Кричат. Плачут.

— Куда же ребятишки делись? — спросила Наташа.

— А фашисты их с собой взяли. Больше попрятались, не хотели с фашистами эвакуироваться, так они надумали в отместку детей из яслей забрать. Дескать, за ними и матери побегут... Окружили нас женщины, руками машут, просят, чтобы догнали...

— Эта учительница тоже там была?

— Может быть, и была. Может быть, мы тогда друг друга видели. Разве теперь вспомнишь?

— Догнали, Сеня, фашистов?

— Догнали. Окружили. Да что толку? Все равно душегубы всех гражданских поубивали. И стариков, и ребятишек, и младенцев. Звери. — Лицо Семена сделалось серым, некрасивым.

— Зачем же они младенцев поубивали?

— Душегубам, Наташа, младенцы страшней стариков. Младенцы-то, они вырастут. Ответа спросят.

На откосе холма показался мальчик в пионерском галстуке. Он вприпрыжку бежал к нам в пиджаке, увешанном орденами и медалями. Пиджак был настолько длинен, что из-под пол его мелькали только голые ноги мальчика, а коротких штанишек вовсе не было видно.

Мальчик подбежал к Семену и выпалил:

— Сеня, тебе Василий Степанович велел сейчас же в правление приходить во всей форме.

Коротко звякнув серебром медалей, Семен накинул пиджак на себя и из дачника сразу превратился в стройного, боевого парня.

— Ладно, иди, — сказал он сумрачно. — Я сейчас.

Мальчик побежал обратно.

— Ничем ты эту женщину не обидела, — продолжал Семен, обращаясь к Наташе. — Все ты делала правильно. А она увидала пустые кроватки, и все ей вспомнилось. А ты ничего не понимаешь...

Он снова погладил Наташу по плечу и спрятал руку в карман.

— Понимаю, Сеня, понимаю...

— Хотя да. Это ты, наверное, понимаешь. И про ветвистую пшеницу хорошо гостям рассказала. Пока я с ними ходил, они все время про тебя расспрашивали. Конечно, ты правильная девушка...

— Ну да уж, правильная, — Наташа покраснела от удовольствия.

— И Настя была правильная. Если бы не война... — Он замолчал, не докончив.

Наташа встала, взялась за треногу, которую Семен придерживал левой рукой, и спросила:

— А больше не будет войны, Сеня?

— Не будет! — твердо ответил Семен.

— Правда, не будет?

— Не будет.

— И у них, в Чехословакии, не будет?

— И у них не будет. Не дадим разбойничать. Хватит.

Он посмотрел вокруг. На синем небе покойно висели облака. Вдоль ручья зигзагами летали ласточки. Издали доносился размеренный шум трактора, похожий на стук швейной машины. Там ходил гришин комбайн. Едва слышным, резко прерывающимся комариным зуденьем со строительства птицефермы доносился звук циркулярной пилы. На канале два раза протяжно прогудел пароход. Казалось, во всем мире, от края до края, спокойно и без тревог работают люди.

— Я ведь, и правда, все понимаю, Сеня, — тихо заговорила Наташа. — И зачем к нам гости из-за границы приезжают, тоже понимаю. Трумэн пугает своих рабочих, обзывает нас агрессорами, а боится послать их поглядеть, какие мы.

— Это верно, боится, — сказал Семен. — Ему там, у себя дома, лучше говорить, что ты, Наташа, агрессор...

Он потрепал ее белокурые волосы и снова спрятал руку в карман. Наташа улыбнулась, но, заметив, что Семен сделал движение уходить, схватила его за полу пиджака и испуганно проговорила:

— Обожди, Сеня!

«Если ты, Сеня, сейчас пойдешь, то я пойду за тобой, — читал я в ее глазах, — и стану говорить то, что ты ждешь от меня, стану говорить это при чужом человеке, и мне ни чуточки не будет стыдно».

— А что тебе? — растерянно спросил Семен, прочитав в глазах ее то же, что и я.

— Обожди, — повторила Наташа, дыша так, словно только что сбежала с откоса.

Я поднял чемодан и ящик с теодолитом, взял подмышку треногу и пошел отмечать командировку.

— Я вас сейчас нагоню, — смущенно проговорил вслед мне Семен.

Я поднялся наверх. Шум трактора стал слышнее. Ровная лента канала блестела, как сталь. Навстречу бежал мальчик в пионерском галстуке.

— Ты куда? — спросил я его.

— А за Семеном.

— Подожди!

— А что?

— Да подожди!

— А что?

— Не беги так быстро. Устанешь!

Мальчик только свистнул и скрылся за гребнем холма.

12

Возле правления стояла приготовленная для меня полуторка, и шофер пинал ногами задние скаты. Скаты звенели, как стеклянные. Председатель колхоза был у наташиных родителей. Когда я вошел в горницу, то, кроме Василия Степановича, увидел там и чехословацких гостей, и Данилу Ивановича, и Героя Социалистического Труда Лену Дементьеву. Все они сидели у стола, накрытого голубой скатертью, и наташина мать показывала гостям семейные фотографии. Судя по карточкам, родственников у Федора Игнатовича было великое множество.

— А это свекор, — говорила наташина мать, показывая учительнице фотографию в желтых пятнах. — Такая тогда форма была у Красной Армии. У Котовского служил. Может, знаете Котовского? Федор, какая у Игната Васильевича от Котовского награда была: часы, кажется, с надписью? Это мой двоюродный дядя. Его кулаки убили. А это золовка, сейчас машинистом на электровозе. А вот это Федор в Сочи, в санатории. Вон он сбоку стоит, в панамке, вон он, вон он, черный, как негр... Ну, а эту и показывать совестно. Это я еще невестой, а рядом — Федор. Заревновала я его с чего-то да глаза ему зачернила. Так и лежит с тех пор эта карточка, память о моей дурости.

Учительница перевела своим спутникам эти слова и улыбнулась, но тень печали все еще лежала на ее строгом лице.

И тут я понял, что все эти сердечные люди неспроста показывают фотографии, а стараются развлечь гостью, стараются развеять ее большое, хорошо понятное им горе.

— А вот нашу Феню, заведующую птицефермой, в прошлом году для газеты снимали. — Наташина мать держала грубо ретушированную для клише фотографию. На снимке была изображена Феня, стоявшая возле той самой птицефермы, которую при мне разбирали.

— Эту ферму, считайте, она сама, своими руками построила. Народу не хватало, так она и водопроводчиком, и монтером, и столяром работала. На все руки мастерица. Эту карточку она в редакции выпросила, а Наташа у ней отобрала. Дружат они с Наташей. И хорошо. Подходящая дружба... А вот это Федор сохранил.

Наташина мать протянула учительнице дряхлый, пожелтевший листок старого отрывного календаря. На нем с трудом можно было разобрать написанные карандашом слова: «Родилась дочка, 4 часа утра». На листке был изображен Леонардо да Винчи, а на обороте сообщалось, как из сои приготовить десять питательных блюд.

— А вот еще листочек, — сказал Федор Игнатович, — когда она в первый раз выговорила «мама»...

На лицевой стороне этого листочка была изображена диаграмма роста погрузки на железных дорогах в двухосном исчислении, а на оборотной напечатана антирелигиозная басня Демьяна Бедного.

— А вот это мой младшенький, Андрейка, — сказала наташина мать. — В яслях снимали...

— Вон что! В яслях! — Лена укоризненно посмотрела на нее и сунула карточку в общую кучу. — Повеселей что-нибудь покажи.

Улучив минуту, я подошел к Василию Степановичу. Он достал из кармана кисет, вынул из него круглую печать, хрипловато дыхнул на нее, положил командировочный бланк на свою широкую морщинистую ладонь и оттиснул в графе «Выбыл» название сельскохозяйственной артели. Потом подписал свою фамилию, предоставив мне самому написать число отъезда. Добрый старик сделал это не из-за лени, а для того, чтобы лишний раз показать мне свое доверие.

Я обошел всех и попрощался. И когда я прощался с чехословацкой учительницей и она в первый раз взглянула на меня, я понял, как нужно ей, чтобы ее утешили, и как трудно ее утешить.

Я вышел на улицу. Солнце спряталось за облака. Опускался сумрачный, грустный вечер. На душе было мутно, тоскливо, может быть, потому, что на меня взглянула давно забытая мной печаль умных материнских глаз, а может быть, потому, что приходится снова уезжать от людей, к которым привык... Хорошо бы остаться еще на денек, увидеть солнечное небо, светлое лицо чехословацкой учительницы, узнать, сговорились ли все-таки Семен и Наташа, да выведать, кто же в конце концов сочиняет поддубенские частушки. Хорошо бы, да некогда.

Я забрался в кабинку. Шофер нажал стартер. И в эту минуту послышался счастливый голос Наташи.

Я любила, ты отбила,
Я не суперечила.
Не надолго ты отбила,
Только на три вечера!

пела Наташа, и я понял, что мальчик не успел помешать ее разговору с Семеном и они обо всем договорились.

— Подождите минутку, — сказал я шоферу.

Он недоуменно взглянул на меня и выключил зажигание. Между облаками проглянуло солнце, и сразу словно рассвело вокруг.

То в Тамбове, то в Мытищах
Наша Валька счастье ищет.
А чего его искать,
До него рукой достать! —

снова послышался задорный, какой-то улыбающийся голос. В избе Федора Игнатовича отворили окно. И я отчетливо представил, как светлеет лицо чехословацкой учительницы, как слетает с ее души тяжелое горе, и покойная радость начинает светиться в ее серых глазах, и Федор Игнатович потихоньку собирает со стола ненужные больше фотографии...

— Вы забыли что-нибудь? — спросил шофер. — Уже девятый час...

— Да, да, поехали... — торопливо проговорил я.

Машина тронулась. Наташа снова запела, но слов было уже не разобрать.

Так я и не узнал, кто в Поддубках сочиняет частушки. Впрочем, мне кажется, сочиняют их и Наташа, и Люба, и Феня, и незнакомая мне подруга Наташи, а может быть, даже и Семен. Может быть, начало какой-нибудь частушки придумала Наташа, а конец Люба.

Наверное, так и есть.

Но все-таки всегда, когда я теперь слышу коротенькие запевки, мне сразу вспоминается голубоглазая девушка, которой стоит только протянуть руку — и она дотронется до счастья.

Иван Крапивный (справа) и дядя Егорчик на привале.
Фото Дм. Бальтерманца

Защитник заповедного леса

В. ВИКТОРОВ

Рано утром в урочище Новый Суат к наблюдателю охраны Крымского заповедника Ивану Васильевичу Крапивному пришла незнакомая женщина с запиской от Макароза.

«Дорогой Ваня, — писал Макаров, — направляю к тебе жену погибшего партизана, бывшего у нас командиром боевой группы, — политрука Фирсова. Он умер на Кизилевом лагере, где и похоронен слева, как идти на лагерь Ермакова. Моя просьба: окажи ей гостеприимство и проведи ее на могилу мужа. Это наш долг. Я надеюсь, что ее просьба будет выполнена. С дружеским уважением П. Макаров».

Крапивный еще раз прочел записку и сказал:

— Ну что ж, я как раз собираюсь в лес. Вот и пойдемте вместе... — и тут же, взглянув на женщину, запнулся. Он только теперь увидел, как его гостья устала. Видимо, все двенадцать километров от Симферопольского шоссе в горы, к кордону заповедника, она шла пешком.

— Вы уж простите меня, — сказал Крапивный, — мы тут привыкли к пешему хождению... Отдохните немного, а я пока проверю кое-что.

И в то время как Любовь Михайловна поила гостью молоком, Крапивный, достав из шкафа пачку записных книжек и отдельных листиков, присел к столу и стал просматривать странички. Это был его партизанский архив — сохранившиеся копии боевых донесений, дневники, списки погибших в боях товарищей. Давно уж Иван Васильевич не прикасался к этим бумагам, которые он все намеревался сдать в музей, да никак не мог выбраться в Симферополь. И сейчас с внезапной и острой силой перед ним вставали события прошлого, развивавшиеся вот в этих самых местах, где он жил теперь, где стоял его дом, где росли его дети.

После разгрома крымской группировки гитлеровцев, когда партизанский отряд, которым командовал Крапивный, спустившись с гор, освободил Ялту, он, проводив своих товарищей в армию, решил остаться на работе в городе (на фронт его не пустили из-за двух тяжелых контузий). Но вскоре он понял, что его неодолимо тянет назад, в места, где столько раз была рядом смерть. И Крапивный воспользовался первой же возможностью, чтобы вернуться в горы.

Несколько недель бродил Крапивный по знакомым тропам, по брошенным стоянкам, отдыхая у потухших костров (тогда еще сохранялся их пепел), ночуя в уцелевших землянках. Вернувшись в город, он совсем уж было устроился в управлении заповедника, но в последний момент, посоветовавшись с женой, ушел работать на кордон наблюдателем лесной охраны.

Тишина леса, который он охранял, воздух гор и лесов укрепляли его силы, нарушенные контузиями и годами партизанской войны.

Сидя у стола, Крапивный ворошил и перекладывал свои бумаги. Его глаза скользили по строкам боевых донесений, наградных реляций, записей в дневнике, но он не задерживался на всем этом. Он искал один определенный документ — список бойцов, погибших в бою у Кизилевого лагеря, и в этом списке Иван Васильевич нашел фамилию Фирсова.

У Крапивного были сегодня другие планы: надо отнести соли оленям к Старому Суату, и кольцевание белок еще не закончено, но тут уж ничего не поделаешь — такой случай; и через час, закинув двустволку за плечо и свистнув своего жесткошерстого фокстерьера, Крапивный повел гостью в глубину горного леса...

— Тишина какая у вас, и воздуком не надышишься, — говорила женщина. — Чем же вы занимаетесь? Лес охраняете?..

— Не только, — отвечал Крапивный. Он никогда не отличался разговорчивостью, а здесь, в лесу, стал еще более скуп на слова. Его работа требовала абсолютной тишины, даже собаку свою отучил Крапивный голос подавать. — Природа здесь нетронутая, музей своего рода. Тридцать тысяч гектаров площади, — скупо и почти шепотом ронял слова Крапивный. — Конечно, охранять надо. Однако это полдела. Вторая половина — в наблюдении. Все я обязан знать, что происходит тут, в мире животных, птиц, насекомых, растений. Все обязан видеть, обо всем сообщать. — Крапивный помолчал и добавил с неожиданной ясной улыбкой: — Вот какого рода боевые донесения теперь пишем: о повадках барсуков, о полете бабочек...

— И куда же вы боевые донесения посылаете? — спросила женщина.

Крапивный приложил палец к губам:

— Вы не шумите. Авось, оленей увидим. Разговаривать можно, но только потише... В управление заповедника посылаем донесения. Там работают ученые — лесоводы, ботаники, зоологи. Они большие выводы по нашим наблюдениям делают. Присядем-ка, отдохнете, а я вам свою книжку наблюдателя покажу. — И Крапивный, присев рядом, то и дело остро посматривая по сторонам, читал шепотом: «Когда сошел снег... День первого грома... Когда зазеленели деревья... Когда появились подснежники, фиалки, ландыши, пионы... Когда поспели грибы...» Это все должен я примечать. И когда птицы яйца кладут, и когда кукушка впервые закукует, и когда первую весеннюю песню зяблик запоет, и когда бабочки появляются. А встретишь оленей или козуль — срочное донесение посылаешь. Тут досконально надо все описать: отрастают ли рога, каков молодняк, где пасутся самки...

Они пошли дальше, и чем выше поднимались, тем гуще, величественней становился лес. Ветви огромных корявых буков смыкались над их головой, закрывая небо, ноги утопали в червонно-золотом настиле листьев.

— Осенью идешь по колено в золоте, — сказал Крапивный, остановился, подумал и предложил: — Хотите партизанский склад посмотреть? Здесь недалеко, — и он повел свою спутницу вверх по крутому склону едва заметной, узенькой, как ниточка, тропинкой.

— Вот он, — сказал Крапивный, останавливаясь. Женщина огляделась по сторонам и ничего не увидела, кроме скал, по которым, как солдаты, врассыпную поднимались вверх сосны. Но собака вдруг взвизгнула и нырнула куда-то.

— Куниц почуяла. Там теперь куницы живут, — сказал Крапивный.

Сквозь узкую, почти незаметную щель вслед за Крапивным женщина протиснулась в небольшую пещеру. В глубине ее валялись ящики.

— Пещера имени Мити Кособродова — нашего проводника. Это его отца каратели убили в урочище Новый Суат, где я теперь живу...

Они продолжали подъем и вышли на вершину горной гряды.

— А мы ведь по оленьей тропке подымались, — сказал Крапивный. — Вон следы копытцев.

Женщина приблизилась к каменному барьеру и увидела перед собой уходящие к горизонту холмистые взгорья, поросшие вековым лесом. Отсюда лес казался просто курчавым кустарником. Внизу, под горой, виднелась среди буковой колоннады полянка с одним деревом посередине.

— Это и есть Старый Суат. Там у меня солонцы. В дни гона рогачи на полянке поединки устраивают. Отсюда, сверху, слышно, как трубят. Сейчас тихо. Самцы рога сбрасывают, а самки с молодняком отдельно держатся...

Крапивный чувствовал, что женщине хочется поскорее добраться к могиле мужа, что она едва сдерживает волнение, и все, что он делал и говорил, преследовало одну затаенную цель — хоть немного разрядить невыносимое душевное напряжение своей спутницы. И когда добрались они до Кизилевого лагеря, когда подвел он женщину к месту, где был похоронен ее муж, когда увидел, как стоит она и смотрит куда-то вперед на далекую гряду гор, захотелось Крапивному сказать жене погибшего политрука: «Посмотрите на лес, на горы, на далекое море. И для того, чтобы все это существовало для нас, чтобы был мир, сражался и погиб близкий вам человек». Но Крапивный ничего не сказал. Ведь всю дорогу он, в сущности, именно об этом и говорил женщине.

...Вернулись они к дому уже под вечер, и у самого урочища Иван Васильевич встретил своего соседа, наблюдателя Захарова, шестидесятилетнего неутомимого человека, которого все в заповеднике называли дядя Егорчик. Остановились, поговорили, и Крапивный сказал своей попутчице:

— Вы у нас заночуете, с женой поговорите. Она ведь со мной всю войну провела, вашего мужа помнит. А я пойду на ночь в обход.

Сумерки настигли Крапивного и дядю Егорчика у родника, где они решили остановиться. Нежно шуршала прошлогодняя листва под ногами, когда они шли буковым лесом, и, казалось, готова звенеть пружинистая молодая трава на полянах.

Один раз дядя Егорчик остановился и поднял скорлупку какого-то небольшого яичка.

— Певчий дрозд, — шепнул он и осторожно положил скорлупку обратно в траву, словно ее падение могло нарушить тишину.

Другой раз остановился Крапивный и посмотрел на длинную извилистую полосу взрыхленной листвы.

— Куда ни глянешь, барсучьи норы, — сказал он. — Много барсуков нынче у нас!

Когда они услышали журчание источника, в лесу уже стало совсем темно.

Устроились на лесном склоне, у огромного узловатого бука. Лежа на мягком и теплом настиле старых листьев, глядя на огонь костра, Крапивный и дядя Егорчик беседовали о рогаче, появившемся в районе горы Черной, о гидрологе Василии Михайловиче Потапове, живущем отшельником на дальнем урочище и изучающем там режим горной речки, о кусте белого донника, выросшем на трубчатом спуске, о директоре Николае Степановиче Рыбальчике, который все старается, чтобы побыстрее отстраивались дома кордонов.

— Водил я сегодня к могиле Фирсова его жену и все прошлое вспомнил. Какие дела в этом лесу гремели! А теперь живем мы здесь, как отшельники, вдали от событий. За рубежами вон что творится. Клокочет все! Готовят наши враги новую войну, а мы белок кольцуем, олений молодняк подсчитываем. А потом подумал и решил, что и в лесу большое дело делаем: помогаем мы ученым тайны природы разгадывать. Нет, не для того завоевали мы тишину эту, чтобы дать ее снова нарушить... — Крапивный помолчал и добавил: — Что ж, отдохнем. Нам ведь под утро к оленям идти. — И он тут же безмятежно заснул, особенно полно чувствуя нерушимое молчание заповедного леса, чей покой он так ревниво берег.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО НА СЕЛЕ

П. Н. ЛИСТОВ,
доктор технических наук, профессор

Тимирязевская академия давно дружит с колхозом «Красный Октябрь». Не раз тимирязевцы бывали на его полях и не раз принимали у себя Героя Социалистического Труда председателя колхоза Петра Алексеевича Прозорова.

Его сообщение на конференции в академии о перспективах развития артели в послевоенной пятилетке выдвинуло перед наукой серьезные вопросы. Читая лекции студентам о стахановской агротехнике, П. А. Прозоров звал молодых агрономов-мичуринцев черпать знания в богатой колхозной практике.

Редко какая кафедра не привлекает его внимания. У селекционеров он изучал ветвистую пшеницу; у овощеводов спрашивал совета, как лучше выращивать шампиньоны; на кафедре электрификации интересовался устройством электрифицированной теплицы.

Был и такой случай. П. А. Прозорову очень понравились новые породы домашней птицы.

— Как бы их поскорее к нам в колхоз?

— А вас не смущает дальность перевозки?

— Ничего, справимся, не сомневайтесь, — ответил председатель колхоза.

И через несколько дней в Москву прибыл самолет с поручением «Красного Октября» забрать цыплят для расширяемой птицефермы.

Сказанным не ограничивается содружество ученых с людьми колхоза. Все бригадиры артели прошли в академии специальные курсы, а колхозницы Анна Колупаева и Мария Попова учатся на третьем курсе агрономического факультета.

Великая сила колхозного строя широко раздвинула горизонты сельской жизни. Колхозник получил в свое распоряжение все достижения науки и техники.

Недавно я просматривал пожелтевшие от времени страницы «Вятской газеты» за 1912 год. В земском отчете бесстрастно говорилось, что основное занятие местных крестьян — нищенство. Буржуазия и помещики Вятской губернии не видели в таком «занятии» ничего зазорного. Они старались наглухо отгородиться от тяжелого чада лучины, мерцавшей в обездоленной, голодной деревне.

«И в самом деле, из этого города даже дороги дальше никуда нет, как будто здесь конец миру», — негодовал в своих знаменитых «Губернских очерках» М. Е. Салтыков-Щедрин, высланный в Вятку.

Советская власть проложила прямые дороги между городом и деревней и вывела крестьянство на новый, светлый путь. Там, где дрожали вызывавшие скорбь поэта «огни печальных деревень», зажглись миллионы «лампочек Ильича».

В семидесяти километрах от города Кирова — бывшей Вятки — ныне раскинулись владения колхоза «Красный Октябрь». Еще на памяти многих здешние тощие земли, замкнутые в кольцо болот и топей, родили только рожь и овес, да урожая едва хватало на семена.

Иной стала эта земля при колхозном строе, иным стало ее плодородие. Благодаря передовой агрономической науке колхозники, вооруженные могучей техникой, снимают с гектара по двести пудов зерновых, десятки тонн овощей, картофеля. В общественных стадах — высокопродуктивный рогатый скот, породистые свиньи и овцы.

И первыми помощниками в творческом труде колхозника-новатора выступают механизация и электрификация. Уже сегодня в «Красном Октябре» бóльшую часть всех производственных процессов выполняют электродвигатели. На каждую колхозную семью ежегодно приходится около полутора тысяч киловатт-часов электроэнергии.

Колхозные техники стоят у пульта гидроэлектростанции. Из года в год наращивается ее мощность. Электроэнергия все больше внедряется в общественное хозяйство и в быт. Она питает двигатели водонасосной станции, дождевальных установок, механического, маслобойного, кирпичного заводов, обслуживает животноводство.

Электричество моет, чистит, режет корнеплоды и картофель, перерабатывает и приготовляет горы кормов. Комсомолец Л. Прозоров устроил добротную подвесную дорогу. И по ней транспортируются на поля вагонетки, груженные навозом.

За последние годы резко возросла производительность труда. Каждая тысяча киловатт-часов заменяет труд 300 человек и 100 лошадей в течение целого дня. Да к тому же экономится горючее. Но это еще не все. Поднялись удои, тучнее стал скот, улучшилось качество овечьей шерсти.

Неузнаваемо изменился и бытовой уклад деревенской жизни. Гордость колхоза — клуб с просторными залами, библиотекой, кинотеатром. Собственная фабрика-кухня приготовляет самые разнообразные блюда. В домах — центральное отопление, водопровод, радио и электронагревательные приборы. Скалку вытеснил электроутюг.

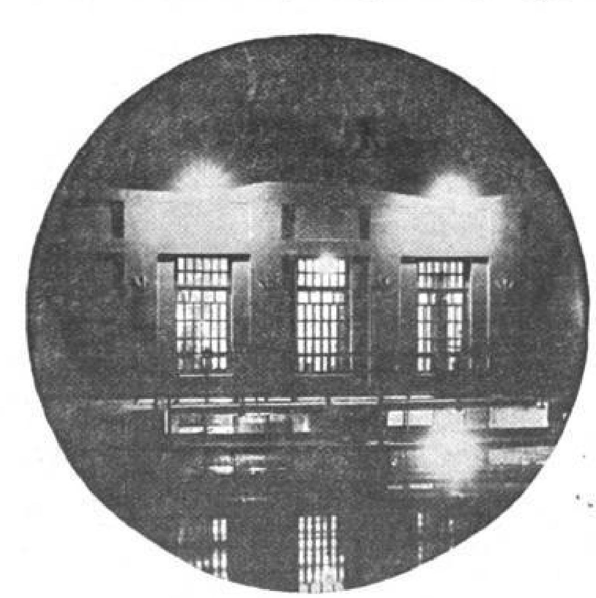
В сосновом бору высится здание колхозного санатория. Каждый член артели ежегодно проводит здесь две — три недели. К его услугам кабинеты физиотерапии, электро-водолечение.

Не случайно за людьми «Красного Октября», среди которых 20 Героев Социалистического Труда, закрепилась добрая слава. Они не только мастера обильных урожаев и высокой продуктивности животноводства, но и энтузиасты, новаторы электрификации.

В лекциях П. А. Прозорова убедительно показывается зависимость роста экономики и культуры от применения электроэнергии в крупном колхозном производстве. Цифры и факты делают зримыми черты грядущего для коммунизма. Эти лекции с одинаковым интересом слушают и в Москве, в Политехническом музее, и в аудиториях учебных и научных институтов, и в странах народной демократии.

Широкая электрификация живо интересует колхозную деревню. Ленинский призыв сделать всю Россию, и промышленную и земледельческую, электрической воплотился в величественных масштабах сталинской электрификации.

Почти в пять раз по сравнению с довоенным временем возросло теперь число электрифицированных колхозов. Нынешний год даст электроэнергию большинству совхозов и машинно-тракторных станций, их ремонтным мастерским, селекционным и опытным станциям; электричество станет достоянием новых тысяч колхозов. Мощность сельских электростанций в СССР к концу этого года больше чем в четыре раза превысит довоенную.

Гидростанция колхоза «Здобуток Жовтня» (Киевская область).
Фото В. Горшкова

В колхозе «Красный коллективист», Ярославской области, где председателем Любовь Николаевна Гунина — депутат Верховного Совета Союза ССР, — большую известность стяжали животноводы. Если колхоз продает соседям племенной молодняк, то только высшего класса — элита-рекорд. Марка «Красного коллективиста» на бруске сливочного масла означает продукцию самого лучшего качества.

Электричество помогает артели содержать молочный скот в идеальных условиях. Фермы блещут чистотой, вентиляция регулирует температуру воздуха. Электромашины, автопоилка, механическая дойка, пастеризация молока облегчают труд колхозников. Коровы дают по пять тысяч литров молока в год. Животноводство приносит «Красному коллективисту» 700 тысяч рублей годового дохода!

Электрические линии протянулись над полями и лесами Белоярского района на Урале. Там вступили в действие сотни электродвигателей. Они молотят хлеб, сушат зерно, сортируют семена. Ток идет к электротракторам, на мельницы, готовит корма скоту, подает воду, перерабатывает молочные продукты.

В колхозе «Яровой колос» этого района много потребителей электроэнергии. За прошлый год на производство, культурные и бытовые цели в нем израсходовано 100 тысяч киловатт-часов. Выгода электрификации заметна на каждом шагу. Затраты труда и потребность в рабочей силе сократились в 2—3 раза. Расширились основные отрасли полеводства и животноводства. Двинулись в гору садоводство, овощеводство, подсобные предприятия.

Технический стаж белоярских электриков еще не велик. И они пристально присматриваются к опыту пионера электрификации сельского хозяйства на Урале — к ачитскому колхозу «Заря». А там есть чему поучиться! За 15 лет коллективного труда общественное богатство «Зари» увеличилось почти в 200 раз — с 32 тысяч рублей до 6 миллионов.

Много нужно приложить труда, умения, любви к делу, чтобы рачительно хозяйствовать на 7 тысячах гектаров земли, вести большое, продуктивное животноводство, непрерывно повышать материальное благосостояние и культурный уровень колхозников.

И в блистательных успехах «Зари» особенно ощутима помощь социалистической индустрии. Она вооружила колхоз могучей машинной техникой, сосредоточенной в МТС.

Почти на полтора километра протянулась плотина, сооруженная колхозниками «Зари». Колхозный инженер коммунист Д. Крохалев управляет ГЭС мощностью в 200 киловатт. Электрохозяйство тут немалое: собственные линии передач, 10 трансформаторов, 78 электродвигателей. На полях — электропахота. Электричество молотит хлеб, очищает, сушит зерно, подает воду на скотные дворы.

Достаточно легкого прикосновения животного, и чашка автопоилки наполняется чистой водой умеренной, независимо от погоды, температуры. А своевременно и вдосталь напоить корову — это значит получить дополнительно десять процентов молока. Безотказная подача горячей воды на фермы — признак высокой культуры в животноводстве. В молоке, надоенном в ведро, которое прополоскано холодной водой, содержится в 25 раз больше бактерий, нежели в посуде, промытой кипятком.

Всем водоснабжением в колхозе легко управляет один человек. Электричество, кроме того, питает сварочные аппараты, лесопильные рамы, станки и машины колхозных мастерских.

— Ныне труд большинства наших колхозников, — говорит председатель «Зари» А. П. Тернов, — приобрел характер труда индустриального.

Раньше бывало, что с поливкой одного гектара овощей едва управлялось пять человек. Теперь достаточно нажать кнопку магнитного пускателя, и спасительный искусственный дождь обильно напоит растения на массиве в десятки гектаров.

Чувством нового живут в «Заре». Колхозники не довольствуются достигнутым, — они смело идут по пути технического и культур-

ного прогресса, убыстряя процесс полного стирания противоположности между городом и деревней.

Этой цели и служит план дальнейшей электрификации колхоза. Хозяйство получит еще больше электромашин. Появится высокочастотная зерносушилка. Погрузку зерна, подачу сена и соломы на стога, снопов в барабан молотилки — все по воле человека будет делать электроэнергия. Завершится комплексная механизация животноводства. Фермы оснастятся электрокипятильниками-термосами и электроинкубатором.

Таков завтрашний день не только колхоза «Заря».

Свердловская и Московская области выступили застрельщиками сплошной электрификации колхозов, совхозов и МТС. Их примеру следует Харьковская, Молотовская и Ярославская области, Армянская ССР и другие. Жизнь показывает: чем крупнее колхозы, использующие местные энергетические ресурсы, тем электрификация успешнее осуществляется.

В Рязанской области, где Ока катит свои светлые воды, колхозы сообща соорудили пока, пожалуй, самую большую сельскую гидроэлектростанцию — Кузьминскую. Это межколхозная собственность. Станция обладает мощностью в тысячу киловатт. «Наша Кузьминка», как ее любовно называют рязанцы, протянула высоковольтные линии в самые отдаленные села района. И здесь пашут электротракторами.

С большим размахом строится окаймленный садами колхозный город в Приазовье, во владениях ордена Ленина артели имени Сталина. И первым делом сооружается там 600-киловаттная электростанция. Электроэнергии хватит и для полеводства, и для животноводства, и для орошения. Водопровод подведут в каждую квартиру, где, разумеется, будут и ванная, и душ, и другие удобства.

Пройдет немного времени. Яркий свет зальет в колхозном городе школы, больницу, аптеку, детские учреждения, гостиницу, магазины. Высокие мачты с электрическими фонарями украсят аллеи парка, спортивный стадион, набережную искусственного водного бассейна, широкий бульвар, где скульпторы поставят бюсты Героев Социалистического Труда, и колхозный дом отдыха на побережье Азовского моря.

А в центре нового колхозного города будут воздвигнуты памятник В. И. Ленину и скульптура товарища И. В. Сталина.

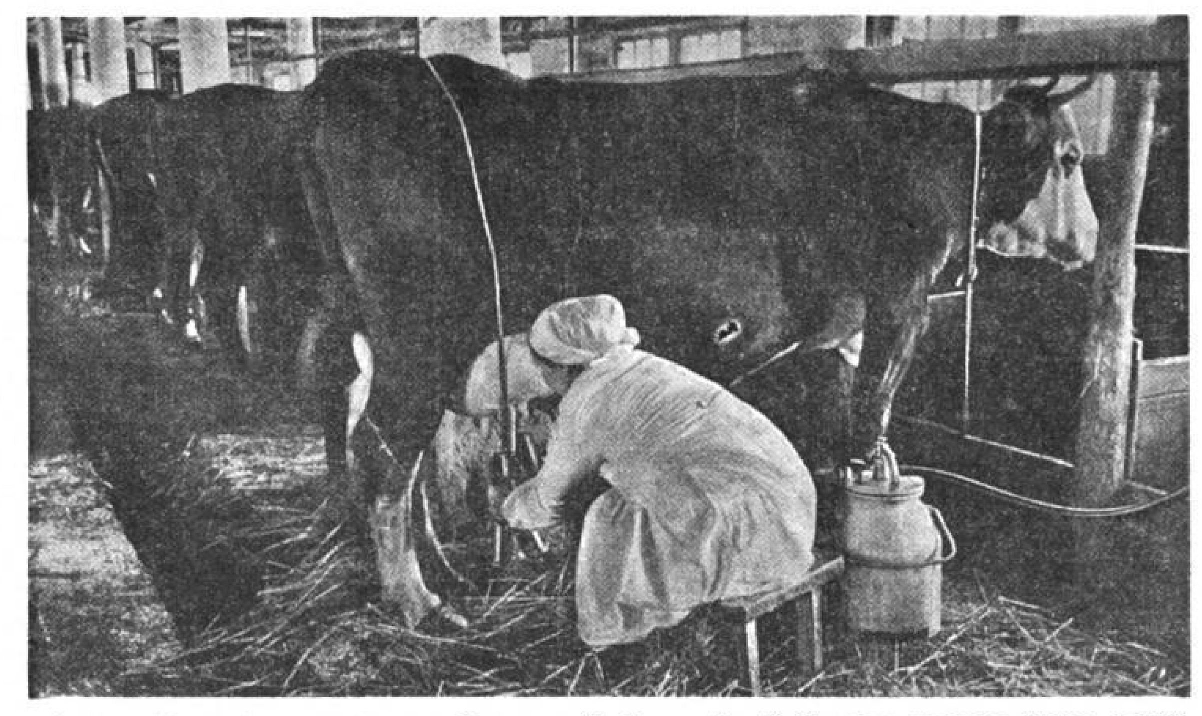
Укрупнение колхозов создает наилучшие условия механизации и электрификации процессов производства. На полях страны появились тракторы с электрическим двигателем — предвестники комплексной электрификации полеводства. Будущность их огромна. Например, электротрактор, вспахавший тысячу гектаров, экономит народному хозяйству 200 центнеров керосина, 6 центнеров бензина и 16 центнеров автола. Он используется на самых различных работах круглый год.

Радостно встречает село новые электролинии и белую фарфоровую чашечку, укрепленную на здании Дворца культуры или на домах колхозников. А город шлет наряду с тракторами, комбайнами и гидрогенераторы, и пропеллерные турбины, и электродоильные агрегаты.

Профессия электрика на селе весьма уважаема. За истекшие осень и зиму страна подготовила десятки тысяч сельских электрификаторов. За «электрическое образование» горячо принимаются и колхозные вожаки, партийные и комсомольские работники. Они часто заполняют просторные аудитории и лаборатории Тимирязевской академии, изучая технику применения электричества.

Стремление поставить эту могучую силу на благо народа чуждо странам капитала. Так, в США электричество служит орудием закабаления и разорения мелких сельских хозяев. Сотни тысяч фермеров из-за дороговизны вовсе не пользуются электроэнергией. А там, где фермы почему-то считаются электрифицированными, электроэнергия расходуется главным образом на освещение. В Англии на долю сельского хозяйства приходится меньше одного процента всей потребляемой в стране электроэнергии.

У нас торжествует ленинское понимание

Колхоз «Красный коллективист», Ярославской области. Герой Социалистического Труда доярка Ф. Я. Шутова за электродойкой коров.

Фото А. Шишкина

электрификации: «Под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации» (И. В. Сталин).

По сталинскому плану преобразования природы в Средней Азии и Закавказье, в Заволжье и на полях Центрально-Черноземной полосы развернулись грандиозные работы для перехода на новую систему орошения. И здесь наряду с огромной техникой, представленной совершенными машинами и механизмами, важное значение приобретает электроэнергия.

Так, например, уже действующая межколхозная Мамонтовская ГЭС на реке Цне, Тамбовской области, дает ток целой системе оросительных станций. Это позволяет колхозам безотказно подавать воду для орошения посевов, получать высокие, гарантированные урожаи независимо от капризов природы. Скоро оросительные системы появятся в тысячах колхозов, помогут полностью использовать поливные земли, коренным образом улучшить использование машин.

А в эти знаменательные дни летопись развития производительных сил страны и ее электрификации обогатилась новыми яркими страницами. По гениальным предначертаниям товарища И. В. Сталина началось сооружение величайших строек коммунизма — Куйбышевской, Сталинградской и Каховской гидроэлектростанций, Главного Туркменского, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов.

Волею большевистской партии на безжизненные ныне земли пойдут воды Волги, Аму-Дарьи и Днепра. И свыше 25 миллионов гектаров земли в зоне сухих степей, пустынь и полупустынь станут плодородными, будут давать богатые урожаи. Во много раз увеличится производство хлопка, пшеницы, риса, эфиромасличных культур, плодов, овощей, цитрусов...

Электричество служит советскому народу могущественным средством преобразования природы. Оно найдет себе еще большее применение в многоотраслевом социалистическом сельском хозяйстве, как основа его могучей техники.

Уже сегодня колхозы, совхозы и МТС знают до 200 видов применения электричества. Эта мощная сила обладает исключительной универсальностью, она легко передается на значительные расстояния.

В практике многих передовых электрифицированных колхозов снискала себе признание автоматизация. На смену рубильнику приходит новый прибор — магнитный пускатель. Он применяется в сочетании с контактными часами, или с контактным термометром, или с поплавковым реле и не нуждается в обслуживающем персонале.

Вот несколько тому примеров. На берегу реки, за километр от колхозной усадьбы, установлен двигатель, приводящий в действие насос водокачки. Чтобы включить ее, не надо ходить к берегу и браться за рубильник, а достаточно нажать кнопку магнитного пускателя, установленного, например, в рабочей комнате зоотехника.

Большая ферма. Свиньи должны получить на завтрак в 5 часов утра вареный картофель. Но ведь его надо приготовить, а на это требуется часа три. Умный прибор облегчает труд человека, бодрствует за него всю ночь. Точно в заданное время контактные часы и магнитный пускатель приведут в действие запарник. И точно к сроку будет приготовлен корм.

Так же четко магнитный пускатель, смонтированный с часовым механизмом, может включать дополнительное электроосвещение в теплицах, вентиляцию в помещениях для скота, включить и отключить электрическое освещение улиц. Присоединенный к контактному термометру, он поддерживает нужную температуру в птичниках, в теплицах.

Известно, что перегрев зерна грозит большими потерями. Вот почему зерно периодически перелопачивают вручную. Теперь в хранилищах устанавливают контактные термометры. Как только температура зерна достигает критической точки, термометр действует на контакт двигателя, соединенного с вентилятором. Сильная струя воздуха охлаждает зерно, создает в хранилище нужную температуру. Так же просто может быть устроена установка, перелопачивающая зерно.

Контактный термометр хорошо служит также в брудерах — «механических наседках» — и инкубаторах, обеспечивает заданный режим яровизации семян и клубней картофеля.

* * *

Электрификация укрепляет общественное хозяйство колхозов, создает большие резервы времени и труда. Она поднимает культуру колхозного производства.

Сила примера — великая сила. И теперь в каждом районе страны появляются образцовые электрифицированные колхозы. Они становятся рассадниками передового опыта использования электричества в сельском хозяйстве. На их примере учатся тысячи колхозов, и уже не за горами завершение всеобщей электрификации сельского хозяйства — могучей материальной базы строительства коммунизма в нашей стране.

Во весь голос!

С обложки книги смотрят на нас зоркие и ясные глаза. Густые волосы, словно отброшенные назад ветром, открывают высокий, чистый лоб. Тонкое, чуть удлиненное лицо дышит волей и умом. Это портрет одного из выдающихся поэтов нашего времени — Назыма Хикмета. С творчеством народного турецкого поэта знакомит нас сборник его стихотворений, вышедший недавно в Государственном издательстве художественной литературы. Перед нами книга большого и пламенного художника, неукротимого и славного борца.

Рано начал Хикмет писать стихи и рано задумался над судьбой своего обездоленного народа, хорошо уяснив простую и великую истину, что весь «мир надвое расколот» — на богатых и бедных, сытых и голодных, людей наживы и людей честного труда. Задумавшись всерьез над участью своего бесправного народа, поэт обратил свой взор к нашей Родине. Восемнадцатилетним юношей с большим трудом пробирается он в край, о котором мечтал,— в страну социализма. Огни ночного Баку ясным видением вошли в творчество молодого поэта. Баку, гостеприимно принявшему его в первые дни пребывания на советской земле, посвятил Хикмет поэму «Путешествие к нефти», полную светлых образов и глубоких раздумий.

Шумная Москва, лекции в Коммунистическом университете, знакомство с жизнью советских людей, незабываемая встреча с великим Маяковским — вот страницы биографии поэта, навсегда определившие весь его путь и творчество. В Советском Союзе происходит как бы второе рождение поэта. Строки, полные огня и вдохновения, посвятил он нашему Отечеству. «О, Россия, Россия, рожденная в дни Октября! Знаем так мы тебя, будто всю обошли — от Кавказа и до Сибири!» — говорит он с благодарностью и любовью. И долго будет он потом, вдали от светлых московских улиц, припоминать дни, проведенные в советской столице. «Товарищ, на юность свою взгляни! О, что это были за дни!» — с волнением скажет он потом в стихотворении «Мои девятнадцать лет».

Не один прогрессивный поэт мира, прочно связавший свою судьбу с родным народом, обращался к опыту талантливейшего поэта нашей эпохи Владимира Маяковского, учась у него искусству говорить с массами, от имени масс. Маяковский дал Назыму Хикмету не только мужественный, вольный стих, живую, разговорную интонацию и вместительную разнообразную строфу, не только указал ему выход из тупика традиционной восточной лирики, но и помог поэту обрести свое место в строю, свою дорогу в жизни. Это — больше чем литературное влияние, это — кровное содружество и боевое братство. В программном стихотворении «Человек с Востока и СССР» Хикмет заявляет:

Я сын миллионов,
Сын тех,
Кто работать
Обязан по двадцать четыре
часа...
За этих людей я кричу
во весь голос
Я — их голоса!

Именно так, во весь голос, разговаривал и Маяковский, чувствуя себя сыном и певцом миллионов.

В стихотворениях «Новое искусство» и «Поэт» Хикмет отстаивает и утверждает искусство народа, поэзию борьбы и революционного действия, бесстрашно глядящую в глаза самой суровой правде. Вместе со стихами Назыма Хикмета ворвался в турецкую поэзию говор рабочих окраин и рыночных площадей, тесных переулков и морских пристаней.

Незабываемые годы, проведенные поэтом в Советской стране, были годами учебы, роста и возмужания. Многому научился Назым Хикмет в России и многое успел полюбить. Однако, будучи в Москве, он никогда не забывает о горе и нужде своего народа. Он знает, что его «ждут... все, кто остался там». Он знает, что турецкое правительство угрожает ему судом и расправой, и все же решает возвратиться в Стамбул, чтобы продолжать борьбу за счастье своего народа.

«Я должен туда возвратиться скорей!» — настойчиво повторяет он в разговорах с друзьями и в своих стихах. Когда-нибудь еще напишут поэму о том, как, презирая все испытания и угрозы, великий поэт добирается к берегам своей печальной родины. Первое, чем его встретила Турция,— это железная решетка и каменный каземат.

С тех пор поэту неоднократно приходится знакомиться с турецкими застенками. Трудно даже сказать, где он проводит больше времени — в тюрьме или на воле. Так, попеременно, между пребыванием в тюрьме и полуголодным существованием на воле, создает он ряд поэтических произведений, которыми вправе гордиться вся передовая поэзия мира. Это поэмы «Джиоконда и Си Я-у», «У ворот Мадрида», «Письма к Таранта-Бабу» и другие.

В 1936 году Хикмет снова был схвачен и предан суду военного трибунала. Поэта обвинили в подстрекательстве военнослужащих к мятежу. Лживый обвинительный акт поспешно и грубо состряпали наемные турецкие судьи. Правительству нужно было любой ценой заставить замолчать непокорного поэта.

Суд над Хикметом совершался при закрытых дверях: так, тайком от народа, было легче расправиться с певцом. Трибунал приговорил Хикмета к 28 годам и 4 месяцам тюремного заключения. Турецкие тюремщики хотели заживо похоронить поэта, но они просчитались: ни суд, ни тюремный замок не смогли заставить замолчать певца свободы и справедливости!

Хикмет продолжает писать и в неволе. Из тесной тюремной камеры он жадно следит за всем, что происходит в мире. Отзвуки величайших событий и грозных битв доходят до его мрачной одиночки, и на все откликается Хикмет своими прекрасными стихами.

Он приветствует испанских республиканцев, отстаивающих Мадрид, и слагает поэму в честь бессмертной московской школьницы Зои, он обращается со стихотворным посланием к узникам греческого острова Макронисос и к далекому собрату по борьбе Полю Робсону. Его стихи не появлялись в турецких газетах и журналах, но такова уж сила большой и настоящей поэзии, что нет для нее ни стен, ни запоров. Каждое слово, написанное Хикметом, отзывалось эхом в сердцах миллионов людей.

Палачи хотели убить песню Хикмета, а она стала только сильнее. «Лев, мечущийся в железной клетке» — так называется одно из стихотворений Хикмета. Так можно было бы назвать и самого Хикмета. Когда читаешь стихи, написанные им в эти мрачные годы, трудно поверить, что они созданы в тюрьме, при тусклом свете оплывающего свечного огарка: столько в них твердости, воли, веры в победу правого дела.

«Но я и в застенке буду петь свою песню»,— клятвенно обещал поэт, надолго прощаясь со своими друзьями. И он не изменил своей клятве ни разу в течение многих лет пребывания в застенках Турции. Отвыкший от солнечного света, истощенный голодовками, поэт говорит, что и сейчас, когда он мерит шагами узкую двухметровую клетку сырого каземата, сердце его находится то в родном Стамбуле, то в сражающемся Китае, то в истекающей кровью Греции. Каким надо обладать сильным и смелым сердцем, чтобы так чувствовать, утверждать:

...и если
За решеткой до смерти
замучат меня палачи,
Все равно не умру!
Буду жить среди вас.
Буду жить —
в Поля Робсона песне,
и в звонких стихах Арагона,
в белом голубе мира,
на ваших знаменах,
в смехе докеров Франции,
славных моих сыновей,
буду жить на земле
меж людей,
для людей!
В этом — сила моя.
В этом — гордость моя.
В этом счастье мое, друзья.

И пусть черств тюремный хлеб и пусть беспросветна тюремная ночь, песня Хикмета не знает ни страха, ни уныния. Солдат непобедим, если он верит в то, за что сражается.

В наши дни правду не так-то легко упрятать за решетку. Гневной волной раскатился по всему миру призыв: «Свободу Назыму Хикмету!» На нашей памяти тысячи писем и воззваний, собраний и выступлений, требующих освободить прославленного поэта народа Турции. Все шире и сильнее становилось движение масс за спасение Хикмета. И в итоге турецкое правительство под нажимом мирового общественного мнения вынуждено было открыть тюремные двери перед Назымом Хикметом.

Назым Хикмет на свободе. Мы уверены, что он еще создаст немало замечательных поэм и песен, разоблачающих врагов человечества, прославляющих героизм и стойкость простых людей, для которых мир и труд, свобода и честь народов превыше всего на земле.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Назым Хикмет. СТИХИ. Государственное издательство художественной литературы, стр. 190. Цена 4 р.

«Енисей, река сибирская»

Енисей — одна из величайших рек на земном шаре; длина ее 3807 километров. Возникая в самом центре Азии, у города Кызыл — столицы Тувинской автономной области,— могучая река катит свои воды к холодному Ледовитому океану.

Имя этой реки тесно связано в нашей памяти с биографиями двух величайших людей современности. В верховья Енисея, в село Шушенское, близ Минусинска, царское правительство сослало Владимира Ильича Ленина. В низовьях реки, у Полярного круга, в маленьком поселке Курейка провел в ссылке несколько лет Иосиф Виссарионович Сталин.

В годы, когда Сибирь была еще каторжным краем, ехал на остров Сахалин А. П. Чехов. Остановившись на берегу Енисея для починки своего тарантаса — в ту пору железная дорога еще не была построена,— он записал:

«Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Волге человек начал удалью, а кончил стоном... на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась».

И размышления эти заканчивались пророческими словами: «Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

О том, какими стали сегодня берега Енисея, преображаемого советским народом под руководством партии Ленина — Сталина, рассказывает книга Г. Кублицкого.

Ее сюжетом служит путешествие автора по Енисею из Кызыла к заполярному острову Диксон. Вместе с автором мы движемся по течению реки. Вот перед нами тувинская земля, ставшая советской всего лишь пять лет назад. Вот Енисей вырывается сквозь узкое ущелье в Саянских горах на просторы степей и течет мимо Минусинска и колхозных полей Хакассии. Вот сибирская река еще раз пробивает Восточные Саяны и выходит в великую страну лесов...

Читатель совершает путешествие не только в пространстве, но и во времени. Он узнает о том, как жили прежде тувинцы и хакасы, эвенки и ненцы — охотники, оленеводы, рыбаки — и как изменилась их жизнь при советской власти.

Уроженец Восточной Сибири, Г. Кублицкий вырос на берегу этой реки, и потому книга его написана с особой любовью и нежностью к родному Красноярскому краю. С какой удивительной быстротой меняется его облик! Протягиваются оросительные каналы в сухих степях Хакассии, расцветают сады в минусинской котловине. На наших глазах поднимается новый Красноярск. Там производят сегодня самоходные комбайны, паровозы, станки.

Читатель явственно ощущает, как пробуждаются от вековой спячки бывшие «медвежьи углы» Сибири, ее древние заглохшие города. Оживает далекая «Туруханка», куда царское правительство ссылало крупнейших революционеров, выросли за Полярным кругом новые порты — Игарка, Дудинка.

Мы видим, как зеленеют огороды в тундре, где, несмотря на вечную мерзлоту, собирают по 35 тонн капусты, по 15 тонн картофеля с гектара. В теплицах в конце апреля поспевают первые огурцы, в июне уже зреют помидоры, а в оранжереях цветут розы, резеда, анютины глазки и даже пальмы.

В одной из последних глав Г. Кублицкий рассказывает о городе, отмеченном на карте маленьким кружком «вправо от голубой линии Енисея», далеко-далеко за Полярным кругом. В этом городе Норильске есть школы, клубы, театр и кино, где показывают новые фильмы в те же дни, что и в Москве. Есть библиотеки, куда самолетами регулярно доставляются свежие книги и журналы; стадион, где играют в футбол в три часа ночи при ослепительном сиянии полярного солнца.

Полнокровная жизнь бьет ключом на просторных берегах Енисея. Заслуга автора в том, что он сумел интересно и ярко рассказать об этом.

Среди книг серии «Наша Родина», выходящих в издательстве детской литературы, «Енисей, река сибирская» — одна из лучших. Хороши в книге форзац, фронтиспис и рисунки художника К. Арцеулова, помогающие читателю почувствовать просторы, красоту и мощь сибирской природы.

Остроумно задумана цепочка из десяти звеньев — карт, как бы расчленяющих все путешествие по реке на десять этапов. Однако хороший замысел, к сожалению, испорчен работой художника Б. Булгакова: рисунки на картах сделаны в нарочитой (и потому неоправданной) грубоватой манере, да и в самых картах допущены неточности и ошибки. Так, на многоцветной карте, помещенной на переплете книги, истоком реки Лены указано озеро Байкал, хотя из Байкала вытекает только одна река — Ангара.

Эти досадные погрешности не могут, однако, обесценить книгу Г. Кублицкого. Ее с интересом прочтет не только школьник, на которого она в первую очередь рассчитана, но и взрослый читатель.

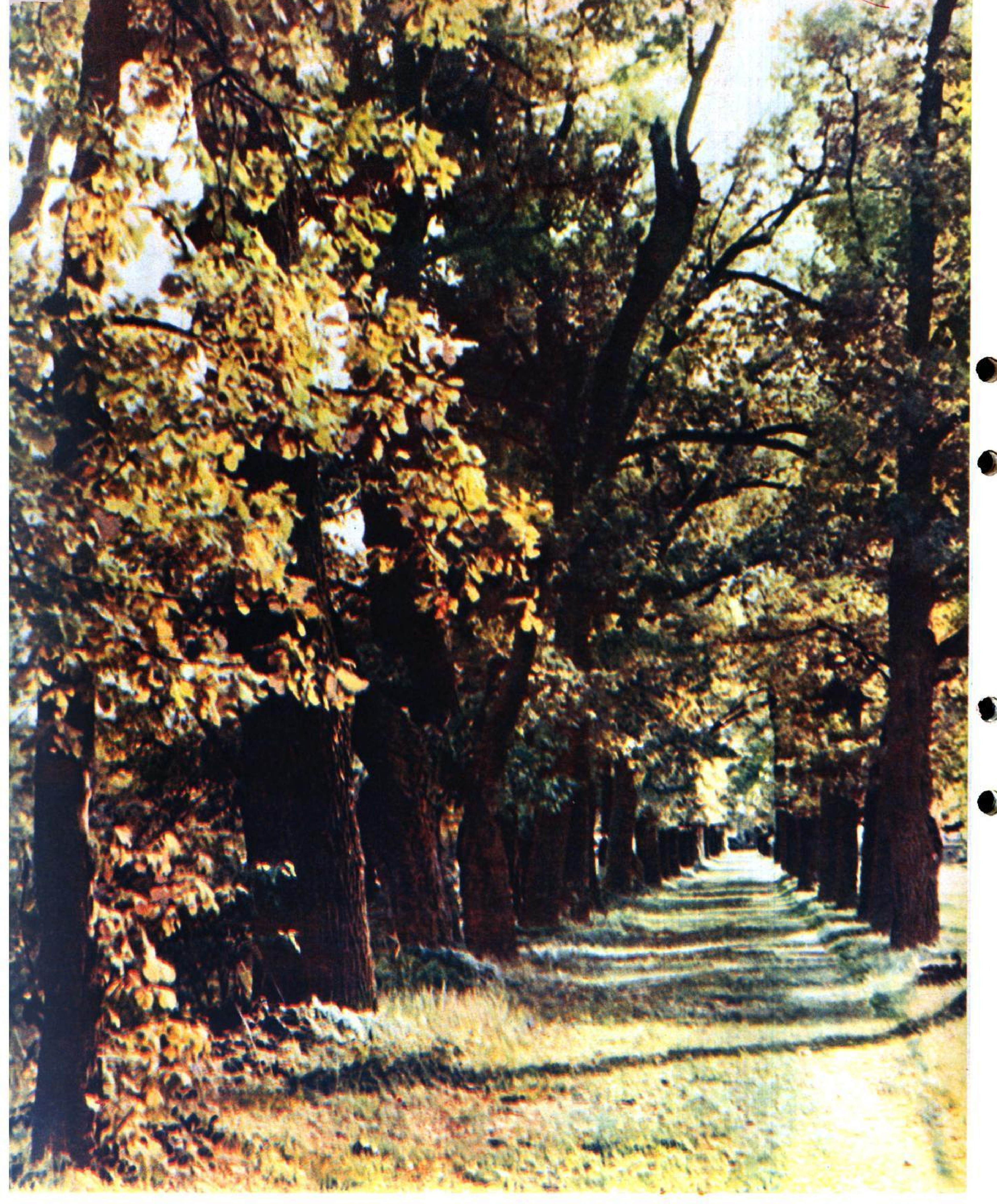
Иван СЕРГЕЕВ

Г. Кублицкий. ЕНИСЕЙ, РЕКА СИБИРСКАЯ. Государственное издательство детской литературы, стр. 288. М.-Л. Цена 9 р. 70 к.

Корейские танцовщицы, лауреаты международных фестивалей демократической молодежи в Праге и Будапеште Ан Сон Хи (слева) и Ким Пек Пон, выступавшие с большим успехом в Москве.

Фото О. Кнорринга

Дубовая аллея.

Фото И. Шагина

ТЕАТР ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

К. РУДНИЦКИЙ

Фото Е. Умнова

Испытание на зрелость

После спектакля вы выходите из Центрального театра транспорта на улицу, останавливаетесь у подъезда. Город еще не спит. Московская ночь встречает вас мерным, знакомым шумом. Где-то проносится троллейбус, где-то легко бегут автомобили, где-то поет радиола... Но вот эти привычные звуки прерываются протяжным паровозным гудком. Ему отвечают другие; кажется, они рождаются там, в ночи, прямо перед вами, левее, правее — они раздаются со всех сторон.

Инсценировка романа Алексея Толстого «Хождение по мукам» — одна из наиболее значительных постановок театра. На снимке: В. Хохряков в роли Телегина и О. Кузнецова в роли Даши.

Театр окружают крупнейшие вокзалы столицы: Курский, Казанский, Северный, Октябрьский... Огромная железнодорожная держава простирается за ними.

В фойе и в зале вы увидите много зрителей в строгой форменной одежде инженеров, командиров транспорта. Путейцы, паровозники, движенцы сходятся здесь вечерами, чтобы отдохнуть, чтобы, встретясь с героями нового спектакля, по-новому взглянуть на свои дела, на свои труды. У каждого свои мысли, свои запросы, свои стремления, свои требования... И уже тот факт, что многие из этих людей не пропускают ни одной премьеры театра, говорит об уменье труппы объединять их интересы, отвечать на их разнообразные запросы...

Любой театр гордится своей тесной связью со зрителями. Радостно творить, когда знаешь, что каждое достижение будет замечено внимательным, постоянным другом и завсегдатаем зрительного зала. Еще радостнее, когда таких постоянных друзей у театра множество. Их советы, замечания, похвалы и упреки — все это помогает развитию мастерства актеров и режиссеров, способствует творческому росту труппы. Но, быть может, еще полезнее, еще важнее встречи театра с новой, незнакомой аудиторией.

Незадолго до открытия сезона Центральный театр транспорта в полном составе отправился на гастроли в один из крупнейших промышленных центров страны, в город Горький, лежащий на могучей волжской магистрали, — в город революционных традиций, славных трудовых побед, в город, где многое говорит о славном прошлом, многое — о прекрасном будущем. Гастроли в Горьком явились для театра трудным испытанием на зрелость.

Тут необходима оговорка. Под зрелостью принято понимать нечто сменяющее молодость, нечто сформировавшееся, устоявшееся. И в самом деле, Центральному театру транспорта уже под тридцать лет, есть у него и сложившиеся принципы работы и свои традиции. Но зрелым в наши дни может называться только искусство, несущее в себе силу, непосредственность и восприимчивость молодости. Если этого нет, то нет и настоящей зрелости, а наступает дряхлость.

Наши дни не похожи один на другой. В их смене — движение, рост, созидание. И до тех пор, пока это движение времени не ощутится в искусстве театра, актеры его неизбежно отделены от аудитории невидимой, но непроницаемой завесой зрительского равнодушия.

Скажем сразу: артисты Центрального театра транспорта не чувствуют подобной преграды. Когда идет спектакль, зал живет: он замирает в напряженном молчании, он отзывается гулом одобрения или недовольства на слова и поступки героев пьесы, он смеется, рукоплещет. Это отнюдь не означает, что все спектакли театра одинаково хороши. Но это значит, что у театра есть главное — контакт с аудиторией.

Гастролируя в Горьком, артисты Центрального театра транспорта часто давали концерты непосредственно в цехах заводов, железнодорожных депо. Снимок запечатлел один из таких концертов в депо Горький-товарная.

В сормовском Дворце культуры имени Сталина, в цехах Горьковского автозавода имени Молотова, в рабочем клубе в Балахне, в железнодорожном депо в Канавине, в зале Горьковского театра оперы и балета — везде, где давались гастрольные спектакли, чувствовалось это единство артистов и зрителей.

Чувство современности

Одним из наиболее значительных спектаклей театра, показанных в Горьком, была инсценировка трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам», осуществленная народным артистом РСФСР И. Судаковым. Известно, что роман этот привлекал внимание многих режиссеров и многих театров. Чаще всего, однако, в спектаклях утрачивалось основное, акцентировались сравнительно маловажные события, и таким образом, главная тема романа обеднялась. Судакову удалось избежать этой опасности.

В спектакле Центрального театра транспорта отчетливо выявлены своеобразные и трудные пути героев романа — Телегина и Рощина — к революции, к большевизму. Превосходно сыграл роль Телегина В. Хохряков. В его Телегине с самого начала сценического повествования есть чистота души, суровая честность, ясность мысли, которые делают неизбежным его

С успехом шел в Горьком спектакль «Знатная фамилия» — Б. Ромашова. На снимке: Л. Скопина в роли Елены Тумановой и П. Крылов в роли машиниста Тимофея Курчатова.

приход к революционному народу. Сложнее судьба Рощина — человека, скованного многими предрассудками старого офицерства, сухого, замкнутого. Однако и Рощин в основе своей честен, решителен, а потому и он, как это убедительно показывает артист А. Краснопольский, хотя и трудной дорогой, но все же должен примкнуть к революции.

Л. Скопина, играющая Катю, — артистка большого реалистического мастерства. Вместе с О. Кузнецовой, исполняющей роль Даши, Л. Скопина активно содействует успеху спектакля, воплотившего события эпохи гражданской войны.

Но вот волей драматурга В. Гольдфельда и молодого режиссера Б. Зеленской театр переносит нас в красочный мир пьесы-сказки «Иван да Марья», написанной по мотивам народных сказаний и легенд. Спектакль оформлен особенно празднично и нарядно.

Постоянного декоратора театра, изобретательного и талантливого художника М. Варпеха, сменили на этот раз специально приглашенные народные живописцы Мстеры: заслуженный деятель искусств И. Фомичев, В. Овчинников, И. Серебряков, П. Кощеев, Ф. Шилов. Они создали те одновременно и сказочные и правдивые картины родной русской природы, на фоне которых так естественно и непринужденно развивается действие поэтического спектакля. Его с радостью смотрят и дети и взрослые. Они равно восхищаются смелостью и предприимчивостью сокольничего Ивашки (А. Толбузин), находчивостью скомороха Богдана (П. Крылов), скромностью и правдивостью Марьи (И. Герлеман), веселостью Дарьи (Т. Чернышева), зло смеются над Идолищем заморским (Г. Спасский) и над незадачливым воеводой (В. Хохряков).

Незатейливая, но умная сказка пронизана ясной мыслью о том, что правда русская неизменно торжествует над всеми происками заморских врагов.

В репертуаре театра много увлекательных современных спектаклей. Уже давно коллектив стремится создать постановку, раскрывающую поэзию труда на советском транспорте. Поставлены две комедии Б. Ромашова — «Со всяким может случиться» и «Знатная фамилия», — «Зеленая улица» А. Сурова. Живой интерес, который вызвали эти работы театра среди железнодорожников, говорит о том, что желанная цель близка. Чувство современности пронизывает почти все спектакли театра, будь это сказка или сценическое переложение «Хождения по мукам», старинная комедия Флетчера «Испанский священник» или постановка злободневного «Заговора обреченных».

Успех обязывает

Когда в городе хорошо знают актеров своего местного театра, когда любимцев публики угадывают под всякими гримами, то в этом нет ничего необычайного. Но и горьковчане после первых же спектаклей Театра транспорта легко узнавали Л. Скопину во всех ее превращениях: в роли Кати в «Хождении по мукам» А. Толстого, Джеммы в «Оводе» Войнич, Елены Тумановой в «Знатной фамилии» Б. Ромашова... В антрактах можно было услышать:

— Это она играет Ганну Лихта в картине «Заговор обреченных»! Она самая!

Столь же популярны стали в Горьком имена лауреата Сталинской премии заслуженного артиста В. Хохрякова, народного артиста РСФСР А. Дорошевича, заслуженного артиста А. Краснопольского, артистки Э. Мильтон, артиста П. Павленко и других мастеров, давно уже выступающих на сцене театра. Но ни большое дарование Хохрякова, одинаково свободно и уверенно чувствующего себя и в серьезной драме и в легкой комедии, ни сочный бытовой жанр Дорошевича, ни страстная романтическая героика Краснопольского, ни злая сатира Мильтон, ни острый гротеск Павленко — все эти разнообразные таланты опытных мастеров не затмили искусства их сравнительно молодых сценических партнеров. Соревнуясь со старшими товарищами по искусству, они показали в дни гастролей свои богатые возможности.

Горьковчане по достоинству оценили темперамент П. Крылова, верно передающего в своих сценических портретах характерные черты наших современников; свежесть и духовную силу героинь О. Кузнецовой; тонкий и мягкий лиризм И. Герлеман; полную драматизма игру Л. Генесиной; яркую характерность А. Полевого; заразительную комедийность Э. Трейвас; сдержанность и волевую устремленность персонажей А. Толбузина; полюбили они задорных подростков в исполнении И. Потоцкой...

Но любовь публики, приносящая столько радости всякому актеру, нередко таит в себе определенные опасности, уберечься от которых нелегко. И эти соблазны успеха наложили свой отпечаток на игру иных весьма способных артистов театра. Заметен оттенок самолюбования у П. Крылова, чрезмерно иной раз комикование Э. Трейвас, слишком знакомы некоторые жесты и приемы О. Кузнецовой и И. Потоцкой... Соблазняет желание повторить, закрепить успех. Но не это ли, само по себе вполне естественное желание иной раз ведет актера к штампу? Не должен ли И. Судаков, главный режиссер театра, ученик великого Станиславского, обратить внимание труппы на эту опасность?

Успех обязывает. И прежде всего он обязывает актера к суровому внутреннему контролю, к проверке «изнутри». В труппе Центрального театра транспорта много молодых актеров. У молодежи много здоровой уверенности, и это, конечно, хорошо. Однако было бы еще лучше, если бы эта уверенность всегда сочеталась с требовательностью к себе, с настойчивостью в поисках трудных, но радостных путей к успеху.

Немало приятных свидетельств любви зрителей привезли актеры и режиссеры театра из Горького. Трудящиеся крупнейших предприятий транспорта и промышленности отметили их гастроли специальными грамотами. Прозвучали горячие слова признательности, сказанные от чистого сердца.

И, однако, в сердцах актеров и режиссеров театра сохранилось нечто еще более ценное, нежели эти искренние слова благодарности. Речь идет о тех впечатлениях, о том богатом материале для творчества, который почерпнули в поездке все участники труппы. Было множество интересных встреч, увлекательных бесед, ценнейших наблюдений. Эти наблюдения, столь обогащающие художника, почерпнуты из самой гущи нашей новой жизни. Они, несомненно, скажутся в предстоящих режиссерских и актерских работах начавшегося сезона.

А сезон обещает быть плодотворным и интересным. Неизменно стремясь к созданию собственного оригинального репертуара, руководители театра предполагают показать инсценировку «Бури» Вилиса Лациса, а также спектакль о советских строителях, ждут новых произведений ряда известных советских драматургов.

Следует сказать, однако, что серьезным, непростительным упущением театра является бессистемность в работе над русской классикой. За последние годы здесь поставлены только «Бесприданница» и «Свадьба Кречинского». Ясно, что зрителей эта непонятная скупость не радует. Кроме того руководители театра должны понимать, что нет более благодарного материала для воспитания актеров, нежели произведения великих отечественных писателей-реалистов.

Скоро театр будет отмечать свое тридцатилетие. Будем надеяться, что к этой дате коллектив придет с богатым и полноценным репертуаром, с труппой, умножившей свои достоинства, полностью преодолевшей свои недостатки.

На спектакль «Иван да Марья» актеры пригласили будущих железнодорожников — ребят, с увлечением изучающих технику транспорта на детской железной дороге имени Горького. Сразу же после спектакля актеры в гриме и костюмах отправились посмотреть детскую железную дорогу. На снимке: артисты театра П. Крылов, Э. Трейвас и другие среди маленьких зрителей.

Великая русская опера

Славина в роли Кончаковны.

Первые исполнители и декорации первых постановок оперы «Князь Игорь».

«Не знаю, как и благодарить Вас за такое горячее участие в деле моей будущей оперы... Мне этот сюжет ужасно по душе...»

Так писал в один из апрельских дней 1869 года композитор Бородин своему старшему другу, художественному и музыкальному критику Стасову. Накануне они долго беседовали, встретившись на музыкальном вечере у Людмилы Ивановны Шестаковой, сестры гениального Глинки и ревностной хранительницы его заветов.

Шестакова была неизменным покровителем, «добрым гением» молодых русских музыкантов, и в ее доме часто собирался кружок передовых композиторов, вошедший впоследствии в историю под именем «могучей кучки» (Балакирев, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Кюи). На вечере у Шестаковой Стасов убеждал Бородина взяться за сочинение оперы на сюжет величественной древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве».

Со свойственным ему жаром Стасов говорил о том, что в этой поэме содержится все, что только надо для таланта и художественной натуры Бородина: «широкие эпические картины, национальность, разнообразнейшие характеры, страстность, драматичность, Восток в многообразнейших его проявлениях...»

Мысль эта так увлекла самого Стасова, что он всю ночь просидел над составлением плана задуманной оперы. На утро был готов подробный сценарий, который Стасов тут же переслал композитору.

С энтузиазмом принялся Бородин за осуществление новой, необычайно заманчивой художественной задачи. Он перечитал чуть ли не все, что только относилось к сюжету: летописи, исследования, всевозможные исторические материалы. Через некоторое время был создан ряд чудесных сцен будущей оперы: «Сон Ярославны», романс Кончаковны, шествие половецких князей.

Работа подвигалась, однако, медленно. Затруднение было в том, что Бородин мог только урывками заниматься музыкальным творчеством. Выдающийся композитор, он был вместе с тем ученым-химиком, страстно любившим науку и отдававшим все свои силы научному и профессорскому труду.

«У других композиторская деятельность — прямое дело, обязанность, цель жизни; у меня — отдых, потеха, блажь, отвлекающая меня от прямого моего, настоящего дела — профессуры, науки», — признавался как-то Бородин в одном письме. Но в оценке своего «настоящего дела» он оказался неправ. История отвела Бородину почетное место в летописях отечественной науки, однако еще более велики его заслуги перед родным музыкальным искусством.

Композитору не суждено было довести до конца свое монументальное творение. После смерти Бородина один из его ближайших друзей, Римский-Корсаков, вместе со своим учеником Глазуновым по черновым наброскам Бородина дописали и положили на оркестр оставшиеся незаконченными части оперы, а Глазунов восстановил незаписанную увертюру, которую он слышал в исполнении автора.

23 октября (4 ноября) 1890 года в Петербурге на сцене Мариинского театра была впервые поставлена великая опера Бородина. Лучшие артисты труппы участвовали в спектакле: Игоря пел Мельников, Кончака — Корякин, Кончаковну — Славина; даже второстепенная роль гудочника Скулы была поручена первоклассному певцу Стравинскому.

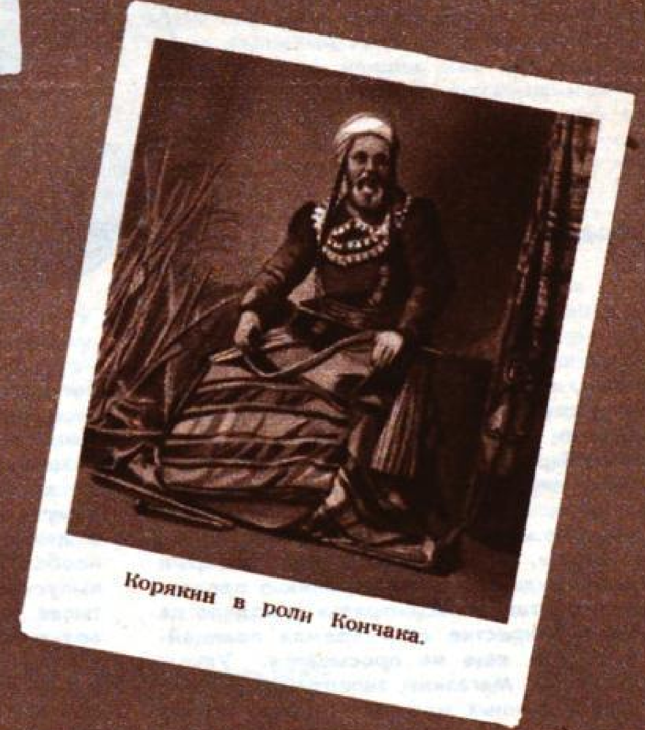
Публика сразу оценила музыку «Игоря». Несколько номеров было повторено; замечательный хор поселян в последнем акте вызвал бурю оваций. «Бородин — младший брат Глинки, «Игорь» — младший брат «Руслана», — писал известный критик того времени С. Кругликов. «Князь Игорь» — опера патриотическая в лучшем смысле этого слова, близкая сердцу всякого русского»,— отметил другой рецензент.

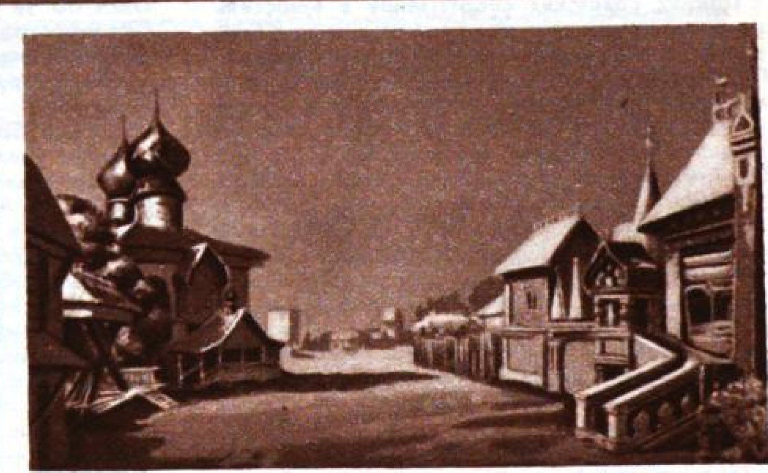
Только в 1898 году оперу поставил Московский Большой театр, с прекрасным составом исполнителей (Игорь — Хохлов, Ярославна — Дейша-Сионицкая, Владимир Игоревич — Собинов). В постановке «Игоря» на сцене московской частной оперы колоритнейшую фигуру разгульного князя Галицкого дал Шаляпин.

Ныне, спустя шестьдесят лет после знаменательной петербургской премьеры, «Князь Игорь» — одна из популярнейших и любимейших наших опер — вошел в репертуар всех лучших театров страны, от центральных городов до далеких окраин; опера исполняется национальными театрами Советского Союза: в Киеве и Минске, Ташкенте и Алма-Ате.

Большим успехом пользуется «Князь Игорь» и за рубежом — на сценах крупнейших театров всех прогрессивных стран.

Б. ЯГОЛИМ

Корякин в роли Кончака.

Площадь в Путивле. Декорации художника А. Янова.

Терем Ярославны. Декорации художника И. Андреева.

ЭСТАФЕТА

Слева направо: Л. Каляев, В. Сухарев, Н. Каракулов и Л. Санадзе.

МИРА

Владимир КЕДРОВ

Всю ночь лил дождь. Он начисто вымыл небо, и на рассвете оно засияло ясной, прозрачной лазурью.

Николай Каракулов проснулся рано, на заре. Как всегда перед крупными, ответственными состязаниями, сон был чуткий, сторожкий, точно каждую минуту могла прозвучать команда «На старт!». Он подошел к окну, раскрыл его и всей грудью вдохнул утреннюю прохладу. Здание гостиницы «Централь» выходило на угол. На перекрестке стоя дремал полицейский. Брюссель еще не просыпался. Улицы были пустынны. Магазины заперты. Железные веки гофрированных жалюзи скрывали стекла витрин.

Приезд советских спортсменов в Брюссель на розыгрыш первенства Европы совпал с бурными событиями в жизни бельгийского народа. Первого августа в знак протеста против возвращения в страну короля-предателя Леопольда трудящиеся Бельгии начали «поход на Брюссель». Десятки тысяч пролетариев — горняки Боринажа, металлурги Льежа, докеры Антверпена и Гента, лучшие люди Валлонии и Фландрии,— сметая на своем пути полицейские и военные кордоны, лавиной двинулись к столице. Над улицами заколыхались грозные стяги: «На виселицу Леопольда! Долой фашизм!»

Некогда предок Леопольда III — Леопольд I — выслал Карла Маркса из Брюсселя. Леопольд II поработил и ввергнул в рабство мирных негров Конго. Леопольд III предал страну Гитлеру.

Не успели отгреметь грозные раскаты этих народных манифестаций, как они вспыхнули с новой, еще большей силой. Фашисты убили Жюльена Лао — председателя бельгийской компартии, верного сына бельгийского народа, пламенного трибуна и талантливого организатора масс. Накануне, за день до открытия европейских спортивных соревнований, трудящиеся Бельгии провожали в последний путь своего любимого трибуна. Стотысячная демонстрация шла за гробом. В такой атмосфере открывались на стадионе «Эйзель» в Брюсселе соревнования по легкой атлетике на первенство Европы.

...Стоя у окна и глядя на просыпающийся Брюссель, Каракулов думал о том, что география его жизни пополнилась еще одним городом, где он должен выступить, защищая спортивную честь своей Родины. Предстоял эстафетный бег. На первенство Европы!.. И в этот час вдали от Родины, в чужом бельгийском городе, вспомнил он свой родной уральский городок Лысьву, где его приняли в заводской спортивный клуб, стали учить, сделали из него хорошего, всесторонне развитого спортсмена, воспитали в нем лучшие черты советского гражданина: мужество, жизнерадостность, честность, душевное благородство...

В чужой стране, под чужим небом мысли становятся острее и сравнения напрашиваются сами собой. И он думал: а так ли сложилась бы его жизнь, будь он здесь, в капиталистической стране?.. Какой-нибудь «король» спортивного бизнеса, прожженный делец типа небезызвестного Текса Рикарда, законтрактовал бы тогда способного юношу, приставил бы к нему опытного тренера и гонял бы его изо дня в день до седьмого пота по манежу, как необъезженного скакуна. А вытренировав, выпускал бы на матчах и олимпиадах, зарабатывая на нем большие доллары. И стал бы возить его со стадиона на стадион, из города в город, из страны в страну, как возят рысаков на «дерби». Так пошел бы бегун от владельца к владельцу до тех пор, пока по возрасту, по болезни или по увечью не оказался бы за бортом жизни.

Второй раз Каракулову довелось близко глянуть в этот мир. Впервые он столкнулся с нравами зарубежного буржуазного спорта на розыгрыше первенства Европы в Осло в 1946 году. Тогда на стадионе «Бишлет» в результате коварного подвоха судей, грубо нарушивших элементарные правила матча, бегун англичанин Арчер получил незаконные преимущества и выиграл бег на 100 метров.

Этот печальный случай заставлял Каракулова быть особенно бдительным и зорким. Тем более, что вопрос теперь стоял не о его личном, а о командном первенстве. С ним в эстафете четыре по сто метров должны были бежать трое других советских бегунов. Каждый из них отвечал за свой этап, за свою стометровку, но он был старшим среди них, и не только своим званием заслуженного мастера спорта и титулом чемпиона СССР и Европы, но и спортивным опытом, знаниями, мастерством. Морально, в душе, он отвечал за всех четверых.

...Брюссель просыпался. Тарахтя колесами по мостовой, проехал фургон с зеленью. Прогрохотал грузовик. Зазвенели первые трамваи. Вблизи на ратуше часы пробили семь. Каракулов прошел в комнату Сухарева. Сухарев спал. Это был его любимый ученик. У них была почти одинаковая спортивная судьба. Первые спортивные навыки приобретали в физкультурном кружке. Первые успехи обретали на небольшом стадионе маленького родного города.

И не зная Каракулова, ни разу не видев его в лицо, задолго до встречи с ним Сухарев с поразительной последовательностью и точностью повторял его жизнь: и в труде, и в быту, и в спорте. И даже «лестница рекордов» у обоих спортсменов была почти одинакова!..

На первый взгляд это может показаться случайностью. Но если глубже взглянуть на эту цепь совпадений, то станет ясным, что в судьбах этих двух спортсменов выражена сила и преемственность лучших традиций советского спорта.

Каракулов постоял немного и тихо пошел из комнаты. Сухарев открыл глаза и окликнул его:

— Николай!

— Ты разве не спишь? — удивился Каракулов.

— Нет.

— Волнуешься?

— Нет. Думаю.

— О чем? — спросил Каракулов и присел на край постели.

— Понимаешь, Коля... Первая победа была нашей победой — Ани Андреевой. Здорово толкнула ядро. И первый гимн, прозвучавший над бельгийским стадионом, был нашим гимном. Так ведь?

— Так,— подтвердил Каракулов, еще не понимая, к чему клонит Сухарев.

— Соревнования кончаются эстафетой. Чей же гимн будет исполнен в последний раз? А?

Каракулов улыбнулся.

— Кто победит,— сказал он.— Англичане — так английский, французы — так французский...

— А мы? Неужели не мы?

— Это зависит от нас.

— Вот я об этом и думаю,— проговорил Сухарев. Потом, порывисто привстав с постели, сказал: — Нет! Нашим гимном открыли, нашим, советским гимном и закрывать должны! — И, помолчав, сказал: — Когда выходишь на стадион «Динамо», волнуешься, конечно, нервничаешь, но на сердце как-то ясно и просто. Проиграешь — скажут: Володька Сухарев — шляпа, смазал. А здесь... Здесь скажут, и не только скажут, запишут: проиграл Советский Союз. Понимаешь?

— Как не понять,— сказал Каракулов.— Проиграть за себя еще можно. Проиграть за Родину — нельзя!..

Их четверо, советских спринтеров: Николай Каракулов, Владимир Сухарев, Леван Санадзе и Лев Каляев. Рекордное время Каракулова в беге на сто метров — 10,4 секунды, Сухарева — тоже 10,4, Санадзе — 10,5, Каляева — 10,7. Простой арифметический подсчет дает 42 секунды. Но в эстафетном беге важна не только скорость, но и высокая техника передачи жезла.

В продолжение 15 лет до прошлого года рекорд Советского Союза в эстафетном беге 4 × 100 равнялся 42,2 секунды. 30 июня 1949 года команда «Динамо» с участием Николая Каракулова показала 42 секунды. 2 июля были сброшены еще две десятых, затем в том же месяце была скинута еще одна десятая, и наконец в матче с Чехословакией 23 июля 1949 года сборная СССР показала результат 41,6.

В этой борьбе за каждую частицу времени решала малейшая деталь, незримое для стороннего глаза движение, скрупулезная точность, математический расчет, тысячу раз взвешенный, выверенный ритм.

С тех пор прошел год напряженного и неустанного труда, год исканий, и в июле 1950 года в матче с Венгрией Каракулов и его

товарищи порадовали в эстафете 4 × 100 блестящим достижением — 40,9 секунды. С этим результатом советские бегуны и вышли на дорожку брюссельского стадиона.

Семьдесят тысяч человек в последний день первенства заполнили трибуны стадиона «Эйзель». На легком ветру развевались флаги двадцати одной нации. Объявили начало эстафеты. В предварительном забеге по второй дорожке бежали бельгийцы, по третьей — англичане, по четвертой — советские бегуны, по пятой — исландцы и по шестой — югославы. Первая дорожка была свободной.

Владимир Сухарев легко взял старт, отлично пробежал свой этап и передал эстафету Льву Каляеву, самому молодому участнику команды. Каляев, двадцатилетний юноша, только выходящий на большую спортивную арену, невозмутимо точно принял эстафету и, показав на своем этапе изумительную скорость, передал жезл Санадзе. Темпераментный Леван великолепно взял вираж, обойдя бельгийцев и англичан, но тут произошло нечто из ряда вон выходящее. Увидев, что советская команда вырвалась вперед, бельгиец вопреки всем правилам перешел на первую, свободную дорожку. Заметив это, англичанин, в свою очередь, с третьей дорожки перебрался на вторую. Все это было сработано молниеносно, нагло, без зазрения совести — по всем правилам буржуазной морали... Таким, с позволения сказать, способом бельгийцы и англичане «сэкономили» драгоценные четыре метра.

Это омерзительное мошенничество было замечено в публике. На трибунах произошло движение. Раздалось шиканье, свист, но англичанин продолжал бег как ни в чем не бывало и первым пересек финиш.

Наши бегуны отстали на одну десятую секунды. Увлеченные борьбой, они не заметили жульничества, но нарушение было настолько явным, наглым и очевидным, что забег был тотчас же опротестован даже без их участия. По международным правилам, команды Бельгии и Англии следовало с соревнований снять, однако судейская коллегия вынесла незаконное решение провести перебежку.

Николай Каракулов стоял весь бледный, не зная, что предпринять. Он был воспитан среди уральских металлургов, добрых тружеников, чистых сердцем, простых, прямодушных советских людей. Понятия честности, нравственной чистоты, искренности, благородства были так же близки ему, как родная русская речь. Он смотрел на разгневанного Санадзе, на хмурого, сразу помрачневшего Володю Сухарева, на расстроенного Леву Каляева и не знал, что сказать им, как их успокоить.

— Какая наглость! Какой цинизм! — гневно сжав кулаки, восклицал Санадзе.

— Успокойся, Леван,— сдержанно говорил Каракулов.— Мы не у себя дома.

— Но, Коля, так же нельзя,— возражал Сухарев.— Подумай, среди бела дня, при всем честном народе!

Каракулов посмотрел на него и спокойно сказал:

— Верно, Володя. Но мы должны быть образцом выдержки и дисциплины.

— Значит, будем участвовать в перебежке с этими спортивными жуликами? — в упор спросил Санадзе.

— Да, придется,— сказал Каракулов.

И они пошли на старт... В это время к бельгийской команде подошел какой-то человек, по виду рабочий.

— Эх, вы!.. А еще хозяева поля... Стыдно за вас! — сказал он и отошел к трибунам...

После перебежки советская команда пришла первой. Англичане вышли на третье место. Теперь надо было готовиться к финишу, к решающей борьбе, но после всего пережитого бегуны никак не могли успокоиться. И вот начался финальный забег. На первую дорожку вышли шведы, на вторую — англичане, на третью — исландцы, на четвертую — французы, на пятую — итальянцы. Нашим бегунам досталась незавидная шестая дорожка.

Стоя на старте четвертого, решающего этапа, Николай Каракулов оглядел трибуны, чужие лица, чужие флаги и остановил взгляд на развевающемся алом стяге Советского Союза. Вон на другом конце стадиона стоит Володя Сухарев, близкий собрат, друг, товарищ. Сейчас ему начинать борьбу. А вон на втором и третьем этапе видны тонкие фигуры Каляева и Санадзе. Всех их четверых объединяет сейчас одно чувство — страстная, преданная любовь к Родине, к Сталину, к своему народу. Такая команда не может не победить! Не может не прозвучать сейчас, через несколько минут, гимн советской Отчизны!

Выстрел, рывок — и Каракулов увидел метнувшееся вперед массивное, стремительное тело Сухарева. Как он даже внешне похож на него, Каракулова! Дорожка мягка, слишком мягка для такого крупного, мощного тела. Лишь бы скорее «размотал» Володя свою скорость! Нога прессует грунт, ослабляя силу удара. Да, это не динамовская дорожка — плотная, упругая...

Другие бегут совсем иначе — мелким бесом,— а Володе трудно. Скорей же, скорей! Вон пригнулись на стартовой черте бегуны второго этапа. Там Каляев. Поровнялись! Бегут вместе, шаг в шаг, нога в ногу. Хоп! Но что это? Промазал! Да, Сухарев неточно передал эстафету Каляеву. Сколько десятых секунд потеряно?

Вон пронесся француз, настигает исландец, рвется вперед швед... Ну же, Каляев! Ах, какой молодец! Как он жмет! Он почти отыграл потерянное время. Ну, еще немного! Вон же там Санадзе! Пора передавать! Передает. Как здорово!

И Каракулов, переминаясь с ноги на ногу и не замечая этого, мысленно несся по кругу вместе с Сухаревым, Каляевым, Санадзе, чувствуя такую нежность, такую любовь к товарищам, что у него даже защемило сердце, мощное, не знающее перебоев каракуловское сердце.

Санадзе, перехватив с полного хода эстафетный жезл, понесся вперед, с каждым мгновением приближаясь к Каракулову. И тот внезапно увидел себя одиноко стоящим на дорожке рядом с чужими ему людьми, и одна острая мысль тут же пронзила его насквозь: сейчас от него, и только от него, будет зависеть все: успех их всех четверых, победа, первенство Европы и звучание торжественного гимна над этим бельгийским стадионом.

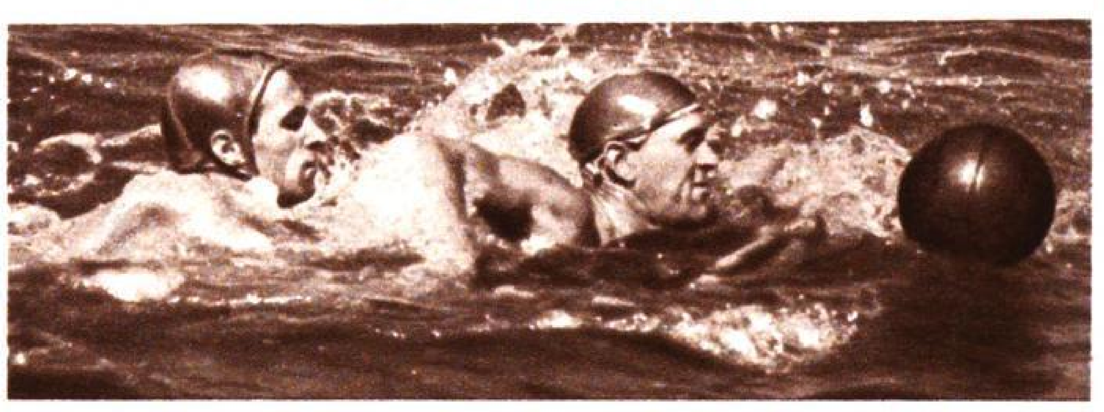
Вон Санадзе на полном разбеге, словно устремившись вниз с крутого склона, берет уже поворот. Вот он совсем рядом, совсем вплотную, и, где-то у плеча чувствуя лихорадочную, нетерпеливую дрожь итальянского бегуна — своего соседа,— Каракулов приказал себе: «Вперед!». И тут же, откинув назад правую руку, всем телом напряженно прислушиваясь к дыханию стремительно приближающегося Санадзе, Каракулов бросился вперед и вдруг ощутил в своей руке теплую, согретую тремя ладонями, гладкую эстафетную палочку.

Весь стадион увидел, как метнулся по дорожке вперед мощный, неудержимый советский бегун, как, словно подхваченный взрывной волной, несется он по дорожке, оставляя позади итальянца, француза, опередив исландца, шведа и англичанина. Мощный бросок! «Ленточка, кажется, еще на месте...» — и тут же сладостная, сразу успокаивающая мысль: «Первый!»...

Грянул Гимн Советского Союза и, стоя обнявшись, взволнованно прислушиваясь к его величественному звучанию, четыре бегуна услышали нарастающий грохот аплодисментов. Это им, представителям Советской страны, рукоплескали задние скамьи, трудовой народ, люди доброй воли — те, кто вчера шли за гробом Жюльена Лао. Они были рады победе команды Советского Союза, потому что знали: там, где побеждает Советский Союз, побеждает мир, справедливость, свобода.

Мяч на воде

Первенство СССР по водному поло

Момент игры между командами Военно-Морских Сил (Ленинград) и «Динамо» (Москва). Мяч ведет капитан ВМС В. Китаев.

Фото П. Лисенкина (ТАСС)

«Торпедо», ЦДКА, «Динамо», ВМС — четыре сильнейшие ватерпольные команды страны. Первые две команды — чемпионы страны последних двух лет. «Торпедо» кроме того завоевало «Кубок СССР» в нынешнем году. «Динамо» является непременным призером крупнейших соревнований, а команда Военно-Морских Сил выиграла встречу восьми лучших ватерпольных коллективов страны. Борьба этих команд всегда представляет большой интерес. И вот они снова встретились в Кишиневе в играх на первенство СССР. Не удивительно, что после интересной, напряженной борьбы в предварительных играх и полуфиналах все эти команды вместе с ватерполистами ВВС и «Большевика» (Киев) и составили финальную группу.

Водное поло — близкий родственник баскетбола. Как и в этой популярной спортивной игре, победу здесь решает гол, но если баскетболисты передвигаются по суше, то ватерполисты совершают свои атаки в воде. Каждый член ватерпольной команды должен быть не только отличным тактиком, но и пловцом. Борьба за мяч в воде требует отличной подготовки от всех игроков: вратаря, защитников и нападающих.

Жители столицы Молдавии имели возможность в течение десяти дней наблюдать интересные матчи команд, участниц первенства. В конце концов лучших результатов добились ватерполисты ВМС и «Динамо». Моряки победили команду «Большевика» (9 : 3), ВВС (2 : 0), «Торпедо» (7 : 2) и сделали ничью с ЦДКА (4 : 4).

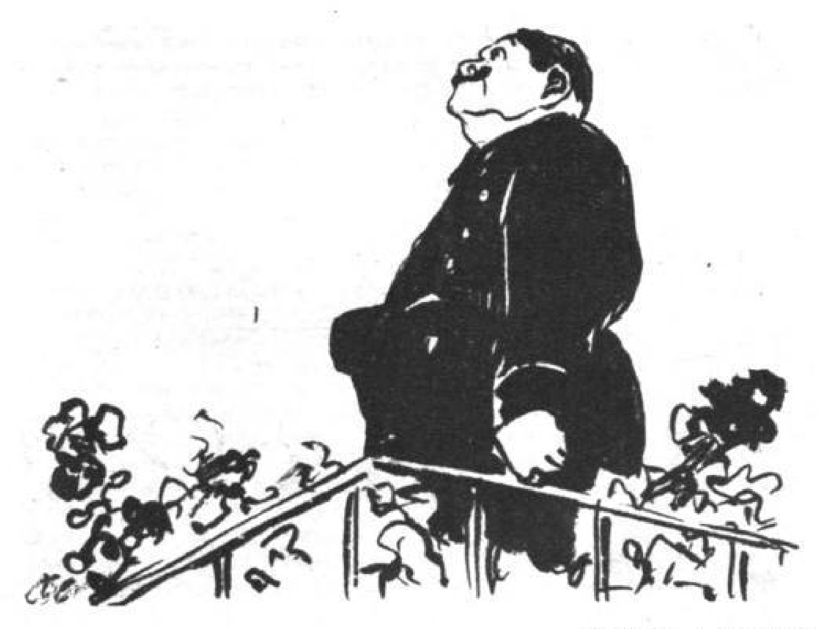
Динамовцы выиграли у «Торпедо» (7 : 6), ЦДКА (4 : 1), «Большевика» (6 : 5) и сделали ничью с ВВС (2 : 2).

Уже по количеству забитых и пропущенных мячей было видно, что все преимущества на стороне моряков, но так как общая сумма очков была одна и та же — семь,— то судьба первенства все же решалась встречей ВМС — «Динамо».

После многих дней напряженной борьбы игрокам нужны были не только физические силы, но и большая воля к победе. Игроки ВМС хорошо учли это и решили с первых же минут подавить динамовцев уверенным и мощным штурмом.

Моряки сразу же бросились вперед, оставив на защите ворот только одного вратаря. В такой тактике было, конечно, много риска, но она оправдала себя. Несмотря на то, что у ворот ВМС находился один из самых сильных наших нападающих — динамовец Мшвениерадзе,— он не смог использовать своего выгодного положения. На десятой минуте в ворота «Динамо» был заброшен первый мяч, а к перерыву счет игры был уже 2 : 0.

Моряки не изменили своей тактики. И во второй половине игры, непрерывно атакуя деморализованных динамовцев, они закончили этот матч внушительной победой, со счетом 5 : 1, принесшей им золотые медали и алые костюмы чемпионов.

Рисунки Л. Бродаты

Полицейский Клабунде

Петер ВИПП

Сидим мы однажды вечером с женой на нашем балконе. Спокойно сидим, хорошо. В небе летают «дакоты» [1] и жужжат, жужжат себе свои романсы. Вдруг жена моя, Эльфрида, говорит.

— Подумай, — говорит она, — наш сосед Клабунде, вон тот, с кривым плечом, теперь служит в полиции.

— Что ты! Клабунде? В полиции? Этого быть не может!

— А я говорю — служит! — настаивает Эльфрида. — Мне об этом рассказывали в восточном секторе неделю назад, когда я ходила туда за покупками. Да и сам Клабунде открыто хвастает. «Я,—говорит он,—теперь всем покажу...».

— Так вот оно что! Значит, он поступил во вновь организованное полицейское управление. Наверно, придя туда, он по рассеянности крикнул: «Хайль Гитлер!» — и стукнул каблуками.

— Т-ш-ш! — шикает на меня Эльфрида и вытягивает свой маленький, миленький подбородок по направлению соседнего балкона: — Он пришел, — шепчет она. — Прошу тебя, будь осторожен, а то, с него станется, он тебя тут же арестует за оскорбление должностного лица. Посмотри, он выглядит, как настоящий генерал!

И правда: кривоплечий Клабунде оперся на балконную решетку и как будто измеряет расстояние от балкона до неба; при этом он в полной полицейской форме, по всем правилам, и даже портупея на нем. Верно, не расстается с портупеей и когда спать ложится... Бывают ведь такие люди на свете. Взгляд его суров, будто он решает стратегическую задачу перед генеральным сражением. Завидев меня, Клабунде, этот новоиспеченный блюститель порядка, кривит рот и смотрит так, словно собирается надрать мне уши.

«До чего мундир меняет человека!» — думаю я про себя. Было время, когда при встрече со мной Клабунде не знал, как пониже поклониться. И такая злость меня охватила...

Я громко говорю Эльфриде:

— Приятно все же иметь красивый балкон, Эльфрида. Птички прилетают чирикать, цветочки цветут, а если они такие красненькие, как у Клабунде, и если к тому же зреют помидоры, — балкон выглядит, прямо скажу, празднично. Знаешь, Эльфрида, когда я сегодня возвращался домой, мне показалось, что наш соседушка вывесил красные флаги, и я был очень доволен. Ну, думаю, на летчиков с «дакоты» это произведет впечатление демонстрации, если, конечно, смотреть сверху вниз. Вот, думаю, молодец Клабунде! Только бы его не притянули за «антиамериканскую деятельность». Потому что...

Дальше я не успел сказать. Взглянул только еще разок на соседа и вижу: он смотрит вверх, морда у него покраснела и вдруг — бац!.. бац!.. — хватает руками свои красные красные цветы и с корнем вырывает их один за другим. И помидоры туда же, спелые и неспелые,— все вон. Он их, наверное, съест сегодня за ужином и, надкусывая каждый помидор, будет думать, что словил коммуниста, никак не меньше.

Вот каким героическим делом ознаменовал Клабунде свою новую деятельность на посту полицейского! Ох, и бывают же людишки!

Тут ничего другого не скажешь.

[1] Американские истребители.

Перевод с немецкого.

Чудо-печка

Петер ВИПП

Сегодня с раннего утра мне надо было побывать у Кнезериха, в американском секторе. Я еще только поднимался по лестнице, как услышал невообразимый стук в комнате Кнезериха. «Бух, бух!» — словно работает самая что ни на есть простецкая кузница.

Кнезерих собственной персоной открыл мне дверь. Он был с головы до ног вымазан глиной, весь в кирпичной пыли, на голову насажен шлем, бумажный шлем из «Тагесшпигеля» [1].

Заправский берлинский каменщик — и все тут. Вот как выглядел мой добрый Кнезерих. Я был поражен. Мне хорошо известно его отвращение к физическому труду.

— О-го-го! — воскликнул я. — Что случилось, милейший Кнезерих? Вы проводите восстановительную кампанию в квартире, что ли? Вот это правильно, это реально!

— Нет, — отвечает Кнезерих, — какая там восстановительная кампания! — И обдает меня при этом пылью из ноздрей, как бешеный бык. — Я разрушаю, я демонтирую свою большую кафельную печь, хочу ее выбросить вон из комнаты.

— Вот как? — удивляюсь я и вхожу вслед за хозяином в комнату.

— Ничего не «вот как», — бурчит Кнезерих. — Эта печка — прожорливое чудовище, ее и в нормальное время не прокормишь. Да к тому же она занимает полкомнаты.

Печь в тот момент занимала, пожалуй, и всю комнату. Кнезерих ее уже наполовину разобрал. Повсюду были разбросаны кирпич, мусор, глина.

— Господин Кнезерих, подумайте, зимой без печки! У вас еще сильнее будут мерзнуть ноги, — пытаюсь я предостеречь Кнезериха. — Или вы и ваш магистрат [2] надеетесь, что по приказу свыше зима будет отменена?

— Вздор! — говорит Кнезерих. — Наш вест-магистрат как-никак позаботится о своих верных служащих. В этом я не сомневаюсь. Мне надо освободить место для печки. Магистрат закупил для берлинцев западного сектора 50 тысяч печей, ну, одну из них... Вы же сами понимаете... у меня есть связи... Мне... Поверьте, кто-кто, а я не буду мерзнуть. Кстати, сейчас придет мой друг, Антон, с новой печью. Замечательная печь! Она не требует угля. Такую печь топят сухим спиртом; ну, представьте себе, — восхищенный Кнезерих расплылся в улыбке, — одной таблетки такого спирта, одной-единственной, величиною с плитку шоколада, хватает на целый месяц.

— Чорт побери, вот здорово! Видимо, последнее слово техники, г-н Кнезерих? Да!!! Тут ничего не скажешь! Эти «ами» [3] чертовски ловкие ребята. Шутка ли! Такая печь, без сомнения,— американское изобретение!

— Еще бы, — пыжится Кнезерих и на стук идет открывать дверь. Он возвращается в сопровождении маленького, толстенького человечка.

— Вот славно, что ты пришел, Антон! Мы можем сразу начинать. Надеюсь, всё в порядке?

— Будь спокоен! За что берется Антон, то всегда в порядке, — гордо, с чувством собственного достоинства отвечает толстенький человечек.

— Ты нанял такси?

— А для чего оно?

— Чудак, как для чего? Для перевозки печи. Не мог же ты таскать такую махину на руках?

— Мог, конечно, мог, — успокаивающе говорит Антон. — Кстати, и не трудно! — Антон запускает руку в карман пиджака, в один, в другой, морщит лоб.

— Куда я ее засунул? — бормочет он. — Ага! Есть! — И вынимает из левого жилетного кармана маленькую коробочку излюбленного цвета хаки, а за нею еще одну; обе коробочки прекрасно умещаются на ладони.

— Вот! — торжествующе говорит Антон и сует обе коробочки опешившему Кнезериху, который под раскачивающимся шлемом выглядит, как вопросительный знак.

— Что эт-т-о? — заикается Кнезерих.

— Новая печь, — уверяет Антон.— Та самая, одна из 50 тысяч печей для берлинцев западного сектора.

И, глядя на развалины, Антон сокрушенно качает головой:

— И чего ты, Кнезерих, торопился? Успел бы разрушить старую кафельную...

Я не выдерживаю и начинаю хихикать:

— Как это похоже на ваш вест-магистрат! — больше я не говорю ни слова.

— Эти штуковины, я их уже видел...

— Это маленькие плитки, — объясняет Антон. — Они были у них в окопах. Они на них согревали консервы в жестяных банках. Ну, и мушиные ножки, те тоже могут согреться. Знаешь, Кнезерих, восстанавливай-ка свою старую, добрую печь...

Кнезерих молчит. Его бумажный колпак, свернутый из «Тагесшпигеля», сполз ему на глаза. И совершенно околпачил его.

[1] «Тагесшпигель» — реакционная газета, выходящая в Западной Германии по американской лицензии.

[2] Магистрат западной части Берлина.

[3] «Ами» — прозвище американцев.

Перевод с немецкого.

Ищут жесть в Нью-Йорке

(Разговор по телефону)

Эрих ЛЕСТ

— Смит, это ты? Вызываю тебя третий раз, и все занято. Послушай, тут много перемен, и я все-таки жесть беру. Как? Чорт! Прямо одурели. Два дня, как все покупают только жесть. У тебя она есть?.. Удача какая, а я не догадался... Конечно, Трумэн долго нацеливался и в нужный момент сунулся в дело... Слыхал вчера вечером военную сводку? Опять 17 наших бомбардировщиков сбито... Бедные ребята. У тебя никого там нет? У меня тоже никого. Все же семнадцать в один день... Если и дальше так пойдет, то я имею надежду насчет моего нового конвейера. Что? Корея мала для этого? Ты так думаешь? Но, быть может, где-нибудь в другом месте еще заварится? И вообще... Алло, ты слышишь меня? Чорт... опять прервали... Все сегодня телефонируют в Нью-Йорк, будто им больше делать нечего... Не знаю, как быть с жестью... Где мне достать жесть?.. Чертовски прозевал!.. Можно было бы пустить новый конвейер... Алло... Ты, Смит, опять у телефона?.. Ну, брось глупости, давай жесть... Десять процентов накидки?.. С ума ты сошел!.. Самое большое — семь с половиной... Ладно, восемь... Пока дела идут хорошо, прикажи, чтобы готовили... Так на чем мы остановились? Вот как! Ты поставляешь во Францию? Но все же Корея — теперь главное, ясно... Понравился мне один анекдот. Знаешь, о летчиках? Не знаешь?.. Летят над Кореей бомбардировщики... Один из тех, что занимается на самолете бомбами, спрашивает пилота: «Под нами сейчас северокорейцы или южнокорейцы?». А пилот отвечает: «Что ты волнуешься?.. Кидай! Какая разница! Тебе что надо: войну выиграть или бомбы сбыть?..» Хэ-хэ, неплохо ведь?.. Нет, мне надо прекратить разговор. Тут еще одно маленькое дельце у меня... Так что завтра вечером увидимся... на благотворительном вечере в пользу семей погибших на войне... Выпьем заодно и за жесть... О'кей. До завтра!..

Уф! Дело сделано...

Алло!.. Это станция? Барышня! Дайте мне, пожалуйста, разъяснение. Где, собственно, находится эта Корея?

Перевод с немецкого.

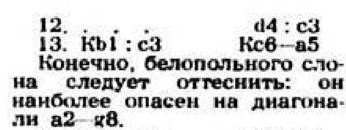
ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера М. БОТВИННИКА

РЕШАЮЩАЯ ПАРТИЯ

В последнем туре матч-турнира в Будапеште всеобщий интерес вызывали две партии: Болеславский — Штальберг и Бронштейн — Керес. И. Болеславский имел на пол-очка больше Д. Бронштейна, и от исхода этих встреч зависел итог турнира.

И. Болеславский не пожелал рисковать в последнем туре и на 16-м ходу предложил Г. Штальбергу ничью. Это еще более накалило спортивную атмосферу в турнирном зале: удастся ли теперь

Положение после 15-го хода черных.

Д. Бронштейну одержать победу над П. Кересом и догнать тем самым И. Болеславского?

Следует отметить, что гросмейстер Бронштейн мог играть весьма азартно: даже в случае проигрыша он сохранял за собой второе место.

Не без волнений и «приключений», которые как раз и объясняются остротой турнирной борьбы, Д. Бронштейн добился победы...

Испанская партия

Д. Бронштейн — П. Керес

1. e2—e4 e7—e5
2. Kg1—f3 . . . .

Иногда Д. Бронштейн играет королевский гамбит — 2. f4, но против П. Кереса, тонкого знатока открытых начал, он не решился на это продолжение.

2. . . . Kb8—c6
3. Cf1—b5 a7—a6
4. Cb5—a4 Kg8—f6
5. 0—0 Cf8—e7
6. Лf1—e1 b7—b5
7. Ca4—b3 0—0

Черные явно были намерены в случае 8. c3 пойти на острое продолжение 8. ...d5. Белые предпочитают менее исследованные варианты.

8. d2—d4 d7—d6

Проще всего. Вряд ли хорошо здесь 8. ...K:d4 ввиду 9. C : f7 +! Л : f7 10. K : e5 Лf8 (10... Kc6 11. K : f7 Kp : f7 12. e5 Ke8 13. Фd5 +) 11. Ф : d4 Cb7 12. Kc3 с лишней пешкой у белых.

9. c2—c3 Cc8—g4
10. h2—h3 . . .

Лет тридцать назад здесь обычно играли 10. Ce3; однако в этом случае черные путем 10. ...ed 11. cd Ka5 12. Cc2 Kc4 добивались хорошей игры.

Более инициативное продолжение, избранное белыми, также безопасно для черных.

10. . . . Cg4 : f3
11. Фd1 : f3 . . .

Интересная жертва пешки: белые получают двух слонов и некоторую инициативу. Все же, пожалуй, больше чем на уравнение игры, они рассчитывать не могут.

Теоретики считают, что 11. g1 ведет к равной игре.

11. . . . e5 : d4
12. Фf3—d1 . . .

Таким путем белые вынуждают размен пешки d4 и с темпом развивают ферзевого коня.

12. . . . d4 : c3
13. Kb1 : c3 Kc6—a5

Конечно, белопольного слона следует оттеснить: он наиболее опасен на диагонали a2—g8.

14. Cb3—c2 Лf8—e8

Выясняется, что белым нелегко проявить активность: на 15. Фd3 черные спокойно отвечали бы 15. ...g6. Избранный Д. Бронштейном план (15. f4) связан с ослаблением позиции, в результате чего белые будут вынуждены временно перейти к обороне.

15. f2—f4 b5—b4

Выясняет положение. После 16. Ke2 d5 17. e5 Ke4 инициатива у черных. Белые идут на размен коней что существенно упрощает положение, и это, конечно, к выгоде черных.

16. Kc3—d5 Kf6 : d5
17. Фd1 : d5 . . .

После 17. ed Cf6 у белых не было бы и намёка на атаку; не удивительно, что Д. Бронштейн уклонился от этого варианта.

17. . . . c7—c6
18. Фd5—d3 g7—g6

Итак, белые попросту без пешки; единственным минусом позиции черных является неудачное положение коня, но это дело поправимое. Белые же до сих пор еще не решили проблемы развития ферзевого фланга.

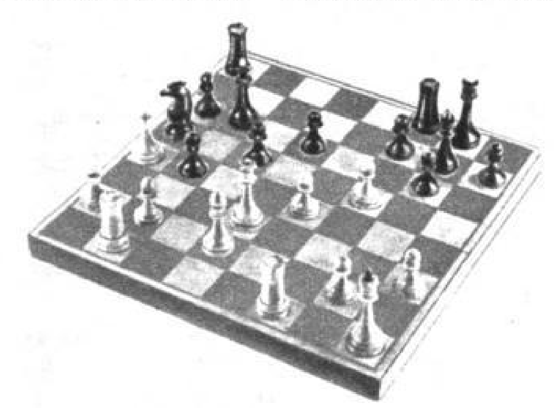
Ради того, чтобы оперировать угрозой Cc1—d2 : b4, белые отступают королем (при этом устраняется встречная угроза Фd8 — b6 + : в4).

19. Kpg1—h1 Ce7—f8
20. Лe1—f1 . . .

И это необходимо: белые должны любой ценой избегать разменов, в частности, возможного размена ладей по линии e.

20. . . . Cf8—g7

До этого момента П. Керес играл превосходно; здесь ясность мысли ему изменяет.

Положение после 24-го хода белых.

Вполне логичным был удар в центре путем 20. ...d5. После 21. ed Ф : d5 белые могут мечтать лишь о ничьей, а в случае 21. e5 Kc4 22. b3 Kb6 (или 22. ...Ka3) 23. Cb2 c5 24. f5 Cg7 получались большие осложнения, повидимому, небезвыгодные для черных.

21. Cc1—d2 . . .

Наконец-то слон вышел в игру! Теперь черные решаются на ход c6—c5, ослабляя белые поля в своем лагере, ибо на 21. ...Фb6 следует 22. Ф : d6 (как полезен был черный слон на поле f8!) Kc4 23. Ф : b4.

21. . . . c6—c5
22. Cc2—a4 Лe8—f8
23. Лa1—b1 Фd8—b6
24. f4—f5!

Д. Бронштейн отлично использовал упущение черных на 20-м ходу и добился опасной инициативы, удачно мобилизовав свой ферзевый фланг. И все же положение черных защитимо.

24. . . . Cg7—d4

Прикрывая поле d5, — теперь грозит c5—c4, а также парируя угрозу f5—f6

25. Фd3—g3 . . .

Жаль! Начинается так называемая игра «на цейтнот» противника, и белые сами допускают неточность.

Правильно было сразу 25. Ch6 c4 26. Фg3, после чего черным не так уж просто было найти верный ход 26. ...Kb7!!. В случае 27. C : f8 Л : f8 с последующим Kc5 черные, несмотря на потерю качества, получали полноправную игру.

25. . . . Ka5—c4

И здесь лучше было 25... c4, так как на ход в партии белые должны были продолжать 26. Cc1! с опасной угрозой Cb3.

26. Cd2—h6 Cd4—g7

Цейтнотная ошибка, которая сразу решила исход борьбы. Любопытно, что именно сейчас черные были недалеки от цели — после 26. . . K : b2! 27. C : f8 Л : f8. 28. Cc2 (28. Cd7 Фc7) Ce5 29. Фb4 c4 положение белых было бы весьма тяжелым. Лишь путем 28. Cb3 c4 29. Л : b2 C : b2 30. C : c4 белые сохраняли контригру.

27. Ch6 : g7 Kpg8 : g7
28. f5—f6 + Kpg7—h8
29. Фg3—g5! . . .

Решающий удар. Белые препятствуют «умилостивительной» жертве g6—g5 (что избавляло черных от матовых угроз); теперь нет защиты от маневра Лf1—f4—h4.

29. . . . b4—b3

Отчаяние. Не лучше было и 29. Лg8 30. Лf4 Фd8 31. Лh4 Фf8 32. Лh6.

30. a2 : b3 Фb6—b4
31. b3 : c4 Фb4 : a4
32. Лf1—f4 Фa4—c2
33. Фg5—h6! сдался

Продолжение 33. ...Ф : b1 + 34. Kph2 Лg8 35. Ф : h7 + (или сразу 35. Лh4) вело к мату.

Острая схватка!

Рисунки Е. Пугачевой

В один из летних вечеров пятилетний Алик, запыхавшись, прибежал сообщить нам новость:

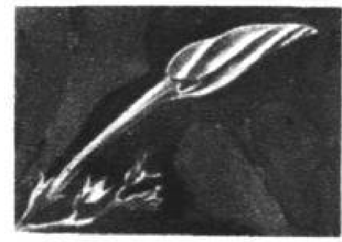
— Идите скорей в сад смотреть, как на луноцвете танцуют цветы!

Мы не придали серьезного значения словам юного натуралиста, но все же вышли в сад, и то, что увидели, поразило нас. С этого вечера ежедневно все население нашего дома собиралось в саду, чтобы полюбоваться необычайным зрелищем — «балетом цветов».

Начинается он так... Впрочем, я еще ничего не сказал о самом растении, семена которого мы получили из Ашхабадского ботанического сада. Из посаженных весной семян выросли вьющиеся лианообразные растения.

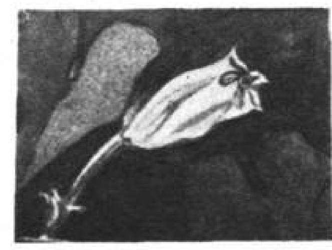
Сначала в пазухах сердцевидных и лопастных листьев во множестве появились бутоны светлозеленой окраски. Разрастаясь, они стали приобретать форму наконечника стрелы или копья. С этого периода началось цветение растений.

На улице еще светло, но косые, удлиненные тени деревьев и веющая с моря прохлада говорят о приближающемся вечере. Кругом тихо, не шелохнется ни травка на земле, ни веточка на дереве, неподвижны листья и бутоны луноцвета. Но вдруг... один бутон словно вздрогнул, затем второй, третий... При этом слегка раздвигаются их остроконечные вершины, и с боков по спирали появляются узкие белые просветы. В этот момент хотя и происходит распускание бутона, но оно почти неуловимо для зрения...

Бутон луноцвета.

Красный солнечный диск уже наполовину погрузился в серебристо-серое олово вод и словно раскалил их у линии горизонта.

Распускающийся бутон.

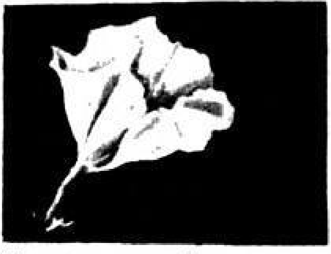
На вершине раскрывающегося бутона венчик приобретает форму звездочки с цилиндрическим отверстием посередине. Бутон ритмично покачивается, цилиндрическое отверстие непрерывно увеличивается, и лучи звездочки становятся похожими на лопасти вентилятора. Скрученные внутри цветка лепестки венчика начинают быстро и плавно раскручиваться в направлении против часовой стрелки. Это вращение длится от 15 до 30 секунд.

Затем движение лепестков прекращается. Маленькая пауза — и бутон распускается во все стороны, приобретая вначале форму юбочки балерины; и вдруг распускается окончательно, превращаясь в роскошный белоснежный цветок, напоминающий по форме распластанный парашют, словно сотканный из тончайшего шелка.

Сад наполняется тонким, очень приятным, непередаваемым словами ароматом. От центра цветка и на всю его окружность расходится пятиконечная звезда, имеющая с нижней стороны цветка светлозеленую окраску. Она в несколько раз толще белой части венчика и служит не только защитой внутренних органов цветка, когда он находится в состоянии бутона, но и выполняет роль пружины при его распускании.

Не успел распуститься один цветок, как завертелась центральная часть звездочек еще на двух, затем на трех бутонах, а на вершине растения кружатся одновременно раскрывающиеся лепестки пяти бутонов.

— Да это целая сцена из «Лебединого озера»! — восторженно заявляет один из зрителей, количество которых возрастает с каждым вечером в нашем «зеленом театре».

Полураскрывшийся цветок, через 30—40 секунд он раскроется полностью.

— Поразительно! Поразительно! — повторяет молодой ученый-физиолог, отдыхающий в соседнем санатории и пришедший посмотреть «танец цветов».

В небе зажглись первые звездочки; тонкий лунный рог приобрел более четкие очертания; маленькими мелькающими огоньками закружились в саду светлячки. В синеве наступившего южного вечера грациозно распустилась последняя белоснежная юбочка чудесных цветов-балерин.

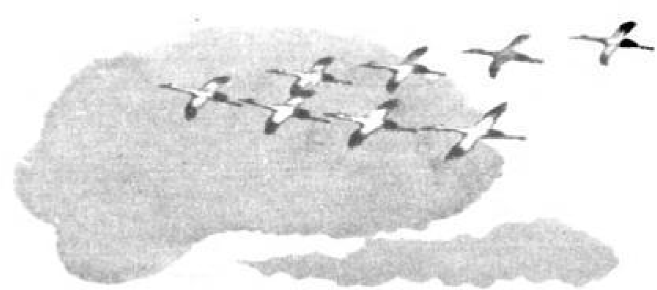

Распустившийся цветок луноцвета.

Рано утром цветы луноцвета особенно хороши, за ночь они значительно увеличились, расправив свои тончайшие лепестки, достигающие теперь 16 сантиметров в диаметре — величины чайного блюдца.

...Но вот солнечные лучи золотистым веером рассыпались по белоснежным венчикам цветов и убили их — они съежились и превратились в бесформенную массу. Но рядом с умершими цветами горделиво навстречу солнцу поднимают свои остроконечные вершины новые светлозеленые бутоны.

Ф. ЗОРИН

Журавлиный клин

Наблюдая полет птичьих стай, натуралисты и любители природы давно задавали себе вопрос: почему одни птицы строятся клином или цепочкой, а другие летят беспорядочной стаей?

В старину даже предполагали, что лебеди, например, летят друг за другом потому, что при таком построении каждый, кроме вожака, может опереть свой клюв на спину летящего впереди, а когда вожак, не имеющий такой подпорки, устанет, он уступает свое место другому и отлетает назад.

Позднее высказывалось много других, менее наивных предположений и догадок, но долгое время вопрос оставался открытым. Ответ на него дан не специалистом по птицам, не орнитологом, как бы следовало ожидать, а со стороны — ученым, посвятившим себя изучению физики моря.

Академик В. В. Шулейкин заинтересовался этим вопросом, наблюдая журавлей в то время, когда характерный для них на перелете строй клина был нарушен и они беспорядочной стаей летели над морским берегом.

Он обратил внимание на то, что в этой стае, потерявшей свой строй, не было и помину о плавном полете: птиц болтало в воздухе вправо, влево; журавли то сближались друг с другом, то расходились.

Рядовой наблюдатель ничего бы не усмотрел в этом, кроме беспорядка, и не вывел бы отсюда никаких заключений, но ученому-физику беспорядочный полет журавлей привел на память исследования других физиков и гидродинамистов о совместном движении двух шаров в жидкости или газе.

Эти исследования показали, что если два шара движутся в направлении, перпендикулярном к линии, соединяющей их центры, или в направлении, близком к нему, то они ПРИТЯГИВАЮТСЯ между собой. Если шары движутся друг за другом по одной прямой или по прямым, близким между собой, то такие шары ОТТАЛКИВАЮТ друг друга. Шары «не мешают» друг другу двигаться вместе в одном направлении с одинаковой скоростью только тогда, когда линия, проходящая через их центры, составляет угол около 55° с направлением движения.

При полете журавлей, сбившихся в беспорядочную стаю, проявились именно такие силы взаимодействия, связанные как с поступательным движением птиц, так и с колебательными движениями крыльев. Стоило, однако, журавлям построиться клином, как их полет сделался совершенно спокойным. Почему же это произошло?

Понятным это стало при внимательном рассмотрении вершины журавлиного клина. Оказалось, что его стороны составляют между собой угол примерно в 110°, а каждая из этих сторон образует с направлением общей скорости полета угол около 55°, то есть именно тот самый, при котором достигается невозмущенное и удобное движение. «Именно этот угол,— отмечает академик Шулейкин,— инстинктивно выбирают для себя журавли, избегая «дергающих» сил взаимодействия с соседями по стае».

Так были вскрыты причины своеобразного построения журавлиной стаи, а отсюда стало понятным построение в полете и других видов птиц. Гуси, утки, бакланы летят своеобразной КОСОЙ ЦЕПОЧКОЙ: они выстраиваются в прямую линию, составляющую приблизительно тот же угол в 55° с направлением движения. Получается как бы одна сторона журавлиного клина.

Правильное построение характерно для крупных птиц, летящих стаей, при не слишком больших расстояниях между отдельными птицами. Чем меньше размеры птицы, тем меньше и силы, которые возникают при нарушении правильного строя: если тело одной птицы по своим линейным размерам вдвое меньше тела другой, то сила, действующая на нее в таких случаях, в шестьдесят четыре раза меньше,— при тех же расстояниях между птицами в стае.

По этой причине мелкие птицы летят совершенно беспорядочными стаями, не испытывая при этом никаких неудобств от сил взаимодействия.

Подумай!

ЧИСЛОВЫЕ ГИГАНТЫ

Часто мы встречаемся с выражением «астрономические цифры», то есть очень большие числа.

Например, радиус доступной нам сегодня (с помощью сверхмощных телескопов) Вселенной равен $2 \cdot 10^{26}$, или «2 на 10 в двадцать шестой степени», сантиметров (в физике принято все данные выражать в сантиметрах). А объем видимой Вселенной равен примерно 2 . 10[illegible] кубических сантиметров. Это, конечно, очень большие числа, но они кажутся карликами по сравнению с другими известными математике числовыми исполинами.

Курьезным примером числового гиганта (его приводит Г. Н. Берман в своей книге «Число и наука о нем»; является известное в математике «число Курта Лассвица». Лассвиц решил подсчитать: из скольких томов должна состоять библиотека, которая содержала бы все, что когда-либо было написано людьми, и все, что когда-либо будет написано или хотя бы подумано, все, включая бред сумасшедшего?

Хотя нелепость такой постановки вопроса очевидна, но задача эта имеет математическое решение. Возможно подсчитать такое число томов, при котором требуемая «универсальность» наверняка осуществится. Это будут книги, напечатанные мелким, убористым шрифтом, каждая по 1000 страниц, по 5 миллионов знаков в томе.

Искомое число будет $10^{15000000}$, т. е. «десять в пятнадцатимиллионной». Назвать его с помощью обычной нумерации невозможно. Для записи этого гиганта понадобился бы громадный том — более чем в тысячу страниц.

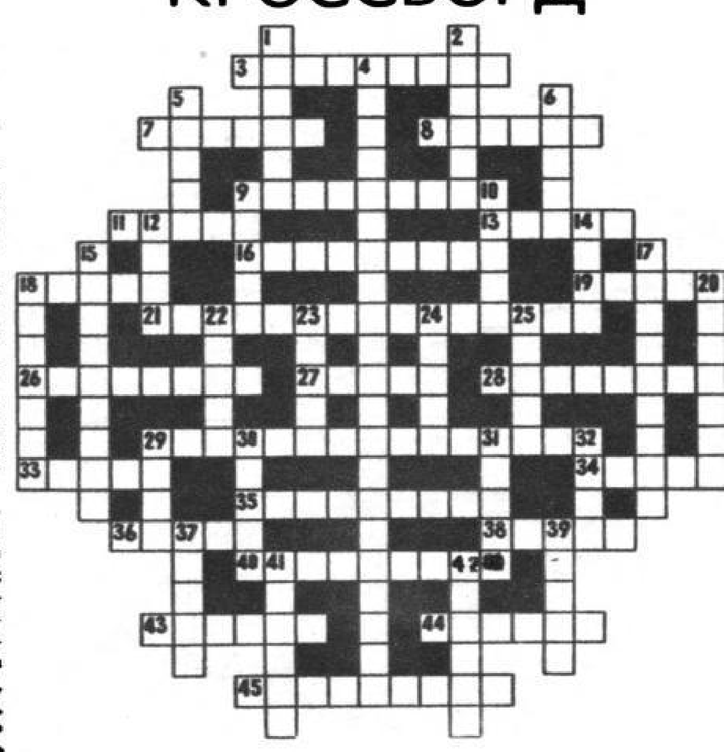
Однако, наверное, вы знаете число, значительно большее «числа Курта Лассвица». Это — самое большое число, которое можно записать с помощью трех цифр. Вспомните: какое это число и чему оно равно?

☆ ☆ ☆

Решение этюда А. Бутневича, помещенного в № 40

1. e5— f6 d8— c7; 2. a3— b4 c3 : a5; 3. a1— b2 c7— b6 (если 3... a5— b4, то 4. b2— c3 и выигрывают). 4. b2— c3 b6— c5; 5. e1— d2 c5— b4; 6. c3— d4 b4— a3; 7. d2— c3 a5— b4; 8. c3 : a5 a3— b2; 9. f6— e7 f8 : d6; 10. d4— c5 d6 : b4; 11. a5 : a1 X.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Юный возраст. 7. Русский ученый-физик. 8. Дерево или кустарник. 9. Ягода. 11. Салазки. 13. Птица. 16. Регулировка высоты звука музыкального инструмента. 18. Фамилия героя романа Д. Дефо. 19. Угол между направлением движения корабля и его осью. 21. Человек, производящий научный опыт. 26. Род стеклянного резервуара. 27. Небольшая черноморская рыба. 28. Советский писатель. 29. Пункт постоянного пребывания. 33. Горная порода. 34. Органическое вещество. 35. Конечный итог. 36. Небольшое литературное произведение. 38. Способ плавания. 40. Сорт яблок. 43. Город в СССР. 44. Многолетняя кормовая трава. 45. Город в Московской области.

По вертикали:

1. Вместилище воды. 2. Стеклянный сосуд для питья. 4. Предмет, заслуживающий особого внимания. 5. Великий русский художник. 6. Вещество для дезинфекции. 9. Портовый город, в бухте которого в 1853 г. русский флот уничтожил турецкую эскадру. 10. Тропическое растение. 12. Африканское растение, сок которого применяется в медицине. 14. Хвойное дерево. 15. Основоположник русской авиации. 17. Великий русский критик. 18. Перечень книг библиотеки. 20. Органическая клетка, поглощающая бактерии. 22. Зверек, дающий ценный мех. 23. Граница. 24. Степень свечения раскаленного тела. 25. Большая проезжая дорога. 29. Состязание в игре. 30. Приспособление для размельчения овощей. 31. Сотая часть какой-нибудь единицы. 32. Животное из семейства лошадиных. 37. Русский писатель. 39. Вид яичницы. 41. Рыба. 42. Исполин.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

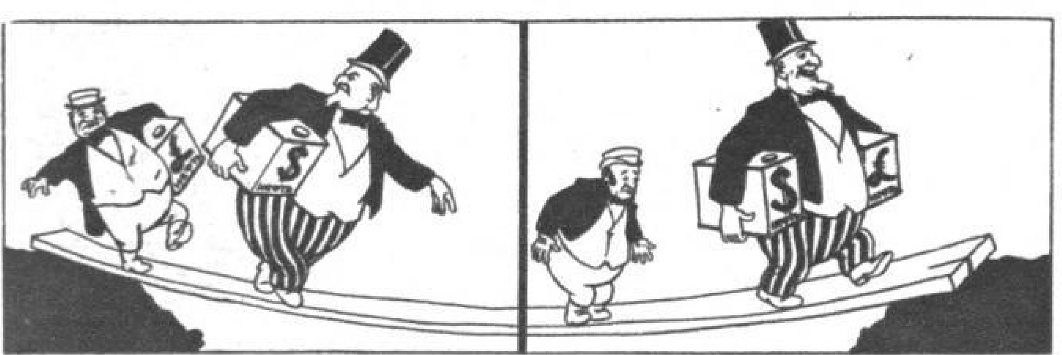
4. Поезд. 6. Порез. 8. Наган. 10. Сталактит. 11. Греза. 12. Ровно. 13. Поставка. 18. Протрава. 22. Реторта. 23. Карбид. 24. Хребет. 25. Изнанка. 26. Гарантия. 30. Иноходец. 35. Сквер. 36. Омела. 38. Вальдшнеп. 39. Финал. 40. Артек. 41. Катет.

По вертикали:

1. Рефлекс. 2. Армада. 3. Огневка. 4. Плуг. 5. Досада. 6. Платок. 7. Затвор. 8. Нитрат. 9. Небо. 14. Овчарка. 15. Трибуна. 16. Вердикт. 17. Актиния. 18. Пиренеи. 19. Опахало. 20. Ремесло. 21. Варенье. 27. Равнина. 28. Нарвал. 29. Иволга. 31 Ночник. 32. Хлопок. 33. Дремота. 34. Подать. 35. Сейф. 37. Агат.

«ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ»

Рисунок Е. Гурова

Ох, как трудно удержать равновесие! Ну, вот теперь другое дело.

Обо всем

ПЕРЕДЕЛКА РАСТЕНИЯ

Медленно прорастают семена древесных пород: семенам желтой акации требуется для этого несколько месяцев, семенам липы — целый год. Медленно, до пяти лет, развивается дуб. Ускорить эти процессы — значит быстрее вырастить лесозащитные полосы.

Биолог Я. П. Худяков, обрабатывая семена особым окислительным раствором, добился того, что семена любой древесной породы могут быть пророщены всего в несколько дней.

Профессор С. С. Пятницкий, скрещивая разные породы дуба, создал две новых, отличающихся большой жизненной силой и быстротой роста: дуб Высоцкого, названный так в честь известного русского лесовода, и дуб Тимирязева. Последний за год вырастает более чем на метр.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 04409 Подписано к печати 3/X 1950 г. Изд. № 654. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2542. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ
РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
ПРИОБРЕТАЙТЕ
ОБЛИГАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА
ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ И ОДИН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ
Основные тиражи выигрышей состоятся 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября, дополнительный тираж — 30 сентября каждого года.
Тиражи выигрышей производятся на один разряд займа с тем, что выигравшими считаются облигации, имеющие одинаковые серию и номер во всех выпущенных трёх разрядах займа.
В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретённые не менее чем за девять месяцев до срока тиража.
В каждом тираже займа разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша в рублях	Количество выигрышей			
	в основном тираже		в дополнит. тираже	
	на один разряд займа	на три разряда займа	на один разряд займа	на три разряда займа
100.000	—	—	1	3
50.000	2	6	5	15
25.000	5	15	25	75
10.000	25	75	80	240
5.000	80	240	800	2.400
1.000	700	2.100	2.300	6.900
400	7.688	23.064	8.289	24.867
Всего:	8.500	25.500	11.500	34.500
Общая сумма выигрышей в рублях	4.650.200	13.950.600	11.390.600	34.171.800

ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО
ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ
Н. П.

Цена 3 руб.